
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 9(73), 2021

ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.09.2012
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукрутдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Дубровина О.В., Дубровина О.Ю., Плотников В.С.

Глокализация современных международных отношений:
характеристика и особенности 2444

Белов С.И. Методика изучения видеоигр
как инструмента символической политики 2457

ИСТОРИЯ РОССИИ

Чемшиш А.А., Стаценко О.С., Чемшиш Д.А. «Брежневский застой»
как предпосылка кризиса советской государственности 2465

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Большие выборы – 2021
как контекст упрочения гражданского единства и этнокультурного
разнообразия российского общества 2474

Конько С.Г., Славин Б.С. Особенности российской модели
представительства групповых интересов 2489

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Цветкова О.В. Эволюция субнациональных
политических институтов России 2498

Осипов А.В. Проблема модернизации
и развития кластера элиты в целях обеспечения
консолидированной политики современной России 2508

Суслонов П.Е., Третьяков А.В. Методология и практика
формирования региональной социокультурной среды,
препятствующей распространению идеологии терроризма
(на примере Свердловской области) 2518

Павишуква А.Ю. Отмывание преступных доходов
и финансирование терроризма: основные направления
деятельности преступных организаций 2529

Шевелёва Ю.Р. Коммуникационный режим
как фактор воспроизводства политической власти 2535

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Маматкобилов Т., Нормуратова М.К. Стратегическое
значение социальной политики государства 2552

Эгембердиев А.К. Государственная информационная
политика в сфере миграции как часть процесса
управления общественным развитием 2557

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Михайленко А.Н., Ровчак П.Ю.</i> Отношения России со странами африканского континента	2563
<i>Залысин И.Ю.</i> Трансформация антитеррористических органов ООН в 2000-е гг.....	2576
<i>Тушков А.А., Алехина А.П.</i> Конфуцианский образ нравственного идеала в современном Китае	2584
<i>Мехмет Эмин Икбаль Дюрре.</i> Экономическая политика иракского Курдистана до и после референдума 2017 г.	2591
<i>Амиантова И.С., Бакарюхина А.В.</i> Соотношение региональной и национальной идентичностей в Германии	2605
<i>Кудашев Р.Ш.</i> Европейский союз: наднациональное или межправительственное интеграционное сообщество?	2616
<i>Меркулов А.Л.</i> Внешняя политика ФРГ на современном этапе.....	2622
<i>Макаров А.В.</i> Геополитическая модель образовательного пространства национального государства	2627
<i>Шэнь Шань.</i> Инструмент мягкой силы Россотрудничества в Украине.....	2636
<i>Нарышкин А.А.</i> Основные подходы к задачам экономической дипломатии в отечественной научной литературе	2647

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Го Сюнхао.</i> Краудфандинговые технологии в устойчивом региональном развитии Китая.....	2654
---	------

РЕЦЕНЗИИ

<i>Слизовский Д.Е.</i> Перестройка в СССР в историографии: актуальные предпочтения	2658
--	------

НАШИ АВТОРЫ	2669
-------------------	------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	2676
---	------

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Dubrovina O.V., Dubrovina O.Yu., Plotnikov V.S.** Glocalization of Modern International Relations: Characteristics and Features..... 2456
- Belov S.I.** Methodology of Studying Video Games as a Tool of Symbolic Policy 2464

RUSSIAN HISTORY

- Chemshit A.A., Statsenko O.S., Chemshit D.A.** “Brezhnev’s Stagnation” as a Suppose for the Crisis of Soviet Statehood..... 2473

POLITICAL SOCIOLOGY

- Zorin V.Yu., Astvatsaturova M.A.** Big Elections – 2021 as a Context for Strengthening Civil Unity and Ethno-Cultural Diversity of Russian Society..... 2487
- Konko S.G., Slavin B.S.** Specificities of the Russian Model of Group Interests Representation 2497

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Tsvetkova O.V.** Evolution of Russia’s Subnational Political Institutions 2507
- Osipov A.V.** The Problem of Modernization and Development of the Elite Cluster in Order to Ensure the Consolidation Policy of Modern Russia 2516
- Suslonov P.E., Tretyakov A.V.** Methodology and Practice of Forming a Regional Socio-Cultural Environment that Prevents the Spread of the Ideology of Terrorism (On the Example of the Sverdlovsk Region)..... 2528
- Pavshukova A. Yu.** Laundering Of Criminal Profits and Financing of Terrorism: the Main Areas of Activities of Criminal Organizations..... 2533
- Shevel'yova Yu.R.** Communication Regime as a Factor of Reproduction of Political Power 2551

PUBLIC ADMINISTRATION AND INDUSTRY POLICIES

- Mamatkobilov T., Normuratova M.K.** Strategic Importance of the Social Policy of the State..... 2556

<i>Egemberdyev A.K.</i> A State Information Policy in Migration as a Part of Governance of Society's Development.....	2562
---	------

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

<i>Mikhaylenko A.N., Rovchak P.U.</i> Relations of Russia with the Countries of African Continent.....	2575
<i>Zalysin I.Yu.</i> Transformation of the UN Antiterrorist Bodies in the 2000s	2582
<i>Tushkov A.A., Alekhina A.P.</i> Scenarios for the Development of the U.S. Strategic Course in the Political Process of the Indo-Pacific Region	2589
<i>Mehmet Emin Ikbal Durre.</i> Iraqi Kurdistan's Economic Policy Before and after the 2017 Referendum.....	2603
<i>Amiantova I.S., Bakaryukhina A.V.</i> The Correlation of Regional and National Identities in Germany	2615
<i>Kudashev R.Sh.</i> The European Union: A Supranational or Intergovernmental Integration Community?	2621
<i>Merkulov A.L.</i> Foreign Policy of the FRG in the Present Stage	2626
<i>Makarov A.V.</i> Geopolitical Model of the Educational Space of the Nation State.....	2634
<i>Shen Shan.</i> Rossotrudnichestvo Soft Power Tool in Ukraine.....	2646
<i>Naryshkin A.A.</i> The Main Approaches to the Tasks of Economic Diplomacy in the Domestic Scientific Literature	2653

STUDENT SCIENCE

<i>Go Syunhao.</i> Crowdfunding Technologies in China's Sustainable Regional Development.....	2657
---	------

REVIEWS

<i>Slizovskiy D.Y.</i> Perestroika in the USSR in Historiography: Current Preferences.....	2668
--	------

OUR AUTHORS.....	2673
------------------	------

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	2676
-------------------------------	------

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.001

УДК 32.327

О.В. ДУБРОВИНА

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и
политического управления РАНХиГС
при Президенте Российской
Федерации, Россия, г. Москва*

О.Ю. ДУБРОВИНА

*кандидат политических наук, доцент,
координатор Национального союза
политологов России, Россия, г. Москва*

В.С. ПЛОТНИКОВ

*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры таможенного дела
Сибирского государственного университета
путей сообщения, Россия, г. Новосибирск*

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ

Данная статья посвящена актуальным проблемам глокализации современных международных отношений, а исследование глобального, регионального и локального уровней мировых процессов позволяет осмыслить развитие международного взаимодействия. Цель статьи – показать, что в основе международных отношений лежит триада, в вершине которой находится глобализация, в основании – регионализация и локализация, а сами отношения можно представить в виде четырехуровневой системы, включающей в себя наднациональный, межгосударственный, субнациональный (региональный) и локальный уровни. Все участники этого многогранного и многоуровневого процесса наделены определенными компетенциями и полномочиями в международной сфере, и именно этот факт дает возможность звучать данному международному оркестру.

Ключевые слова: *международные отношения, международные связи, международное сотрудничество, глобализация, регионализация, локализация, глокализация.*

Проблема глокализации современных международных отношений является весьма актуальной. Глокализация выводит государства, субнацио-

нальные регионы и территории с местным самоуправлением в глобальный мир, обеспечивая развитие отношений одновременно на планетарном, региональном и локальном уровне. Глокализация характеризуется проницаемостью границ, что дает возможность формировать трансграничные регионы и пространства, объединяющие территориальные сообщества и власти, и муниципальные образования, относящиеся к разным государствам.

Она охватывает различные по уровню, масштабам и характеру структуры, включая государства, а также субгосударственные образования. Глокализация задействует глобальные, региональные и локальные международные процессы.

Это явление привело к всплеску научного интереса к нему. Вопросы глобализации международных отношений исследуют такие ученые, как О.Т. Богомолов, А.В. Торкунов, Н.А. Симония, М.М. Лебедева, С.Ю. Глазьев и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Проблемы регионализации рассматриваются в целом ряде трудов А.А. Громько, А.Д. Восресенского, Л.Б. Вардомского, В.А. Дергачева, М.В. Бильчака, О.В. Дубровиной, О.Ю. Дубровиной, В.С. Плотникова и др. [3; 4; 10; 12; 13; 14; 15; 19; 23; 24; 25; 26; 30; 31; 32; 44]. Изучение научных публикаций по локализации международного сотрудничества показало, что данные процессы требуют глубокого исследования [1; 4; 10; 16; 30; 48].

Современная система международных отношений характеризуется большим разнообразием, многовекторностью и множественностью участников. Ее можно представить, как многоуровневую систему и выделить наднациональный, межгосударственный, региональный и локальный уровни. Постепенное формирование данной системы привело первоначально к развитию двусторонних межгосударственных отношений, которые сегодня являются ведущими на международной арене, а государства продолжают оставаться основными участниками этого процесса.

С созданием в 1919 году такой международной организации, как Лига Наций, а в 1945 году целого ряда международных организаций, в том числе и ООН, началось формирование глобального, надгосударственного уровня многосторонних международных отношений. Создание международных организаций дало возможность государствам передать часть своих полномочий в области внешней политики на надгосударственный уровень.

В послевоенный период в рамках развития процессов европейской интеграции государства начали наделять свои регионы правом участвовать в международном сотрудничестве. Это привело к формированию регионального уровня международных отношений. А наделение органов местного самоуправления правом осуществлять международные связи сопровождалось появлением локального уровня. И сегодня можно сказать, что современная система международных отношений является четырехуровневой системой. Безусловно, все участники этого многогранного и многоуровневого процес-

са наделены определенными компетенциями и полномочиями в международной сфере, и именно этот факт дает возможность звучать данному международному оркестру.

Глобализация международных отношений выводит на планетарную орбиту государства, международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и банки.

Регионализация позволяет принимать участие в международных связях регионам государств, а локализация дает возможность осуществлять международное сотрудничество муниципальным образованиям. Мы видим триаду, которая лежит в основе международных отношений – в вершине триады находится глобализация, в основании лежат регионализация и локализация.

Данная триада формировалась постепенно. Что касается глобализации, то отметим, что термин «глобализация» был впервые использован Р. Робертсоном в 1983 году. Саму концепцию глобализации он изложил в целом ряде своих научных трудов [50; 51; 52; 53; 54; 55], в которых называл *«глобализацию, как становление мира в виде единого или, может быть, общего (single) пространства, а движение к такому миру – как процесс, начавшийся еще на ранних этапах истории и ныне ставший, почти, непреодолимым»* [50].

Иностранные и российские ученые также считают, что глобализация международных отношений имеет исторические корни и началась с появлением мировой торговли, с первых кругосветных путешествий в 1519-1521 годах [49], приведших к Великим географическим открытиям (XV-XVII века) [43], с зарождением и развитием мирового товарного рынка [43], со становлением капитализма в Европе [11].

Международные отношения, возникшие как хаотичные, в XVII веке стали регулироваться международными договорами, приведшими к формированию в 1648 году Вестфальской системы мира. В рамках данной системы возник целый ряд систем международных отношений: Венская система в 1814-1815 годах, Версальско-Вашингтонская система в 1919-1922 годах, Ялтинско-Потсдамская система в 1945 году и современная (переходная) система международных отношений формируется с 1991 года и по настоящее время. На каждом этапе становления той или иной системы международных отношений формировались определенные принципы, которые в конечном итоге были зафиксированы в Уставе ООН в 1945 году и в Заключительном Акте Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году.

Для объединения усилий в той или иной области – политической, экономической, военной, валютно-финансовой и других, для координации деятельности в разных областях, государства создавали международные межправительственные организации, такие, например, как ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, МВФ и т.п. Как было показано выше, с возникновением международных организаций появился надгосударственный уровень международных отношений.

С развитием глобализирующегося мира стал проявляться такой важный тренд современности, как регионализация. «Регионализация – это процесс регионального структурирования пространства в пределах одного государства, а также процесс включения регионов в международные связи» [23. С. 33] Регионализация вывела на международную арену регионы государств, территориальные сообщества и власти. Особенно активно их международное сотрудничество начало осуществляться после Второй мировой войны, когда регионы разных государств столкнулись с одинаковыми проблемами разрухи. Это привело к развитию двустороннего приграничного сотрудничества, которое регулировалось в основном внутрисоветским правом, и только в 80-ые годы XX столетия началось международное регулирование данных процессов.

Одним из основных договоров стала «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» [57], принятая в 1980 году [41]. Государства, входящие в Совет Европы (ЕС), с целью достижения большего единства между ними и содействия сотрудничеству друг с другом, договорились о международных связях своих регионов. Данная Конвенция стала одним из первых международных документов по регулированию межрегиональных международных отношений [27].

Интеграционные процессы в рамках Совета Европы привели к активному развитию приграничного сотрудничества регионов государств, что потребовало принятия в 1995 году Дополнительного протокола к Мадридской Конвенции [42]. И, если в самой Конвенции определялось, что такое приграничное сотрудничество [33], то в данном документе был определен правовой статус региональных (приграничных) структур в системе международных пограничных отношений. В документе сказано, что «регионы государств имеют право заключать соглашения о приграничном сотрудничестве с территориальными сообществами и властями других государств в соответствующих областях своих компетенций, предусмотренных их уставами и национальными законодательствами» [21].

В дополнительном протоколе также говорилось, что регионы государств для осуществления международного сотрудничества могут учреждать необходимые структуры и органы, которые могут выступать в качестве субъекта публичного или частного права [22].

Активная международная деятельность приграничных регионов показала, что в международных связях могут участвовать все субнациональные регионы, в том числе и не приграничные. Возникла необходимость в урегулировании и данного вида отношений, что привело к принятию еще одного «Протокола к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества» в 1998 году [35]. В нем было определено, что «территориальные общины и власти все больше сотрудничают не только

с соседними властями других Государств (приграничное сотрудничество), но также с зарубежными властями, не являющимися соседними, имеющими общие интересы (межтерриториальное сотрудничество), и делают это не только в рамках приграничного сотрудничества органов и ассоциаций территориальных общин и властей, но также и на двустороннем уровне» [36]. В Протоколе было сказано, что международное межтерриториальное сотрудничество – это *«любое согласованное действие, направленное на установление отношений между территориальными общинами или властями двух, или более Договаривающихся Сторон, отличных от отношений приграничного сотрудничества соседних властей»* [37].

С участием субнациональных регионов в международных отношениях были найдены новые формы взаимодействия – трансграничные регионы и пространства. Эта форма была зафиксирована в Протоколе № 3 к Европейской рамочной Конвенции 16 ноября 2009 года [38]. В нем было сказано, что «территориальные сообщества или власти ... могут создавать орган приграничного сотрудничества в форме «Европейского регионального объединения сотрудничества» (ЕвРОС) на территории государств – членов Совета Европы...» [39].

Согласно Протоколу, ЕвРОС (Еврорегионы) имеют статус юридического лица, который определяется законодательством страны, на территории которой расположена их штаб-квартира. Имеют также Устав и обладают самой широкой правоспособностью [40].

Первый трансграничный регион был создан на сопредельной территории Германии и Нидерландов (EUREGIO) [44], а позже и другими государствами (1).

После распада Советского Союза и выхода на международную арену стран, возникших на территории экс-Союза, многие новые суверенные государства вступили в СЕ и присоединились к Мадридской конвенции и протоколам к ней, в том числе и Россия. Это дало им возможность принимать участие в приграничном и межтерриториальном сотрудничестве регионов и вступать или создавать трансграничные регионы и пространства (2).

Данные документы стали основой для формирования национальных законодательств государств в сфере международного сотрудничества их регионов, а в общеевропейском интеграционном пространстве начала формироваться «Европа регионов».

В России право регионов участвовать в международных связях было определено Конституцией страны (Ст. 71, 72, 73) и закреплено в указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства и законах страны. Основным законом в данной сфере является закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [29]. В Законе сказано, что *«международные связи регионов государств – это связи, осуществляемые в торгово-экономической, научно-*

технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях с иностранными партнерами» [47].

В данном определении перечислены основные сферы международного взаимодействия субгосударственных структур – любые, кроме политической. Политические отношения являются прерогативой государства.

Таким образом, глобализация и регионализация изменили состав участников международных отношений. Они вывели в международную жизнь субнациональные регионы, которые стали участвовать в глобальных процессах.

Глобализация создает условия для регионализации и наоборот. И уже в этой ситуации национальные правительства передают часть своих компетенций в сфере международных отношений на региональный (субнациональный) уровень, что дает возможность регионам расширять свои полномочия в международной сфере.

Но глобальные интеграционные процессы привели к усилению роли не только регионального, но и локального уровня и вывели на международную арену, помимо субнациональных регионов, муниципальные образования (территории с местным самоуправлением). В международных отношениях проявилась такая важная тенденция развития, как локализация.

Современные словари называют локализацией «определение местности, в которой находится предмет или совершается событие в данный момент» [34]. Если взять за основу данное определение, то можно сказать, что *локализация международных отношений – это включенность в региональные и глобальные потоки малых территорий с местным самоуправлением, наделенных определенными природными условиями, общностью истории и культуры, демографических, социальных и экономических показателей.* Таким образом, города, районы и даже отдельные местности могут принимать активное участие в международном сотрудничестве.

Изучение данных процессов показывает, что «усиление роли локального происходит на фоне мощных глобальных интеграционных процессов» [1], что эти две тенденции не противоречат, а дополняют друг друга. Учитывая это, Р. Робертсон ввел в научный оборот термин «глокализация», объединяющий слова «глобальный» и «локальный». По его мнению, «глобализация» стремится к универсализму, к гомогенности, а «локализация» – к партикуляризму, к гетерогенности [50].

Глобализация приводит к необходимости унификации механизмов международного сотрудничества, помогает преодолеть государственные границы, а локализация способствует возрастанию роли внутригосударственных территорий в международных связях, что позволяет расширять сферу влияния государств на международной арене через свои регионы и территории. Глокализация способствует развитию субнациональных территорий.

Отсюда, глокализация международных отношений – это включение локальных территорий в глобальные процессы.

В последнее время подобные территории во главе с органами местного самоуправления все чаще выступают в роли самостоятельных участников международного сотрудничества и таким образом принимают активное участие в мировых интеграционных процессах.

Процессы локализации международного сотрудничества регулируются целым рядом документов. Одним из основных является «Европейская хартия местного самоуправления» [56] 1985 года. В ней говорится, что *«под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения»* [28]. Полномочия локальных муниципальных органов в международной сфере устанавливаются конституциями и законами государств. Многие государства наделяют данные структуры правом осуществлять международное сотрудничество в рамках своих полномочий. Что касается России, то следует сказать, что Россия подписала данную Хартию (3), но помимо нее международная деятельность локальных российских территорий регламентируется Конституцией страны и целым рядом правовых документов, среди которых особую роль играет Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [45]. В нем определено, что муниципальные образования могут сотрудничать с международными организациями и иностранными юридическими лицами [46].

Для оказания помощи регионам и муниципальным образованиям в их развитии и осуществлении международного сотрудничества были созданы международные организации и структуры (4). Институционализация международного сотрудничества субнациональных регионов и муниципальных образований привели к появлению международного сотрудничества регионов государств и установлению побратимских связей территорий местного самоуправления.

Вступление России в Совет Европы позволило ее регионам и муниципальным образованиям войти в состав Конгресса местных и региональных властей (КМРВ СЕ) [20].

Подводя итог, следует отметить, что, говоря о глокализации современных международных отношений, следует понимать, что данные отношения осуществляются на глобальном, региональном и локальном уровнях. Таким образом, в основе международных отношений лежит триада, в вершине которой находится глобализация, в основании – регионализация и локализация, а сами отношения можно представить в виде четырехуровневой системы, включающей в себя наднациональный, межгосударственный, субнациональный (региональный) и локальный уровни. Все участники этого многогранного и многоуровневого процесса наделены определенными компетенциями и полномочиями в международной сфере, и именно этот факт дает возможность звучать данному международному оркестру.

В условиях глокализации идет постепенная институционализация международных отношений на всех уровнях, принимаются международные, внутригосударственные, региональные и муниципальные документы по урегулированию данных процессов, создаются международные организации и структуры. Несмотря на то, что в международном сотрудничестве принимают активное участие субнациональные регионы и муниципальные образования, государства сегодня остаются главными и решающими действующими лицами в международных отношениях.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Сегодня к наиболее известным еврорегионам относятся: «Адриатика» включает территории Албании, Боснии Герцеговины, Хорватии, Италии, Черногории и Словении (создан в 2006); «Баварский Лес – Богемский Лес/Шумава» Германия, Австрия, Чехия (1994); «Беласица»: Болгария, Греция, Македония (2003); «Добрава» – Чехия и Польша (2001); «Эльба-Лаба» – Чехия и Германия (1992); «Маас-Рейн»: Бельгия, Германия, Нидерланды (1976); «Померания» Дания, Германия, Польша, Швеция (1995); «Силезия» – Чехия, Польша (1998); «Татры» – Польша, Словакия (1994); «ТриРена» – Германия, Франция, Швейцария (1995); «Западная Паннония» – Австрия, Венгрия (1998); «Рейн-Маас-Север» – Германия, Нидерланды (1978) и др.

(2) С участием России и других стран были созданы: еврорегион «Неман» в 1997 году, в который вошли регионы России, Беларуси, Польши, Литвы. В 1998 году создан еврорегион «Озерный край» в состав которого вошли приграничные районы Беларуси, Литвы и Латвии. Еврорегион «Балтика» был создан в 1998 году в составе регионов России, ленов Швеции, коммун Дании, воеводств Польши, округов Литвы и так называемого «Региона планирования побережья Балтийского моря» (Латвия).

Еврорегион «Сауле» функционирует с 1999 года в составе Калининградской области России, районов Латвии, уездов Литвы, лэнов Швеции. В феврале 2000 года основан еврорегион «Карелия» в составе Республики Карелия (Россия) и регионального союза коммун Финляндии. Еврорегион «Днепр» создан в 2003 году в составе областей России, Беларуси, Украины. В 2003 создан еврорегион «Слобожанщина» в составе областей России и Украины.

С 2004 действует еврорегион «Псков-Ливония», в который входят районы России, Латвии и 3 уездных Союза самоуправления Эстонии.

В 2007 создан еврорегион «Ярославна» в составе регионов России и Украины. Еврорегион «Карпаты» (создан в 1993) в составе районов Румынии, областей Венгрии, Словакии, воеводств Польши, областей Украины. Еврорегион «Буг» (создан в 1995) в составе областей Украины, воеводств Польши и областей Беларуси. Еврорегион «Нижний Дунай» (создан в 1998) в составе областей Украины, повет Молдавии, уездов Румынии. Еврорегион «Беловежская пуща» (создан в 2002) в составе районов Беларуси и несколь-

ких территориально-административных единиц Польши. Еврорегион «Донбасс» (создан в 2010) в составе Луганской и Донецкой области Украины, Ростовской и Воронежской областей России. Еврорегион «Днестр» (создан в 2013) в составе областей Украины, районов Молдовы и др.

(3) Россия подписала данный Договор, который был ратифицирован Государственной Думой 20 марта 1998 года и одобрен Советом Федерации 1 апреля 1998 года.

(4) Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМРВ СЕ), Международный союз местного самоуправления, Совет европейских муниципалитетов и регионов, Ассамблея европейских регионов, Международный комитет местного самоуправления, Европейский комитет регионов и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
2. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация / Пер. с англ; под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.
3. Бильчак М.В. Приграничное сотрудничество в свете современных интеграционных процессов // https://elibrary.ru/download/elibrary_21884016_43139932.pdf.
4. Богатырева О.Н. Европейские модели регионализма. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2018.
5. Богомолов О.Т. Мировая экономика в эпоху глобализации // Международная экономика. 2013. № 4.
6. Богомолов О.Т. Уроки глобального кризиса // Новая и новейшая история. 2009. № 5.
7. Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. М., 2016.
8. Богомолов О.Т. Эпоха глобальных перемен // Партнерство цивилизаций. 2013. Т. 1-2.
9. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / Под редакцией Громыко А.А. Москва, 2013. Сер. 292 Доклады Института Европы РАН и др.
10. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М., 2006.
11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
12. Вардомский Л.Б., Дергачев В.А. Регионоведение. М., 2017.
13. Воскресенский А.Д. Категория пространства-времени и тренд макрорегионализации. Глобализация и регионализация, регионализм и региональная интеграция. В книге: Мировое комплексное регионоведение / Воскресенский А.Д., Лунев С.И. и др. М., 2014.
14. Воскресенский А.Д. Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок.

В книге: Мировое комплексное регионоведение / Воскресенский А.Д., Лунев С.И., Колдунова Е.В., Киреева А.А. М., 2014.

15. *Воскресенский А.Д.* Мировой тренд регионализации. Основной понятийный аппарат. В книге: Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность / Акимов А.В., Афонцев С.А., Белокреницкий В.Я. и др. М., 2015.

16. *Воскресенский А.Д.* Практика глокальности мировой политики. В книге: Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность / Акимов А.В., Белокреницкий В.Я., Боришполец К.П., Косолапов Н.А. и др. М., 2015.

17. *Громыко А.А.* Глобальное регулирование и вопросы полицентричности. В сборнике: Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы / Громыко Ал.А., Шмелев Н.П. Сер. «Доклады Института Европы РАН» / Под редакцией А.А. Громыко (составитель). Москва, 2013.

18. *Громыко А.А.* Глобальный мир: риски и возможности // Современная Европа. 2018. № 1 (80).

19. *Дергачев В.А.* Регионалистика. Научные труды в семи книгах. Кн. 2, гл. 3, 2008 // <http://dergachev.ru/book-7/index.html>.

20. Деятельность регионов и органов местного самоуправления России в рамках КМРВ СЕ регламентируется «Положением о делегации Российской Федерации в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы» от 8 апреля 2000 года. Утверждено распоряжением Президента Российской Федерации № 108-рп). Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М.: Научная книга, 2002.

21. Дополнительный протокол к Европейской рамочной Конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Ст. 1 // <https://docs.cntd.ru/document/901909711>.

22. Дополнительный протокол к Европейской рамочной Конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Ст. 3 // <https://docs.cntd.ru/document/901909711>.

23. *Дубровина О.Ю.* Влияние регионов государств на внешнюю политику и международные отношения. М.: Издательство «Норма», 2018.

24. *Дубровина О.Ю., Плотникова О.В.* Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Издательство «Норма», 2016.

25. *Дубровина О.Ю.* Региональное измерение внешней политики Российской Федерации. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012.

26. *Дубровина О.Ю., Плотникова О.В.* Международные связи регионов государств: теория и практика. Новосибирск, 2013.

27. Европейская рамочная конвенция «О приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» // <https://docs.cntd.ru/document/901734774>.

28. Европейская хартия местного самоуправления. Ст. 3 // <https://rm.coe.int/168007a105>.

29. Закон № 4-ФЗ был принят 4 января 1999 года // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/.

30. *Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л.* Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // <https://cyberleninka.ru/article/n/glokalizatsiya-kontseptsii-harakternye-cherty-prakticheskie-aspekty>.

31. *Плотников В.С., Дубровина О.Ю.* Приграничное сотрудничество: особенности, процессы и факторы, влияющие на его развитие // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60).

32. *Плотников В.С., Дубровина О.В.* Модель международного сотрудничества Амурской области России с регионами Китая // Власть. 2019. Т. 27. № 5.

33. Под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами или властями, находящимися под юрисдикцией двух или более Договаривающихся Сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей. Приграничное сотрудничество осуществляется в рамках полномочий территориальных сообществ или властей, определяемых внутренним правом каждой из Сторон. Объем и характер таких полномочий не могут быть изменены настоящей Конвенцией. Европейская рамочная конвенция «О приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» // <https://docs.cntd.ru/document/901734774>.

34. Политическая наука: Словарь – справочник / Сост. профессор, доктор политических наук Санжаревский ИИ. 2010.

35. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества // <https://www.refworld.org.ru/pdfid/55c1c7444.pdf>.

36. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества. Преамбула // <https://www.refworld.org.ru/pdfid/55c1c7444.pdf>.

37. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества. Ст. 1 // <https://www.refworld.org.ru/pdfid/55c1c7444.pdf>.

38. Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающийся европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС) // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102419973&backlink=1&&nd=102601155>.

39. Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающийся европейских

региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС). Ст. 1 // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102419973&backlink=1&&nd=102601155>.

40. Протокол № 3 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, касающийся европейских региональных объединений сотрудничества (ЕвРОС). Ст. 2 // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102419973&backlink=1&&nd=102601155>.

41. Россия присоединилась к данной Конвенции в 1996 году, а ратифицирована Конвенция была Федеральным законом РФ от 22 июля 2002 года № 91-ФЗ // <https://docs.cntd.ru/document/901734774>.

42. Россия ратифицировала данный Протокол 7 октября 2008 года (ФЗ № 169) // <https://docs.cntd.ru/document/901909711>.

43. *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // В книге: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Сер. «Российская политическая наука. Истоки и перспективы». Москва, 2016.

44. *Торкунов А.В.* Политическая культура России: общее и особенное // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 4.

45. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 // https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/).

46. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 01.07.2021. Ст. 8, п. 2 // https://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obwih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/).

47. Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 4 января 1999 года № 4-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/.

48. *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014 // <https://www.socionauki.ru/journal/articles/300136/>

49. *Яровой Г.О.* Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007.

50. *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global transformations. Stanford, 1999.

51. *Robertson R.* Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. № 17.

52. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series). Roland Robertson // SAGE Publications, 1992.

53. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture, Editoria Vozes, Rio de Janeiro, 1999. Portuguese translation of expanded version of Globalization: Social Theory and Global Culture.

54. Robertson R. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory” (with Frank Lechner) // Theory, Culture & Society II (3) 1985.

55. Robertson R. Republished in Paul Colomy (ed), Neofunctionalist Sociology, Edward Elgar, Brookfield, Vermont, 1990.

56. <https://rm.coe.int/168007a105>.

57. <https://docs.cntd.ru/document/901734774>.

O.V. DUBROVINA

*Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of Political
Science and Political Management, RANEPA
under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

O.YU. DUBROVINA

*PhD in Political Science, Associate Professor,
Coordinator, National Union of Political
Scientists of Russia, Moscow, Russia*

V.S. PLOTNIKOV

*PhD in Social Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Customs Siberian State Transport
University, Novosibirsk, Russia*

GLOCALIZATION OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: CHARACTERISTICS AND FEATURES

The article is devoted to the current problems of glocalization of modern international relations. The study of the global, regional, and local levels of world processes allows us to comprehend the development of international interaction. The purpose of the article is to show that international relations are based on a triad, at the top of which is globalization, at the base – regionalization and localization, and the relations themselves can be represented as a four-level system, which includes supranational, interstate, subnational (regional) and local levels. All participants in this multifaceted and multi-level process are endowed with certain competencies and powers in the international field, and this fact makes it possible for this international orchestra to sound.

Key words: *international relations, international links, international cooperation, globalization, regionalization, localization, glocalization.*

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ВИДЕОИГР КАК ИНСТРУМЕНТА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

В рамках представленного исследования была разработана универсальная методология оценки эффективности видеоигры как инструмента символической политики на основе системы количественных критериев. Интегральный показатель эффективности игры формируется путем суммирования четырех показателей – качества ключевых элементов нарратива игры, ее доступности, экономической эффективности продукта с точки зрения разработчика и его популярность среди сообщества пользователей. Каждый из выделенных индикаторов измеряется посредством множества критериев, обладающих количественным выражением. В факультативном порядке при интерпретации результатов оценки игры учитываются такие факторы, как дизайн, наличие консультанта, содержание образов, не включенных в основную часть игры, но демонстрирующие первоначальный замысел разработчиков, взгляды, взгляды сценариста игры, участие в разработке игры представителей официальных властей и связанных с государством бизнес-структур и общественных организаций, наличие идеологически окрашенных «достижений» за выполнение особых действий символического характера, интерпретация смыслов игры разработчиками или авторами первоисточника сюжета. Перспективы развития методологии связаны в первую очередь с разработкой системы классификации видеоигр на основе количественного показателя эффективности в качестве инструмента символической политики.

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, методология оценки, эффективность, символическая политика.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00371 «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях»).

В последние годы в экспертном сообществе сложился консенсус относительно вопроса о роли видеоигр в качестве инструмента символической политики. Их разработка и распространение были признаны одним из наиболее перспективных направлений в рамках развития инструментов символической борьбы в пространстве ценностей и смыслов [1; 2; 3; 5; 6; 7. С. 90-105; 9; 10].

Однако, в то же время вопрос о методологии их изучения был раскрыт лишь частично. Исследователи так и не смогли предложить коллегам универсальную систему оценки игр как инструмента символической политики. Вынесенные на обсуждение оценочные модели основываются преимущественно на использовании экспертных оценок и данных включенного наблюдения. В них почти не используются доступные для количественного измерения переменные, а также игнорируется наличие такого фактора, как коммерческая результативность проекта, его ресурсоемкость и окупаемость [4. С. 11, 42-43].

Целью данной работы является выработка методологии оценки эффективности видеоигры как инструмента символической политики на основе системы количественных критериев (в данном случае речь идет исключительно об оффлайн-играх. Их экономическая составляющая, геймплей, уровень погружения в виртуальную реальность и степень и качество воздействия на восприятие игрока существенно отличаются от онлайн-проектов. Методика оценки последних будет освещена в последующих исследованиях).

Оценка игры как инструмента символической политики производится в первую очередь на основе суммирования четырех показателей, в число которых входят качество ключевых элементов нарратива игры, ее доступность, экономическая эффективность продукта с точки зрения разработчика и популярность среди сообщества геймеров. Каждый из выделенных индикаторов измеряется посредством множества критериев.

Первый блок критериев оценки объединяет **ключевые элементы нарратива игры** и оценивается с позиции одновременно и качественных, и количественных показателей. К нему относятся:

– история игрового мира за пределами основного сюжета (мифология, история, политическая и социальная модели, уровень развития общества, наличие или отсутствие сверхъестественной составляющей в нарративе);

– путь главного героя и его спутников в рамках сюжета игры (линейный или многовариантный характер прохождения, наличие элемента открытого мира, биографии и принадлежность к культурным тропам образов игровых персонажей, центральные задачи персонажа, варианты концовки игры);

– игровое пространство (количество локаций, разнообразие архитектурных объектов и климатических зон, общее число базовых территорий игровых фракций или государств/рас игрового мира – после появления игр с открытым миром данные критерии приобрели особую значимость для

большинства игроков, в особенности после выхода таких произведений, как *The Elder Scrolls V: Skyrim*, *The Witcher 3: Wild Hunt*, *Wolfenstein II: The New Colossus*, *Fallout 4* или *Horizon Zero Dawn*);

– геймплей;

– время (минимальная и средняя продолжительность прохождения игры либо ее основной сюжетной линии в часах, наличие временных лимитов на выполнение миссий, использование функций смены календарных дней и времени суток – данные показатели влияют на привлекательность игры для конкретных групп геймеров и в том числе отражаются на степени реализма происходящего, детерминируя степень отождествления реального и виртуального элементов в рамках восприятия пользователя (1)).

Полностью формализовать данный блок оценочных критериев можно лишь путем проведения репрезентативного количественного опроса геймеров (2). Последний может подразумевать оценку качественных характеристик игры в пределах от 1 до 5 баллов. При этом количественным характеристикам игры (например, элементам игрового времени и пространства) также должны быть присвоены значения в рамках указанного интервала. Например, недостаточное (слишком малое) количество локаций, по мнению респондента, предполагает оценку соответствующего элемента игрового нарратива на 1 балл, достаточное число – на 5 баллов.

Второй блок объединяет технические характеристики, обуславливающие **доступность игры пользовательской аудитории**:

– технологическая платформа игры (приставка, ПК либо ноутбук, консоль, планшет, смартфон). Каждой из платформ присваивается определенное количественное значение в пределах от 1 до 5 баллов. Чем ниже стоимость технологической платформы, тем более высокий балл ей присваивается. Таким образом, игра, доступная лишь на приставках, оценивается на 1 балл, а произведение, доступное на планшете или смартфоне – на 5 баллов (3). В итоге количество баллов для каждой из доступных технологических платформ суммируется. Полученное число делится на количество доступных для игры технологических платформ. Следует отметить, что данный критерий позволяет оценить в том числе вовлеченность в игру и платежеспособность целевой аудитории, а также степень распространения на региональном уровне в пределах одного государства;

– соотношение между размером медианной зарплаты на территории страны либо региона и стоимостью лицензионной игры;

– соотношение между размером медианной зарплаты на территории страны либо региона и стоимостью доступной технологической платформы игры с минимальными требованиями. Полученное в итоге число умножается на 12 в соответствии с количеством месяцев в календарном году;

– уровень развития пиратства на национальном рынке. Показатель оценивается в пределах от 1 до 5 баллов. Наивысший балл присваивает-

ся за присутствие страны в первом дециле глобального рейтинга пиратства британской компании Muso.

Третий блок критериев позволяет оценить **коммерческую эффективность игры**.

Последняя определяется как сумма двух показателей – уровня окупаемости проекта и стоимости привлечения геймера.

Уровень окупаемости проекта можно рассчитать двумя способами.

В рамках первого варианта он определяется по формуле:

$$(A \times B + C) - (D1 + D2 + D3 + D4 + D5 + D6) / D_{\text{сумм}}$$

где А – это количество официально купленных экземпляров игры;

В – стоимость одного лицензионного экземпляра игры;

С – доходы от использования товарного знака;

D1 – маржа продавца;

D2 – расходы на создание игры;

D3 – расходы на продвижение игры;

D4 – расходы на изготовление физических носителей и доставку игры в магазины;

D5 – отчисления производителям технологических платформ;

D6 – расходы на возврат непроданных копий;

D_{сумм} – общий размер расходов производителя, объединяющий показатели от D1 до D6 (4).

Это дает нам соотношение прибыли к расходам. В числителе мы вычитаем из доходов расходы, получаем прибыль. Затем делим ее на заключенную в знаменателе общую сумму расходов. Соотносим чистую прибыль и расходы для привлечения одного геймера.

Второй вариант оценки уровня окупаемости основан на расчетах структуры стоимости видеоигры основателем онлайн-сервиса OnLive С. Перлманом. Согласно исследованиям упомянутого эксперта, в структуре дохода от продажи игры доля компании производителя составляет 45%. Таким образом, коэффициент доли издателя в общей структуре доходов от реализации игры равен 0,45.

Расчет производится по формуле:

$$(A \times B \times 0,45) + C - (D2 + D3) / D_{\text{см}}$$

где D_{см} – общий размер расходов производителя на разработку и продвижение. Важно подчеркнуть, что во всех описанных системах расчетов сумма расходов и доходов определяется за период 12 месяцев с момента старта продаж (в случае затрат на продвижение учитываются и более ранние расходы). За рамками периода одного года игры начинают про-

давать со значительными скидками, что стимулирует дополнительный спрос, но не корректирует существенным образом общий объем реализации товара. Важно учесть и то, что маркетинговые стратегии, как правило, не ориентированы на период продаж свыше одного года. Следует отметить и то, что спустя год после официального релиза начинают активно распространяться пиратские версии игры на торрент-трекерах.

Стоимость привлечения геймера (CAG) определяется при помощи, приведенной ниже формулы (5).

$$CAG = \text{Costs} / \text{Customers},$$

где Costs – общая сумма всех издержек, относящихся к организации процесса продаж (включая расходы на продвижение, маржу продавца, транспортировку и возврат),

Customers – общее число пользователей, купивших лицензионную версию игры.

Величина CAG конвертируется в баллы (в интервале от 1 до 5) посредством оценки соотношения показателя с уровнем прибыли от среднестатистического покупателя за сопоставимый периоду продажи игры временной интервал (E).

$E = \text{средний чек} \times \text{количество заказов за месяц} \times \text{средняя маржа} \times \text{количество месяцев в рассматриваемом периоде}$.

Ситуация, при которой уровень прибыли соотносится с CAG в формате 1:1 оценивается на 1 балл, 2:1 – на 2 балла, 3:1 – на 4, 4:1 – на 5 баллов.

Четвертый блок критериев дает возможность оценить **популярность игры среди сообщества геймеров**. По нашему мнению, данный показатель не коррелируется напрямую с объемом продаж копий произведения. Последнее обусловлено тем, что значительная часть пользователей не может позволить себе приобретение необходимой технологической платформы, однако знакомится с игровым контентом благодаря видеозаписям прохождения, публикуемым в социальных медиа. Показатель объема продаж также не предполагает оценки элементов обратной связи с целевой аудиторией.

Уровень популярности игры высчитывается по следующей формуле:

$$Pop = F \times G \times H,$$

где F – количество обзоров на игру и ее прохождение на платформах YouTube и Twitch (на государственном языке);

G – коэффициент социальной вовлеченности, определяемый как соотношение общего количества просмотров пяти наиболее популярных обзоров и суммы лайков, дизлайков и комментариев к ним;

H – соотношение сумм лайков и дизлайков в Интернет-магазинах Steam, Epic Games).

Сумма оценок по упомянутым четырем показателям дает возможность оценить эффективность игры как инструмента символической политики. Однако интерпретировать полученные результаты можно лишь с учетом контекстуальных факторов, не подлежащих однозначной количественной оценке. К ним относятся:

- дизайн оружия и доспехов/одежды персонажей (последние могут быть основаны на культурных отсылках и архетипах);
- наличие исторического консультанта, профиль его специализации, взгляды на соответствующие события прошлого, степень допуска эксперта к обсуждению контента и принятию соответствующих решений;
- содержание образов, не включенных в основную часть игры, но демонстрирующие первоначальный замысел;
- политические взгляды, образование, страна происхождения и карьерный путь сценариста игры;
- участие в разработке игры представителей официальных властей, в том числе – силовых ведомств, а также аффилированных с государством бизнес-структур и общественных организаций. В рамках данного показателя необходимо учитывать объемы помощи, ее удельную долю в бюджете игры, а также условия предоставления поддержки;
- наличие политически окрашенных «достижений» за выполнение особых действий символического характера (например, в игре серии «Metro» можно получить скрытое достижение «Декоммунизация» при отстреле из арбалета головы памятника В.И. Ленину);
- политическое и символическое позиционирование игры разработчиками или авторами первоисточника.

Отдельно необходимо выделить вопрос об оценке такого показателя, как жанр игры. Аудиторию геймеров сложно сегментировать на поклонников конкретных жанров. Одновременно в распоряжении экспертов отсутствуют данные, подтверждающие наличие взаимозависимости между потреблением игр конкретных жанров и психологическими и социально-демографическими характеристиками геймеров. Как следствие, возникают серьезные препятствия в плане интерпретации влияния жанра игры на ее продвижение и потенциал влияния на аудиторию.

Перспективы дальнейшего развития методологии связаны в первую очередь с разработкой системы классификации видеоигр на основе количественного показателя эффективности в качестве инструмента символической политики на основе апробации системы на конкретных эмпирических кейсах.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) «Долгие» игры с проработанным сюжетом в рамках традиций таких серий как *The Witcher*, *Mass Effect* или *Dragon Age* всегда оказывают

большее влияние на сообщество геймеров и в целом игровую культуру, чем короткие произведения даже высокого качества.

(2) Критерии отбора респондентов в рамках соответствующих изысканий будут освещены в дальнейшем в отдельном исследовании.

(3) Низкий балл доступности приставок обусловлен их высокой стоимостью и наличием эксклюзивных игр.

(4) Доходы от продактплейсмента и рекламы не включены в формулу как в силу отсутствия соответствующей информации в открытых источниках, так и в силу жанрового ограничения их использования.

(5) Данная формула, как и критерии оценки показателя, является модификацией универсальной методики расчета стоимости привлечения клиента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белов С.И.* Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2018. Том 20. № 1.

2. *Белянцев А.Е., Герштейн И.З.* Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6.

3. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415).

4. *Иглин Д.А.* Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10.

5. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под редакцией В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016.

6. *Федорченко С.Н.* Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Том 3. № 5.

7. *Федорченко С.Н., Карлявина Е.В., Тедиков Д.О., Маркарян Р.А., Теслюк К.В.* Некоторые итоги социологического исследования «Компьютерные игры и политика памяти» // Журнал политических исследований. 2020. Том 4. № 2.

8. *Черный С.Ю.* Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis IV») // Шаги-Steps. 2017. Т. 3. № 2.

9. *Юл Й.* Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Философско-литературный журнал Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103).

10. *Murray J.H.* Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace. New York, 1997.

S.I. BELOV

*PhD, senior researcher,
Philosophy Department, State Academic
University for the Humanities,
Moscow, Russia*

METHODOLOGY OF STUDYING VIDEO GAMES AS A TOOL OF SYMBOLIC POLICY

Within the framework of the presented study, a universal methodology was developed for assessing the effectiveness of a video game as a symbolic policy tool based on a system of quantitative criteria. The integral indicator of the game's effectiveness is formed by summing four indicators – the quality of the key elements of the game's narrative, its availability, the economic efficiency of the product from the developer's point of view, and its popularity among the user community. Each of the selected indicators is measured using a variety of quantitative criteria. In an optional order, when interpreting the results of the assessment of the game, factors such as design, the presence of a consultant, the content of images that are not included in the main part of the game, but demonstrate the original intention of the developers, the views, views of the game writer, participation in the development of the game by representatives of official authorities and related the state of business structures and public organizations, the presence of ideologically tinged "achievements" for the performance of special actions of a symbolic nature, the interpretation of the meanings of the game by the developers or authors of the original source of the plot. The prospects for the development of the methodology are primarily associated with the development of a classification system for video games based on a quantitative indicator of efficiency as a symbolic policy tool.

Key words: *video games, computer games, assessment methodology, efficiency, symbolic politics.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.003

УДК 930.1.«19»

А.А. ЧЕМШИТ

*доктор политических наук,
профессор, профессор кафедры
политологии и международных
отношений Севастопольского государственного
университета, Россия, г. Севастополь*

О.С. СТАЦЕНКО

*кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой теории и истории
государства и права Севастопольского го-
сударственного университета,
Россия, г. Севастополь*

Д.А. ЧЕМШИТ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Севастопольского го-
сударственного университета,
Россия, г. Севастополь*

«БРЕЖНЕВСКИЙ ЗАСТОЙ» КАК ПРЕДПОСЫЛКА КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Предпринимается анализ «брежневского» периода в советской истории, названного «застоем», с целью проследить политические процессы, важнейшие политико-правовые решения руководства и персональную ответственность лидера страны в контексте нарастающего кризиса советской государственности. Развивается мысль, что первым толчком к распаду СССР была «хрущевская оттепель» (первичная десталинизация), инициированная Н.С. Хрущевым.

Отмечается, что в брежневский период, по своей значимости делимый на ранний и поздний, ни одна из задач, диктуемых временем, во всей полноте решена не была. В первое десятилетие обнаружили некоторые позитивные тенденции, затормозившие кризис государственности, однако в поздний период отстраненности власти от решения назревших проблем произошло нарастание серьезного государственного кризиса. Подчеркивается, что упущенное время («застой») – стал и предпосылкой распада СССР.

Ключевые слова: Брежнев, «застой», «кризис государственности», СССР, социал-консерватизм, сталинизм.

Распад Советского Союза оставил после себя множество вопросов, юридического, идеологического и научно-теоретического плана. В ряду важнейших, особого внимания заслуживает один: «Был ли этот распад неизбежным?».

На эту тему уже написано немало, вне всякого сомнения, будет написано еще больше. Значительный интерес, на наш взгляд, представляют труды Валового Д.В., Верта Н., Вишневого А.Г., Гайдара Е.Т., Зиновьева А.А., Колесова М.С., Медведева Р.А., Чешко С.В., Швейцера П., Шубина А.В. и других исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 10; 11; 12].

Оставляя в стороне аксиологический аспект проблемы, сосредоточимся на интеллектуально-познавательной стороне дела. Тему краха СССР лучше рассматривать сквозь призму двух взаимосвязанных, но не тождественных процессов. Первый из них есть процесс крушения коммунистической идеи, а второй, собственно, распад государства. Эти два исторических события неправомерно отождествлять, в силу их различной онтологической природы. Отказ от идеи не влечет за собой с необходимостью отречение от государства. Идея означает – как должно быть, а государство суть как есть на самом деле. В этой связи выдвинем рабочую гипотезу статьи. Коммунистический проект, как он задумывался Лениным, изначально был не жизнеспособным и, рано или поздно, должен был прекратить существование. Но, созданное Сталиным советское государство, при проведении адекватной политики, могло существовать бесконечно долго.

Первые опасности для государства возникли при Хрущеве, и его отставка во многом была связана с непредсказуемостью политики в его исполнении. Брежневское правление существенно отличалось как от сталинского, так и от хрущевского. Это не означает, что советский режим перестал быть тоталитарным. Напротив, все признаки тоталитаризма: однопартийная система, коммунистическая идеология, исполнение партией главных государственных функций, основополагающий принцип «разрешено только то, что приказано», тотальный контроль власти над обществом и личностью сохраняли свое значение. Единственным, но, видимо, самым главным компонентом, отсутствующим в системе тоталитарной власти, было отсутствие вождя, признанного и непререкаемого. Но этот пробел компенсировался наличием Политбюро ЦК КПСС – по факту высшего органа власти в системе государства. В первые годы после отставки Хрущева в его составе существовало некое ядро, напоминающее триумvirат – Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, олицетворявших ЦК, Совмин и Верховный Совет. Но с течением времени фигура Генерального секретаря позиционировалась в качестве первого среди равных, но в реальности все нити власти сходились в руках генсека. При наличии должных волевых качеств, стратегического таланта и тактического мастерства, глава партии мог оказывать решающее влияние на принятие решений и ход событий.

Брежневу досталось непростое политическое наследие. Его предшественник не только не справился с ролью наследника Сталина, с теми задачами, которые ему надлежало решить [9. С. 3-14], но и накопил множество дополнительных проблем, перешедших к Брежневу. Вместо того чтобы использовать авторитет Сталина в качестве символа, Хрущев формально отрывается от сталинизма, разоблачает «культ личности» и провозглашает возврат к ленинизму. Вместо того чтобы поддержать социал-консервативную идеологию, работать над наполнением ее новым содержанием, двигать ее в сторону легитимации, он возвращается к идее мировой революции, идее коммунизма и даже определяет конкретные сроки его построения в СССР. Вместо того чтобы начать переход от классического тоталитаризма к просвещенному авторитаризму, перемещению центра власти из ЦК в Совмин и Верховный Совет, он усиливает роль аппарата.

В итоге Хрущев никоим образом не преодолел сталинизм. Политическая идеология не перестала быть социал-консервативной, политический курс оставался правым, с незначительными вкраплениями «левизны» (критика репрессий, реабилитация осужденных, послабление цензуры), экономическая линия сохранила левую направленность, даже более левую (ликвидация кооперативного сектора и приусадебных участков). Советский Союз как государство оставался сталинским, только без Сталина, т.е. утратившим динамику, поступательный ход, что влекло за собой состояние стагнации.

Еще при Хрущеве обнаружилась, а при Брежневе стала набирать обороты тенденция к утрате доверия народа к власти и идеологии, которую она исповедует. По мере повышения уровня образования в стране и снижение порога страха, все большее число людей стало относиться к идее коммунизма как к несбыточной мечте. Власть делала вид, что народ не замечает разницы между теорией научного коммунизма и реальной действительностью. В пору раннего Брежнева широкое распространение получили анекдоты о легендарном герое гражданской войны Чапаеве. Таким образом, в советское общество проникла вредоносная насмешка не только над кумирами 30-х годов. По сути это был идейный выпад против всего «красного проекта». При позднем Брежневе анекдоты слагались массовым тиражом и о самом Брежневе, и о всех «святых» коммунизма, о партии, прежде всего. Устаревшая идеология, вместо вдохновения людей на новые свершения давала повод к апатии, неверию, разочарованию.

В первое 10-летие правления Брежнева наблюдались сразу две политические тенденции, находящиеся по отношению друг к другу взаимодерживающим образом. Одна из этих тенденций воспринималась как подъем и созидание, вторая демонстрировала половинчатость и запаздывание. Во второе 10-летие однозначно доминирует политика запаздывания в развитии и первые признаки стагнации.

А между тем, перед брежневским руководством стояли большие стратегические задачи. Первоочередной, по нашему мнению, была радикальная идеологическая реформа. Она должна была включать в себя комплекс мер: решительное размежевание с хрущевским ревизионизмом; безоговорочная реабилитация Сталина; отказ от идеи коммунизма как несбыточной мечты. Все три задачи должны были решаться в комплексе, синхронно, и ориентированы на социал-консервативную идеологию.

Всеми средствами агитации и пропаганды советскому народу было необходимо объяснить и убедить его в том, что Хрущев не справился с ролью лидера Великой страны, что в поисках лучших политических решений, он причинял стране больше вреда, чем пользы, что ему недоставало стратегического таланта, дальновидности и политической культуры. Что его дальнейшее пребывание на высшем посту стало опасным для судьбы страны. Народу надо было довести, что Хрущев был смещен законным образом, с соблюдением необходимых процедур, что эта отставка вызвана необходимостью решения давно назревавших реформ.

Первое, что следовало сделать, это пересмотреть вопрос о Сталине. Народу нужно было сказать, что в ходе реализации грандиозного политического проекта – построения первого в мире социального государства действительно не обошлось без тяжелых, порой жестоких действий, повлекших человеческие жертвы. Что Сталин не был в стороне от репрессий и несет за них ответственность. Но народу также надо было сказать и то, что без Сталина в нашей стране не было бы и социальной справедливости, что без Сталина не было бы и Великой Победы, что без Сталина не было бы могущественной державы, которую он нам оставил, завещал хранить и развивать дальше. На такой доказательной базе следовало на государственном уровне признать заслуги Сталина более значимыми, чем совершенные ошибки. Учитывая общественные настроения середины 80-х годов, осмелимся предположить, что реабилитация Сталина была бы позитивно воспринята абсолютным большинством населения страны. Такое решение вернуло бы доверие к высшей власти и Брежневу лично. Возвращение имени Сталина в арсенал советских символов стало бы подспорьем к решению задач, стоящих перед новым руководством.

Главное, что дала бы реабилитация Сталина, заключается в возможности идеологического обновления политики государства. В 60-ые годы вера в коммунистическое будущее практически исчерпала себя. Дождаться полного банкротства некогда великой идеи было безнравственно и нецелесообразно. Требовалась достойная замена этой идеи. Идея коммунизма, дискредитированная Хрущевым, должна была быть заменена идеей совершенствования социализма на базе сталинской теории построения социализма в отдельно взятой стране. Народу нужно было напомнить, что коммунизм мыслился К. Марксом как всемирное явление, что коммунизм

наступает после исчерпания всех возможностей капиталистической системы, и, что до тех пор, пока капитализм существует в США и Европе говорить о коммунизме преждевременно. Но коль скоро СССР прорвал цепь империалистической системы и построил основы социализма, необходимо совершенствовать эту новую модель социальной организации, с тем, чтобы составить достойную конкуренцию капиталистическим странам. Таким образом, уже в 1965 году Брежнев обязан был выдвинуть тезис о развитом социализме как длительном этапе исторического процесса. Тезис о развитом социализме следовало подкрепить другим тезисом о народе-победителе в Великой Отечественной Войне.

Победа в ВОВ – самое значительное достижение Советского народа в нескольких смыслах одновременно. Во-первых, в этой войне решался вопрос: «Быть или не быть советскому государству, а также и всему народу, как исторической реальности. Или все или ничего». Поражение для нас означало тотальную гибель отечественной культуры, прекращение ее тысячелетней истории. Победа, напротив, возвращала к жизни, несла великую славу, жажду новых свершений. Во-вторых, Великая Победа возрождала чувство единого народа, расколотого прежде гражданской войной. И наконец, в-третьих, Победа укрепляла доверие народа к власти, символизировала собой нерушимое единство общества и государства.

Третьим компонентом новой идеологии должен был стать тезис о народе-первопроходце, прокладывающем путь в будущее, ранее неизведанное. Пропаганда и агитация должны были бы профессионально вещать о том, что никому в мире, кроме советского народа, не удавалось, пройти путь от сохи до атомной бомбы за 30 лет. Обладание ядерным оружием следовало оправдывать исключительно намерениями обеспечения мира во всем мире. Успехи по освоению космоса также следовало интерпретировать как сверх-достижение советского народа. Таким образом, следовало готовить общественное мнение к отказу от форсированной коммунистической стройки и взамен заоблачных хрущевских мечтаний возвращать граждан к вполне земным ценностям социал-консерватизма (сталинизма) – идее величия государства и социальной справедливости.

Переориентация с коммунистической идеологии на социал-консервативную во внутренней политике потребовала бы корректировки и внешнеполитического курса государства. С повестки дня был бы снят бренд о «переходе человечества от капитализма к коммунизму» и это обстоятельство работало бы в пользу разрядки международной напряженности. Не исключено, что произошло бы снижение темпов вооружения, соответственно, высвобождения каких-то средств из сферы ВПК в пользу производства товаров народного потребления.

По данной логике надо было бы отказаться от экспорта революций в третьем мире и от поддержания крайне левых движений. Миссию покровите-

ля международного коммунистического движения следовало передоверить Китаю, а самим искать взаимовыгодных отношений с ведущими странами мира, готовя благодатную почву для предстоящих экономических реформ.

Ни в коем случае не нужно было поддаваться соблазну подавления контрреволюционного мятежа (Чехословакия) или провокации вторжения (Афганистан). Но итоги второй мировой войны следовало стеречь как зеницу ока. Советские группы войск в Германии, Венгрии и Польше должны были оставаться так долго, сколько времени там будут располагаться оккупационные войска США. Советский Союз по праву победителя мог держать значительный контингент своих войск за пределами Отечества, но при этом не вмешиваться во внутривнутриполитические процессы Германии, Венгрии или Польши. Западный мир должен был получить от нас гарантии, что продвигать коммунизм мы не собираемся ни с помощью танков, ни идеологически.

Процесс декоммунизации в идеологической сфере было необходимо синхронизировать с реформой политической системы, Переход от «мягкого» тоталитаризма к просвещенному авторитаризму «созрел» окончательно. Превращение тоталитарного режима в авторитарный означало бы отказ от идеологического государства в направлении правого. Этот переход можно было уложить в два этапа. На первом этапе произвести разграничение партийных и государственных функций. Верховный Совет и Совет Министров должны были стать полноценными законодательной и исполнительной властями. За КПСС должны были остаться кадровая политика и политическая идеология. В течение всего первого этапа во главе правительства и партии должно было находиться одно лицо. На втором этапе надлежало создать 2-х партийную систему, путем раздела КПСС на две близкие по программным положениям партии: консервативного и демократического социализма. Двухпартийная система в целом была бы ориентирована на социализм и социальную справедливость и в то же время содержала бы два предпочтения: для социал-консерваторов – величие государства, для социал-демократов – свободу личности. Учреждение двухпартийной системы должно было предусматривать возможность коалиционного объединения, ради безопасности государства.

Тоталитарная государственность при всей своей мощи содержит в себе уязвимый момент. Она поставлена в зависимость от судьбы одной партии. Банкротство партии ведет к банкротству государства. Поскольку тоталитаризм существует на пределе человеческих возможностей, однопартийная система исторически недолговечна. Обреченную на падение однопартийную систему нужно было вовремя преобразовать и брежневский период был крайним сроком для трансформации КПСС в систему из 2-х партий. Нельзя сказать, что при Брежневе ничего не предпринималось для восстановления авторитета КПСС (а значит власти как таковой), сильно скомпрометированного Хрущевым. Если бы Брежнев оставил свой пост после первых 10 лет

пребывания у власти, то его правление многими было бы признано вполне успешным [6. С. 327-328]. Если к этому добавить еще одно допущение, замену Брежнева личностью вроде Андропова, то у нашей страны еще сохранялся бы шанс избежать и «застоя», и «перестройки». Но, коль скоро этого не произошло, и во вторую половину брежневского правления все тактические достижения первой половины (1965-1975) были сnivelированы, то не будет преувеличением предположить, что трагедия СССР в значительной степени была предрешена в эпоху Брежнева, эпоху упущенного времени и упущенных возможностей.

В брежневское время сохранялись благоприятные условия для устранения самой опасной угрозы для советской государственности. Речь идет о федеративном устройстве СССР по национальному признаку. Брежнев имел столько власти, что без проблем мог обезопасить «мину замедленного действия», заложенную Лениным в 1922 г. Брежнев был в состоянии федерацию национального типа трансформировать в территориально-географическую федерацию. Этого сделано не было. Подходящий случай подвергнулся в 1977 г., когда принималась новая Конституция СССР. В ней были зафиксированы руководящая роль КПСС и принята формула «развитого социализма» [7. С. 6]. Советское государство было не правовым, а идеологическим, власть КПСС и лично Генерального секретаря ЦК была столь безраздельной, что в СССР могло быть принято любое политическое решение, и никто и ничто не могло воспрепятствовать ему.

В новой Конституции можно было зафиксировать все элементы политической реформы, в которых нуждалась страна. Конституция нуждалась в положении о неприкосновенности территории и нерушимости границ СССР. В Конституции нужно было отразить национальную идею советского народа (социальная справедливость в великой стране); вместо ведущей роли КПСС, следовало отметить ведущую роль советского государства в политической системе общества; КПСС отвести почетное место связующего звена между государственной властью и народными массами; обозначить социалистический строй как национальную специфику страны. И, наконец, необходимо было отказаться от этно-национального типа федерации, образовать федерацию по территориально-географическому признаку.

Как известно, ничего подобного брежневское руководство не только не сделало, но видимо, даже не помышляло об этом. Вероятно, никто не предполагал, что Советскому Союзу грозит распад. Иначе как объяснить, что СССР в новой Конституции фактически был провозглашен конфедерацией [7. С. 70-72, 76].

Намеренно не касаясь экономических факторов, сыгравших свою негативную роль в судьбе СССР, подчеркнем, без субъективного фактора, другими словами, без ключевой (ключевых) фигуры в истории и политике ничего не происходит само по себе. Развитие страны в постхрущевский пе-

риод могло пойти иным путем, если бы у власти оказалась личность типа А.Н. Шелепина и результаты его правления, возможно, были бы приближены к тем, на которые ориентируется автор статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Валовой Д.В.* От застоя к развалу. М.: Наука, 1991.
2. *Верт Н.* История Советского государства. 1900-1991: [пер-с фрик.]. М: ИНФРА. М.: «Весь мир», 2000.
3. *Вишневский Д.Г.* Консервативная модернизация в СССР. М.: ОРИ, 1998.
4. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006
5. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия (гибель утопии). М.: АЛГОРИТМ, 2002.
6. *Колесов М.С.* Советская Атлантида. Философские очерки. Изд-во СевНТУ. Севастополь, 2010.
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских социалистических республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР.
8. *Медведев Р.А.* Советский Союз. Последние годы жизни. М.: АСТ, 2010.
9. *Чемшит А.А.* Начало десталинизации или «хрущевская оттепель»: Место и роль в советской истории // Вопросы истории. 2020. № 10 (2).
10. *Чешико С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996.
11. *Швейцер П.* Победа: Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск: СП «Анвест», 1995.
12. *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1978-1985. РОССПЭН, 2001.

A.A. CHEMSHIT
*Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of «Political
Science and International Relations»,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

O.S. STATSENKO
*Candidate of Political Sciences, Docent,
Sevastopol State University, Law institute,
Head of Faculty “Theory and History
of State and Law”, Sevastopol, Russia*

D.A. CHEMSHIT
*Candidate of Political Sciences, Docent of
Faculty “Theory and History of State and
Law”, Law institute, Sevastopol State
University, Sevastopol, Russia*

“BREZHNEV’S STAGNATION” AS A SUPPOSE FOR THE CRISIS OF SOVIET STATEHOOD

The article analyzes the “Brezhnev” period in Soviet history, called “stagnation”, in order to trace the political processes, the most important political and legal decisions of the leadership and the personal responsibility of the country’s leader in the context of the growing crisis of Soviet statehood. The idea is developing that the first impetus for the collapse of the USSR was the “Khrushchev thaw” (primary de-Stalinization) initiated by N.S. Khrushchev.

It is noted that in the Brezhnev period, divided by its significance into early and late, none of the tasks dictated by time was fully solved. In the first decade, some positive trends were revealed that slowed down the crisis of statehood, but in the late period of the government’s detachment from solving urgent problems, a serious state crisis increased. It is emphasized that the lost time (“stagnation”) also became a prerequisite for the collapse of the USSR.

Key words: *Brezhnev, “stagnation”, “crisis of statehood”, the USSR, social conservatism, Stalinism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.004

УДК 32.324

В.Ю. ЗОРИН

*доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН;*

*член Президиума Совета при
Президенте РФ по межнациональным
отношениям; член Общественной
палаты РФ, Россия, г. Москва*

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

*доктор политических наук, профессор,
директор Научно-образовательного
центра политических и этнополитических
исследований Пятигорского государственного
университета, Россия, г. Пятигорск;
профессор Хэйлуңцзянского института
иностранных языков, КНР, г. Харбин*

БОЛЬШИЕ ВЫБОРЫ – 2021 КАК КОНТЕКСТ УПРОЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена проблеме этнизации партогенеза и партийного функционирования в теоретическом и в практическом плане в контексте выборов 2021 г. в России. Выявляются риски возможного образования политических партий по этническому признаку, а также тенденции включения в программы современных российских политических партий этнополитических сегментов. Сопоставляются этнополитические сегменты программ политических – главных конкурентов в выборах – 2021. Широкий контекст электорально-избирательной кампании рассматривается с точки зрения его ресурсов для упрочения гражданского единства российского общества и в то же время для удовлетворения этнокультурных интересов граждан РФ. Акцентируется этнополитическое сегментирование в отдельных регионах РФ, в частности, в субъектах Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова: *выборы, гражданское единство, государственная национальная политика, риски этнизации партогенеза, этнополитический сегмент партийной программы, этническое позиционирование в политике.*

Общие характеристики больших выборов-2021. Большие выборы сентября 2021 г. стали значимыми, прежде всего, в силу своего масштаба. В сентябре состоялись выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ восьмого созыва, высших должностных лиц 12 субъектов РФ (9 прямых, а также 3 через голосование в парламенте субъекта) и выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти в 39 субъектах РФ. Также состоялись выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров (столиц) субъектов РФ [19].

Выборы – 2021 включили в электорально-избирательный процесс массы избирателей и обязали ЦИК РФ, избирательные комиссии регионов и территориальные избирательные комиссии к масштабной организационной, разъяснительной работе, основанной на законодательстве РФ [24]. Для проведения выборов организованы 225 одномандатных округов, регистрацию для участия в выборах прошли 14 из 15 претендующих политических партий РФ. На депутатские мандаты претендовали 2039 кандидатов, из которых только 11 – самовыдвиженцы, а остальные – баллотировались по спискам политических партий [4].

ЦИК РФ под руководством Э. Панфиловой провел большую работу по регистрации партий, организации цифровых участков, электронного голосования и голосования на дому, обеспечению участия правозащитников и общественных активистов в осуществлении контроля над ходом голосования, созданию условий для миссии наблюдателей СНГ, рассмотрению исков, устройству «горячих линий» и др. При этом ЦИК РФ с начала избирательной кампании взял курс на законность, прозрачность, конструктивность всей системы действий и мероприятий в диалоге с гражданами, общественными активистами и объединениями, а также СМИ.

Особый политический смысл процедуры и результатов выборов – 21 обусловлен содержанием внутрироссийской ситуации, а также и международными обстоятельствами. Российская экономика, финансовая система, социальная сфера подверглись существенным вызовам со стороны мирового финансового и экономического кризиса, а также и внутренним инфраструктурным вызовам. Отмечаются падение уровня жизни граждан, рост безработицы, снижение потребления, сужение сферы бизнеса и предпринимательства и иные негативные процессы. Большой урон российскому обществу принесла пандемия COVID-19, приведшая к потерям населения и к разбалансировке производственных, социальных структур.

Также неблагоприятной остается внешнеполитическая обстановка, в контексте которой США и страны ЕС реализуют против РФ долговременные экономические санкции, недружественные пропагандистские акции, немотивированные политические обвинения. По периметру России и в дальнем зарубежье (Армения, Азербайджан, Афганистан, Белоруссия,

Нагорный Карабах, Украина, Сирия, Ливия и др.) наблюдаются кризисы политических и управленческих режимов, военно-политические конфликты, гибридные войны и масштабные экстремистские демарши.

Эти и иные обстоятельства предъявили новые требования к качеству электорально-избирательного процесса 2021 г., к уровню политической культуры российского общества, к результативности политико-управленческих действий власти, прежде всего, претендентов на получение мандатов доверия избирателей.

Идеи гражданского единства и этнокультурного разнообразия в выборах – 2021 г. Выборы – 21 актуализировали вопрос внутринационального согласия власти и общества, как равно и вопрос адекватной оценки внутренних и внешних дестабилизирующих факторов. В этой связи актуализируются и перспективы дальнейшего политического компромисса между современными российскими партиями, как парламентскими, так и оппозиционными, который может сложиться именно в ходе общего движения к гражданскому единству, несмотря на различия партийных программ, партийной риторики [25].

После выборов-2021 упрочение гражданского единства россиян не снимается с повестки дня, несмотря на то, что с 2012 г. в стране прослеживаются стабилизация общественных и политических движений, снижение внутренних политических диссонансов, консолидация граждан на базе общероссийских ценностей. Во многом это является следствием политического здравомыслия граждан РФ, которые реалистично оценивают, как успехи, так и проблемы, и противоречия развития суверенной российской демократии, существенно отличающейся от классических европейских моделей в силу цивилизационных, историко-культурных особенностей Российского государства. Также это является следствием осуществления в стране адекватной внутренней политики при вертикализации власти и персонифицирования ее в лице Президента РФ В. Путина. Многие усилия политического руководства РФ нацелены на придание деятельности государства подлинно социального характера, на ограждение ее суверенитета от внешних посягательств, на защиту граждан от глобальных угроз современности, а также и на упрочение российского гражданского единства. Достижение этих целей возможно лишь при полновесной легитимности власти на всех уровнях и во всех ее видах, т.е. при законодательном оформлении доверия граждан государству, которое достигается именно волеизъявлением граждан в ходе выборов [16].

С учетом отмеченных обстоятельств сам ход и результаты выборов-2021 г. важны в их содержательно-смысловой, информационно-разъяснительной, организационной, технико-технологической проблематизации.

Одной из знаковых содержательно-организационных проблем проведения выборов в РФ является проблема соотнесения групповых политиче-

ских интересов и групповых этнических интересов. Включение этнического фактора в партогенез и в электорально-избирательный процесс не стоит рассматривать как безусловную утопию. Этнический фактор, как и всякий иной социально-идентификационный фактор, стремится не только к социальной, но и к политической и даже в отдельных случаях к партийной институционализации [11]. Однако формирование политических партий и политико-социальных баз (партийцев, партийной элиты, сторонников, симпатизантов, лобби) по этническому и религиозному принципу создает серьезные ущербы государственной безопасности и национальному единству. Закономерно, что групповые «этнические проникновения в политику» усиливаются в условиях политических революций, реформ, войн, конфликтов, смены власти. Соответственно, электорально-избирательный контекст также может стать плодотворной почвой для возможной (но рискованной) мобилизации этничности, для возможного (но опасного) электорального этнического манифестирования.

Для России с 90-х гг. XX в. использование этнического фактора в выборах является не научно-поисковой абстракцией, а актуальной проблемой, отражающей определенный конфликтогенный потенциал. В начальный постсоветский период после распада СССР этнический фактор, в том числе, и в жестких ксенофобских, националистических, экстремистских проявлениях существенно дестабилизировал политическую систему РФ. Преодоление этой дестабилизации состоялось путем долгих усилий федеральной власти, которая с начала 2000-х гг. нацелена на искоренение этноэкстремизма, этнотерроризма как таковых, а также и их централизованных политико-партийных моделей.

Исследования этничности как феномена и как института, которые состоялись в рамках отечественных этнологии, этнополитологии, этносоциологии, этноконфликтологии, свидетельствуют о том, что наряду с упрочением российской гражданской идентичности в сообществах РФ сохраняется и поддерживается этническая идентичность как важнейшая основа артикуляции, агрегации и достижения интересов граждан. Именно эти интересы побудили россиян большинством голосов принять в 2020 г. поправки в Конституцию РФ, которые, в том числе, обеспечивают сохранение этнокультурного разнообразия страны, гарантируют поступательную эволюцию всех этнических сообществ. Основной закон РФ является базой для профилирования провокационного, циничного применения этнического фактора в политике, гарантирует осуществление прав граждан вне зависимости от национальной (этнической) и религиозной принадлежности и в то же время устанавливает многонациональность российского народа как правовую и политическую норму.

Закономерно, что ряд федеральных законов, непосредственно обеспечивающих политику и управление, исключают из правоприменения этниче-

ский фактор. Здесь стоит указать на ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» (2004 г.), «О референдуме Российской Федерации» (2004 г.). В ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (2002 г.) прописано, что «гражданин Российской Федерации имеет право избирать, быть избранным, участвовать в референдуме независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [20]. Это исключает возможность дискриминации граждан РФ по этническому или религиозному признаку в реализации ими активного или пассивного избирательного права.

В контексте нашего исследовательского интереса отметим важнейший федеральный закон, который изымает этнический фактор из партогенеза, партийного строительства и функционирования. ФЗ «О политических партиях» (2001 г.) в ст. 6 и ст. 7 запрещают использовать наименование и символику политической партии, «оскорбляющие расовые, национальные или религиозные чувства», а в ст. 9 прямо не допускает создание «политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности» [21].

Этнический фактор партогенеза как фактор риска. Исключение этнического фактора из партогенеза и партийного программного и уставного организационного оформления политических интересов граждан стоит оценить, как существенное достижение современного российского законодательства. Образование политических партий по этническому или религиозному принципу, как равно и вовлечение этнического фактора в электро-избирательный процесс на наш взгляд, неприемлемы, так как это:

- несет угрозу общенациональному единству россиян как гражданской нации;
- создает базу для противоречий и конфликтов между членами разных партий как представителями разных народов и религий;
- формирует основу для партийно-политического национализма, ксенофобских партийных программ, национализма партийной элиты и функционеров;
- дестабилизирует целостность политического процесса и политического управления;
- разделяет граждан с общими политическими интересами и взглядами по этническому или религиозному признаку;
- вносит турбулентность в программно-уставную деятельность партий и затрудняет их политическую боевитость;
- формирует враждующие между собой этнополитическую элиту и этнополитический истеблишмент.

В полиэтничной РФ формирование партий по этническому принципу привело бы к катастрофическим следствиям – политическим конфликтам между «этническими партиями». Результатом могли бы стать политические конфликты между гражданами, объединенными в партии по этническому принципу и между народами, разведенными по политическим позициям.

Укажем, что лидеры российских политических партий осознавали и осознают опасности этнизации партогенеза и электорально-избирательного процесса. В ходе выборов 2012-2020 гг. разного уровня (президентские, думские, региональные, муниципальные) персоналии федеральной власти и федерального партийного и политического пула стремились профилировать этнизацию выборов. В этом смысле чрезвычайно практична договоренность между ведущими политическими партиями РФ о неиспользовании этнического фактора в политической предвыборной борьбе.

Опасность разыгрывания этнической карты в выборах-2021 г. при очевидных внутренних рисках усиливается и внешними вызовами. Так, министр иностранных дел РФ С. Лавров в ходе выборной кампании подчеркивал, что западные оппоненты РФ (прежде всего, США) не только систематически и безосновательно обвиняют РФ во вмешательстве в их выборы, но и изначально ставят под сомнение легитимность выборов в РФ. Налицо попытки повлиять на сам процесс и на итоги голосования через пропагандистское воздействие на избирателей, которое осуществляют оппозиционные группировки, организации, признанные в РФ иностранными агентами и работающие на средства зарубежных грантов. С. Лавров отмечал, что некоторые западные политические силы *«пытаются уже сейчас заронить сомнения в их (выборов – В.З., М.А.) объективности, поставить под вопрос их итоги»* [8]. Комиссия Государственной Думы ФС РФ по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России также фиксировала попытки Запада посеять недоверие к выборам и дискредитировать выборную кампанию в РФ [3]. Опасность внешнего влияния на избирательный процесс с педализацией «этнической карты» оценивалось многими экспертами в общей эволюции современной политической системы РФ, а также в связи с вводной предвыборной конкуренцией 2021 г. [7].

В этой ситуации сугубо важна ответственность политических партий, принимающих участие в предвыборной борьбе, не только за профессионализм, но и за нравственность политических действий, политической пропаганды и агитации. Выражая свое мнение по поводу выборов-2021 г. Президент РФ В. Путин отметил, что они не должны повторять инцидентов избирательных кампаний 90-х гг. XX в. Именно чистота, честность, прозрачность и открытость всего хода избирательной кампании должны стать ее неизменными свойствами. Важно, чтобы: *«естественная острая конкуренция выражалась в цивилизованной предметной дискуссии без взаимных обвинений, оскорбительных выпадов и пустых, невыполнимых, по сути, обещаний»* [18].

В связи с этим укажем на насущную необходимость усилий политических партий и их лидеров по максимальной нейтрализации возможных ксенофобных, националистических партийно-политических провокаций, а также провокаций на миграционные, религиозные темы. Любые непродуманные или целенаправленные провокационные программные, уставные акции политических партий, кандидатов в депутаты способны привести к быстрой этнической мобилизации, которая ранее уже наблюдалась на выборах. Эти риски могут быть ощутимы, тем более что в выборах-2021 г. принимали участие вновь образованные партии, не имеющие долговременного опыта организации предвыборной конкуренции, впервые вступившие в борьбу за мандаты депутатов, за доверие избирателей.

В этой связи целесообразно применять в выборных кампаниях те категориальные и практико-ориентированные принципы, которые разработаны в ряде доктринальных документов РФ. Здесь, прежде всего, стоит отметить статью В. Путина «Россия: национальный вопрос» (2012 г.), «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012 г.), «Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012 г.), «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» (2021 г.). Данные документы составляют определенную доктринальную «квадригу», принципы которой проецируются во все сферы социального и политического функционирования, как каждого гражданина РФ, так и всего многонационального народа РФ – субъекта международных отношений. Опора на указанные документы позволяет политическим партиям и лидерам предпринимать инициативы, которые соответствуют магистральной целям и принципам государственной этнополитики РФ [5. С. 17-38].

Этнополитические сегменты программ политических партий в выборах – 2021 г. Исходя из принципов государственной национальной политики РФ, политические партии в своих предвыборных программах, так или иначе, откликаются на проблемы межэтнических отношений, на федеративное устройство РФ, на статусы народов страны, на сущностные и функциональные проблемы упрочения гражданского единства. Единство позиций по многим вопросам, прежде всего, социальным и внешней политики снизило рельефность программ политических партий – главных игроков на выборах – 2021 г., но позволило им достигнуть некоторого позиционного равновесия. В известном плане состоялось мирное пропорциональное разделение симпатий электората, в котором «Единая Россия» все же обеспечила себе перевес за счет отождествления своих действий с действиями Президента РФ под слоганом «Мы – Единая Россия», Мы – Партия В. Путина» [12. С. 3]. Вероятно, лидеры четырех политических партий – главных субъектов политической конкуренции – сознательно не желали обострения межпартийной борьбы и предпочитали не использовать провокационные

приемы, черный PR, политический шпионаж. Поэтому обращение политических партий к этническим проблемам, к противоречиям межэтнических отношений, к этническим конфликтам было весьма сдержанным и дозированным.

При многих общих идеях этнополитические программные тезисы партий – ведущих участников предвыборной борьбы – различаются и содержанием и дискурсными акцентами, что проявилось и на выборах-2021 г.

Так, *«Единая Россия»* в Народной программе декларирует, прежде всего, общенациональную повестку развития страны, краеугольными камнями которой являются суверенитет, безопасность, патриотизм. Позитив политического процесса и качественный прорыв во всех сферах возможны только при гражданском единстве: *«Единая Россия» отвергает все формы социального, экономического популизма, национализма и радикализма»* [15]. Этнополитический сегмент программы «Единой России» отличается идейно-мировоззренческой сдержанностью, подчиненностью общесоциальным и общенациональным задачам. Партия парламентского большинства сознательно уходит от гипертрофирования национального вопроса, подчиняя его гражданскому вопросу, подчеркивает реалистичные ориентиры, использует нейтральные формулировки. Подчеркнем, что «Единая Россия» позиционирует себя и как партия Президента РФ и в этой связи транслирует идеи главы государства, которые он адресует российской нации, русскому народу, другим народам страны и которым свойственно стабилизирующее общероссийское гражданское целеполагание.

ЛДПР, продолжая свои типичные этнополитические программные идеи, вновь настаивает на уходе от «этнического федерализма» в пользу губернизации, на возврате территорий прежнего СССР (мирным способом и на основе референдумов). Программа ЛДПР особо выделяет системные мероприятия в поддержку русского народа, русского языка, русского национального самосознания. В специальном разделе «Русские и другие народы России» присутствуют радикальные предложения о запрете любой националистической дискриминации и пропаганды. Также предусматриваются запрет *«русophobic пропаганды в СМИ»*, отмена *«антирусской политической статьи 282 Уголовного кодекса»*, *«создание Института истории истребления народов России в XX веке»* и др. [10]. Этнополитическая риторика ЛДПР симптоматична в плане экспрессивной окраски категорий межэтнических, федеративных, геополитических отношений.

КПРФ структурировала свою предвыборную программу в «Десяти шагах к власти народа» и отталкивалась от принципов *«духовного и патриотического воспитания, защиты Русского мира и достижений нашей многонациональной культуры»*. Программный этнополитический дискурс КПРФ вращается вокруг категорий социалистического интернационализма как наследия КПСС: *«сближение России, Белоруссии, Украины и Казахста-*

на, сближение братских народов СССР, возрождение нашего исторического единства, полноценное Союзное государство России и Белоруссии, безотлагательное признание Донецкой и Луганской народных республик, защита соотечественников за рубежом», «многонациональный народ России». Решение национальных проблем КПРФ увязывает с подлинным народовластием, с социальной справедливостью, с достоинством нации, а также с действительным патриотизмом власти, которая призвана гарантировать защиту граждан от национализма, расизма, ксенофобии [9].

Предвыборная программа вновь образованной партии **«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»** отмечена несколькими ключевыми категориями, отражающими когерентность составных сегментов партии. В предвыборной программе, а именно, в Манифесте справедливости «Справедливая Россия будущего» как важная задача прописана необходимость сохранения и развития российской культуры и в ее рамках «обеспечение защиты русского языка и сбережение языков народов России». В соответствии с титулом партии широко трактуется понятие патриотизма и настоящего патриота в соотношении с геополитическими вызовами времени. Так, *«настоящий патриот – тот, кто помогает сохранять культуру, защищать достоинство и оберегать интересы наших соотечественников везде, где они оказались вследствие цивилизационной катастрофы 1991 года»*. «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» выражает твердую политическую и социальную солидарность с русским населением Украины и предусматривает признание суверенитета ДНР и ЛНР [17].

Здесь стоит заметить, что сами выборы-2021 г. сами стали контекстом актуализации и осмысления проблем гражданского единства при сохранении дифференцированных этнических интересов народов страны, а также контекстом нового подтверждения сложности политической гомогенизации российской нации. При этом гражданское единство мы не рассматриваем как результат сглаживания политического пространства, сужения публичной политики, дисциплинирования электората, регламентирования партийной практики «сверху». Мы трактуем объективную межпартийную конкуренцию как сопоставление и противопоставление разных политических позиций по широкому спектру проблем, в том числе и проблем межэтнических и федеративных отношений. Однако предвыборные соревнования политических партий желательны как аргументированные и взвешенные диалоги, которые направлены на уяснение идейных принципов, привлечение сторонников, удовлетворение интересов электората, а не как публичные антагонистические акции, сталкивающие между собой группы населения. тем более, по признаку этнической или религиозной принадлежности. Это тем более значимо, что между этнической и гражданской идентичностями нет противоречия, во всяком случае, противоречия антагонистического программно-политического свойства [6]. Именно такое видение избирательной

кампании неоднократно декларировалась Комиссией Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, которой проведена большая работа по нейтрализации «этнизации» выборов – 2021 г. [13]. Также в этом направлении большая работа проведена ведущими гражданскими объединениями федерального уровня – Советом при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Ассамблеей народов России и др.

Этнополитические факторы северокавказского регионального процесса. Симптоматичным трендом выборов – 2021 г. стала гомогенизация политического, избирательного процесса в разных регионах РФ в пределах магистральных целей развития политической системы страны [23. С. 49-70]. В этом тренде удалось преодолеть «этноэлекторальные искушения», которые ранее остро проявлялись в некоторых субъектах РФ в ходе избирательных кампаний. Так, в ряде регионов Северного Кавказа борьба политических партий и персоналий велась в жестких формах с использованием «черных технологий», криминальных приемов и с применением этнических маркеров. Плотное сращивание этнического фактора с выборными технологиями в отдельных республиках Северного Кавказа приводило к разделению республиканских сообществ на враждующие этнополитические конгломераты, которые использовали друг против друга не только враждебную риторику, но и противоправные действия, наносящие ущерб национальной и общечеловеческой безопасности.

В общих пределах стабилизации политического процесса стабилизировались и электорально-избирательные сюжеты Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), в котором с 2010 г. усилилось присутствие федерального центра, стабилизировались региональные режимы политики и управления. Проводимые мониторинги фиксируют стремление жителей СКФО к гражданскому единству, к поддержке политики руководства страны [14]. В президентских выборах 2012 г. и 2018 г. наибольшая доля российских избирателей, отдавших свои голоса за В. Путина, зафиксирована, соответственно, в Чеченской Республике и в Кабардино-Балкарской Республике. Жители СКФО осознают себя полноправными гражданами РФ, которая возглавляется сильным политиком, имеющим политическую волю и авторитет.

Вместе с тем, этнические интересы жителей СКФО сохраняют свою стационарность и чувствительность и максимально интегрируются в социальную и политическую практику. Хотя системные (и во многом объективные) межэтнические противоречия инерционализированы, а межэтнические отношения, в целом, находятся в управляемом состоянии, множество национальных вопросов не решены, как, впрочем, и не могут иметь финальные решения в силу их многосоставного характера [2. С. 1433-1441]. Они остаются в наборе живых заинтересованностей этнических сообществ региона, которые при множестве общих интегрирующих исторических, культурных,

политических сюжетов имеют выраженные дифференцированные ориентиры (территориальные, языковые, статусные, культурные, мифологические). Также в СКФО пролонгируется традиционная этнократическая система, которая формируется на базе родственных, клановых, тейповых связей [1]. В какой-то степени она продолжает советскую кадровую партийную номенклатуру и в известном плане составляет «поддерживающие сваи» политико-административного управления в регионах. Негласная система распределения и сохранения должностей за представителями определенных народов коррелирует с постсоветскими этнодемографическими реалиями СКФО, из которого продолжается вялотекущая миграция русского и иного нетитульного населения.

Вновь избранные политические элиты в пространстве СКФО, так или иначе, должны будут повернуться лицом к решению или хотя бы к оптимизации застарелых этнополитических проблем, которые передаются каждому новому поколению народных избранников и глав субъектов. Это, прежде всего, профилирование радикальных настроений, дезавуация этноклановости, нейтрализация следствий осетино-ингушского конфликта, узаконивание административных границ между субъектами и трансформация проблем спорных территорий. Также это: сохранение национальных языков и культур, смягчение противоречий между социальной модернизацией и этноконфессиональной архаизацией, поддержание баланса интересов народов. Крайне важны поддержание этнодемографического разнообразия, противодействие попыткам образования «национальных районов» и др. В каждом из субъектов РФ СКФО есть свой спектр этнополитических проблем, требующих к себе постоянного управленческого внимания, а также политической воли и предусмотрительности.

Обобщающие идеи. Продуктивный климат выборов-2021 выразился в повышении общей культуры партийно-политического истеблишмента, во взвешенности информационных акторов, в профессионализме политических технологов, наблюдателей и экспертов.

В выборах-2021 г. веско прозвучала идея российской гражданской нации как идея, не только вмещающая этические ориентиры граждан страны [18], но и выводящая их на новый уровень правового и политического обеспечения на основе политического выбора избирателей. Сама электорально-избирательная кампания 2021 г. стала определенным побудительным стимулом сохранения стабильности в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений и контекстом упрочения российского гражданского единства.

Праимериз «Единой России», партийные дебаты, экспертные и общественные дискуссии выборов-2021 г. в определенной мере прояснили такие аспекты, как профилирование национализма в социальных сетях, нейтрализация антимигрантских настроений, отказ от популистской риторики и примитивного стимулирования этнических чувств, понимание сути российского гражданского патриотизма и др.

Кандидаты в депутаты всех уровней и, тем более, претенденты на посты глав субъектов РФ стремились поддерживать позитивный курс электорально-избирательной кампании 2021 г. Это – курс гражданской консолидации, который сохранит свою эффективность лишь при последующих профессиональных практических действиях избранных депутатов по удовлетворению этнополитических и этнокультурных потребностей избирателей.

Вновь избранные депутаты Государственной Думы ФС РФ восьмого созыва, главы субъектов РФ, депутаты субъектовых парламентов, народных собраний, дум должны быть готовы к запросам избирателей в сфере реализации этнополитики. Они касаются сохранения языков и традиций, отправления религиозных обрядов и строительства храмов, этнокультурного ассоциирования, презентаций этничности в межгосударственных связях, гарантий неприкосновенности «этнических территорий» и многих иных этнических и гражданских контрапунктов.

В этом плане новый корпус народных избранников призван не только к высокому профессиональному цензу собственного позиционирования в системе межэтнических отношений, но и к должным правовым и политическим компетенциям в системе упрочения российского гражданского единства как единства множества этнических идентичностей – залога суверенитета и национальной безопасности России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адиев А.З., Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Курбанов Р.Ш., Щербина Е.А.* Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа: Аналитический доклад. Махачкала, 2017.

2. *Аствацатурова М.А.* Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47).

3. В Госдуме предупредили о попытках Запада посеять недоверие к выборам // РИА НОВОСТИ. 30 августа 2021 г. // https://ria.ru/20210830/vybory-1747867535.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1630345967000.

4. *Замахина Т.* Эксперты обсудили итоги регистрации кандидатов на выборы в Госдуму // Российская газета. Рубрика: Власть. Столичный выпуск № 177 (8528). 5 августа 2021 г.

5. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционные методы и инновационные подходы на современном этапе // Вестник российской нации. 2015. № 1.

6. *Зорин В.Ю.* «Слово «россиянин» не исключает нашу этническую принадлежность» // <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/vladimiro-m-zorinim-23246.html>.

7. *Иванова К.* ВВЕРХ. Сайт достижений Татарстана. Какими будут выборы в Госдуму-2021 в условиях ковид-действительности? // ПОЛИТИКА. 25 ноября

2020 г. // <http://vverh-tatarstan.ru/news/2020.11.25/Kakimi-budut-vybory-v-Gosdumu-2021-v-usloviyah-kovid-deistvitelnosti/5134>.

8. Козалов Ю. Лавров: Запад пытается повлиять на итоги предстоящих выборов в Госдуму // Российская газета. 30 августа 2021 г.

9. КПРФ. Предвыборная программа КПРФ «Десять шагов к власти народа» // <https://www.rline.tv/news/2021-07-01-opublikovana-predvybornaya-programma-kprf-desyat-shagov-k-vlasti-naroda/>.

10. ЛДПР. Предвыборная программа партии 2021 // <https://ldpr.ru/party>.

11. Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). М.: ФНИСЦ РАН, 2020.

12. Макутина М. Эксперты поделили мандаты. По их оценкам, четверка думских партий после выборов останется неизменной // Коммерсантъ. № 158. 3 сентября 2021 г.

13. Материалы круглого стола 23 августа 2021 г. «О сохранении стабильности в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, а также в период других выборов, назначенных на 19 сентября 2021 года» // Архив авторов.

14. Межэтнические отношения и религиозная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Научн. конс. В.А. Тишков. Отв. ред. М.А. Аствацатурова. М.: Пятигорск-Ставрополь, 2019.

15. Народная программа «Единой России» «За благополучие и достойную жизнь людей. За сильную и успешную Россию» // «Единая Россия». Федеральный сайт // <https://er.ru/party/program>.

16. Онлайн-форум «Мой голос» // <https://xn--c1alhbkcby.xn--80asehdb/online-forum/>.

17. Предвыборная программа социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» // <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf>.

18. Путин попросил не проводить выборы в Госдуму по примеру 90-х годов. Политика. 21 июня 2021 г. // <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2021/60d06e659a79475142669558>.

19. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2011.

20. ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076507>.

21. ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991>.

22. Центральная избирательная комиссия // <http://cikrf.ru/analog/edinyden-golosovaniya-2021/kategorii-viborov/>.

23. Шкель С.Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1.

24. Эксперты описали три сценария осенних выборов в Госдуму. Подробнее на РБК. 15 февраля 2021 г. // <https://www.rbc.ru/politics/15/02/2021/602a28759a79479e942e553b>.

25. Эксперты назвали партии – лидеры в новом созыве Госдумы. ЕР, КПРФ и ЛДПР имеют гарантированные шансы на вхождение в состав Госдумы // РИА Новости / Пресс-служба Госдумы РФ. 23-30 августа 2021 // <https://ria.ru/20210830/vybory-1747768420.html>.

V.Y. ZORIN

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Chief Researcher of the Institute of
Ethnology and Anthropology of the Russian
Academy of Sciences; member of the
Presidium of the Council of the
President of the Russian Federation for
Interethnic Relations; Member of the Public
Chamber of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

M.A. ASTVATSATUROVA

*Doctor of Political Science, Professor,
Director of the Scientific and Educational
Center for Political and Ethnopolitical
Studies of Pyatigorsk State
University, Pyatigorsk, Russia;
Professor of the Heilongjiang Institute
foreign languages, Harbin, China*

BIG ELECTIONS – 2021 AS A CONTEXT FOR STRENGTHENING CIVIL UNITY AND ETHNO-CULTURAL DIVERSITY OF RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the problem of ethnization of partogenesis and party functioning in theoretical and practical terms in the context of the 2021 elections in Russia. Risks of the possible formation of political parties based on ethnicity are identified, as well as trends in the inclusion of ethnopolitical segments in the programs of modern Russian political parties. Ethnopolitical segments of political programs – the main competitors in the 2021 elections – are compared. The broad context of the electoral campaign is considered from the point of view

of its resources for strengthening the civil unity of Russian society and at the same time for meeting the ethnocultural interests of the citizens of the Russian Federation. Ethnopolitical segmentation is emphasized in certain regions of the Russian Federation, in particular, in the subjects of the North Caucasian Federal District.

Key words: *elections, civil unity, state national policy, risks of ethnization of partogenesis, ethnopolitical segment of the party program, ethnic positioning in politics.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.005

УДК 32.328.184

С.Г. КОНЬКО

*аспирант направления политических наук и
регионоведения Сибирского института управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Новосибирск*

Б.С. СЛАВИН

*студент направления подготовки
«Международные отношения» Сибирского
института управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск*

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ГРУППОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

В современной России действует множество заинтересованных групп, различающихся по своему составу, интересам, структуре, финансовым и политическим возможностям. Изучение этих групп с использованием существующих в политической теории классификаций позволяет более точно определить их роль и место в социально-политических процессах, происходящих в стране, и разработать направления совершенствования законодательства в этой сфере. Однако, применение существующих классификаций групп интересов не всегда позволяет в полной мере провести их оценку – это требует введения дополнительных критериев.

Цель данного исследования состоит в анализе особенностей Российской модели представительства групповых интересов. Для этого исследуются группы интересов, представленные в общественно-политическом пространстве современной России, согласно классификациям, признанным политической наукой, и вводится дополнительная классификация по уровню объекта лоббирования.

С помощью системного подхода проведен анализ групп интересов России и выявлена закономерность участия на глобальном и региональном уровнях групп интересов ассоциативных и институциональных типов, которые соответствуют корпоративной модели представительства групповых интересов. В свою очередь, неассоциативные и неупорядоченные группы в основном артикулируют свои интересы на местном и региональном уровнях и соответствуют признакам плюралистической модели.

Для изменения сложившейся ситуации в статье предложено усовершенствовать механизмы артикуляции групповых интересов через системы функционального и электорального представительства.

Ключевые слова: лоббизм, группы давления, группы интересов, корпоративизм, плюрализм.

Важным аспектом изучения особенностей Российской модели представительства интересов является применение предложенных теоретических классификаций групп интересов для действующих в отечественном политическом пространстве заинтересованных групп. Использование классификаций позволяет выявить и структурировать группы интересов, а сравнение их с основными чертами, характерными для моделей представительства групповых интересов, позволяет определить место и роль групп интересов в современном политическом пространстве.

Для идентификации и систематизации групп интересов в современной России используем классификацию Г. Алмонда и Дж. Пауэлла [1].

В последнее время в России мы достаточно часто видим примеры действий **неупорядоченных групп** интересов [1]. Чаще всего это стихийно возникшие группы протеста, такие как движение «Я мы Иван Голунов» против задержания журналиста по ложному обвинению. Результатом многочисленных публикаций, в том числе в ведущих СМИ, акций протеста и большого количества жалоб в органы власти стало освобождение журналиста, за которым последовали возбуждения уголовных дел против сотрудников полиции и отстранение от должности их руководства.

Другим примером может служить движение «Скверубыть» в Екатеринбурге 2019 году, возникшее против строительства храма в сквере. Несмотря на то, что исследователи ранее отмечали такие образования как неустойчивые, которые неожиданно возникают и неожиданно распадаются, в последнее время в России участники таких акций все чаще присоединяются друг к другу, и одни протесты могут перерасти в другие. Как и прежде, они основаны на эмоциях, как правило отрицательных, однако, учитывая упрощение коммуникаций с помощью мессенджеров и социальных сетей, становятся все более организованными и скоординированными. Повышение роли социальных сетей – современная мировая тенденция. Виртуальные сети являются современным инструментом, используемым в интересах активизации протестных настроений, координации действий протестующих, информирования общественности о происходящих событиях [12. С. 161]. Особенностью таких протестов является то, что субъектов информационно-коммуникативной активности существенно больше, чем участников массовых протестов, причем потребление и обмен информацией в соцсетях (онлайн) считается данными субъектами не менее активной формой протестной деятельности, чем прямое (оффлайн) политическое участие [2. С. 82].

Впоследствии к таким акциям могут присоединиться институционализованные политические группы, протестные политические партии или оппозиционные политические движения. Бывает, что такие группы моделируют коммерческие группы интересов с целью воздействия на власть или конкурентов. В этом случае активно используются технологии манипуляции средствами массовой информации. Ввиду чего, даже если конечная цель лоббирования преследует сугубо извлечение прибыли, она будет представлена как общенациональный интерес, например, перспективы экономического роста государства или увеличение рабочих мест [3. С. 316].

При этом стихийное и частое возникновение неупорядоченных протестов особенно опасно в политических системах, где нет организованных групп или такие группы лишены адекватного представительства, в связи с чем любая случайность или появление лидера способны привести к непредсказуемому и неконтролируемому развитию событий.

Неассоциативные заинтересованные группы [1] в современной России представляют собой объединения по определенному признаку, например, протесты дальнбойщиков против введения системы «Платон» в 2019 году: представители разных организаций грузоперевозчиков, ранее не состоящих в связях друг с другом, объединились в протестное движение.

Участники этих групп прежде не были объединены в единую группу, но обладали общностью интересов. Такие группы являются более устойчивыми, чем неупорядоченные, свои интересы артикулируют эпизодически. При достижении определенных целей, как правило, опять переходят в пассивную стадию артикуляции интересов. Цели таких групп всегда более четко сформулированы, чем цели неупорядоченных. В последние несколько лет особенностью таких групп в нашей стране является тенденция их трансформации в более устойчивые образования. Есть примеры, когда после успешного решения одного вопроса такие группы образовывали некоммерческие объединения, действующие на постоянной основе, и продолжали добиваться выполнения властью других требований.

Рассматривая примеры **институциональных групп** [1] интересов в России, к ним можно отнести формальные организации:

– партии, прежде всего парламентские «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, Справедливая Россия;

– Русская православная церковь, Совет муфтиев России, Центральное духовное управление мусульман России, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России, Российский еврейский конгресс, Буддийская традиционная сангха России и т.п.

Данные группы не только выражают свои собственные интересы, но и представляют интересы других групп, близких им по идеологии или требующих защиты. Институциональные группы оказывают существенное влияние на выработку политического курса страны.

Наиболее явно прослеживаются интересы **ассоциативных групп** [1], примерами таких групп в России являются:

Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России», Некоммерческое партнерство «Российское газовое сообщество», Некоммерческая общественная организация «Союз нефтегазопромышленников России», Некоммерческая организация «Российский топливный Союз», Ассоциация «Объединение производителей, поставщиков и потребителей алюминия», Некоммерческая организация «Ассоциация потребителей и поставщиков специальных сталей и сплавов», Некоммерческая организация «Фонд развития трубной промышленности», Ассоциация российских фармацевтических производителей, Ассоциация международных фармацевтических производителей, Российская ассоциация аптечных сетей, Некоммерческая организация «Мясной Союз России», Российский Зерновой Союз, Национальный союз производителей молока, Ассоциация региональных операторов связи, Объединение автопроизводителей России, Ассоциация российских банков, Всероссийский союз страховщиков, Совет по вопросам развития табачной промышленности, Союз российских пивоваров и др.

Особое место среди ассоциативных групп занимают государственные корпорации и корпорации с государственным участием [5]. Деятельность таких групп регулируется отдельными законодательными актами, а степень их влияния сегодня недостижима для других заинтересованных групп [6. С. 142].

Ассоциативные группы не только артикулируют свои интересы, но и влияют на выбор политического курса через систему электорального и функционального представительства, являются сплоченными и многочисленными группами, обладающими значительными ресурсами.

Данная классификация заинтересованных групп делит их по организационной структуре, способам артикуляции интересов и финансовой самостоятельности, однако ее применение не позволяет оценить возможности влияния на органы власти.

Для изучения групп интересов предлагается ввести классификацию по уровню объекта лоббирования. Поскольку различные группы имеют разные возможности артикуляции интересов, такое деление необходимо.

Глобальный уровень – предполагает представительство интересов групп – участников мирового хозяйства.

Государственный уровень – группы, ограниченные интересами внутри государства, в том числе иностранного.

Региональный уровень – группы, артикулирующие свои интересы на региональном уровне и не выходящие за его пределы.

Местный уровень – группы, интересы которых носят локальный характер и относятся, как правило, к компетенции органов местного самоуправления.

Подобная классификация позволяет определить круг интересов группы, возможности и средства их артикуляции. Группы интересов более высокого порядка легко артикулируют свои интересы на более низком уровне, тогда как группы более низкого уровня практически лишены возможности переходить на более высокий уровень.

При использовании такой классификации для анализа группы интересов необходимо применять ее в комплексе другими классификациями, что позволяет провести их комплексную оценку.

Например, большой интерес представляет классификация по субъекту лоббирования, предложенная Толстых П.А. Группы интересов в ней делятся на:

- 1) коммерческие (экономические) субъекты лоббирования;
- 2) некоммерческие или общественно-политические субъекты лоббирования;
- 3) смешанные субъекты лоббирования [10. С. 306].

Процесс артикуляции интересов заинтересованными группами в любом обществе является естественным, для этого используются институт лоббизма.

«Лоббизм все чаще выходит за пределы своих первоначальных границ – законодательной ветви власти, что традиционно считалось единственным допустимым его проявлением. Невозможно отрицать тот факт, что лоббизм сегодня направлен на исполнительные, а порой даже и судебные органы власти, что рождает споры об их допустимых социальных, политических и моральных пределах» [4. С. 78].

Отсутствие легальных механизмов системы электорального или функционального представительства интересов зачастую приводит к использованию нелегальных методов. Для совершенствования законных механизмов представительства групповых интересов важным является определение моделей такого представительства.

«Чтобы использовать типологию систем групп интересов в качестве детерминанты для сравнительного анализа, необходимо четко понимать, что речь идет не о причислении той или иной страны к определенной модели, а лишь о степени влияния и, возможно, доминировании одного из типов, которые в чистом виде в современном мире более не встречаются» [4. С. 84].

Исследователи выделяют две основные модели: плюралистическую и корпоративистскую [8. С. 39].

Для определения соответствия одной из моделей, характерных для России, необходимо изучить соответствие приведенных выше примеров заинтересованных групп основным признакам плюрализма и корпоративизма. Среди большого количества групповых интересов на территории нашей страны примеров успешной их артикуляции в рамках плюралистической модели не так много.

Так, примером может служить возникновение неупорядоченных или неассоциативных групп, основанных на недовольстве их участниками действиями власти.

Основным признакам плюралистической модели соответствуют приведенные выше движения «Я мы Иван Голунов», «Скверубить» в Екатеринбурге, протесты против введения системы «Платон», организации обманутых дольщиков. В данных примерах группы интересов не были ограничены монополией на представительство интереса: различные группы сначала по отдельности, а затем объединив усилия, но не имея четкой иерархической структуры, отстаивали свои интересы.

Количество членов этих групп не было ограничено, в движении могли участвовать не только непосредственно заинтересованные люди, но и «сочувствующие», которых напрямую проблема не затрагивала. Совершенно очевидно, что членство в этих движениях является абсолютно добровольным.

Структура каждой из них на время взаимодействия с властью была свободной, участники группы общались очно или посредством социальных сетей, распределение обязанностей происходило в «ручном режиме».

Поскольку данные группы возникали в противоречие принятым управленческим решениям, прослеживается четкое разделение групп и органов власти.

Используя предложенную выше классификацию по уровню объекта лоббирования, можно увидеть, что плюралистическая модель представительства групповых интересов представлена в основном на местном, реже на региональном уровне, случаи взаимодействия на государственном уровне единичны, на глобальном уровне таких случаев нами не обнаружено.

На глобальном уровне Россия отстаивает интересы государственных корпораций, например, «Газпром» или «Росатом». Также примером такой артикуляции может стать Русская православная церковь, относящаяся к институциональным группам. Исследуя артикуляцию групповых интересов на глобальном и государственном уровне в России, можно сделать вывод о присутствии в основном институциональных и ассоциативных групп. Данные группы соответствуют признакам корпоративной модели представительства интересов. «При компаративистской форме взаимодействия прослеживается зависимость групп интересов от финансовых и административных ресурсов государства и влияние органов власти на их состав и функционирование» [9. С. 44].

Таким образом, несмотря на предусмотренную законодательством России формальную возможность групп интересов взаимодействовать с органами власти на любом уровне, наблюдается явное смещение акцентов на уровне регионов и государства в пользу крупных заинтересованных групп с четкой организационной структурой, действующих на постоянной основе и конкурирующих друг с другом за монопольное представительство. Наблюдается разная степень влияния на социально-политическую жизнь страны, и различие доступа групп интересов к органам власти зачастую не пропорционально численности и социальной значимости этих групп. В то время как одним группам достаточно личных встреч, другие, чтобы

быть услышанными властью, организуют протестные акции, пикеты, выходят на улицы.

Тем не менее, исследования показывают, что группы интересов, не обладая достаточными ресурсами (необходимой общественной поддержкой, финансовыми или административными активами и проч.), просто не могут или опасаются повысить свой политический статус до более высокого в политическом плане уровня. Кроме того, сделав такую попытку, группа интересов начинает претендовать на властный ресурс, которым обладают представители государственной власти. Указанное, скорее всего, приведет к конфронтации с властными группами и может закончиться негативно для группы интересов (вплоть до политической изоляции) [11. С. 195].

Для изменения сложившейся ситуации необходимо совершенствовать механизмы артикуляции групповых интересов через системы функционального и электорального представительства.

Одной из форм такого представительства являются некоммерческие организации. «Предприятия некоммерческого сектора имеют специфику моментального реагирования на существующие и появляющиеся общественные проблемы» [7. С. 10]. Деятельность некоммерческих организаций регулируется отдельным законом, что свидетельствует о заинтересованности в них государства.

Однако использование только организованных групп может привести к бюрократизации этих организаций и замене интересов всей представляемой социальной группы интересами верхушки организации.

В такой ситуации необходимо совершенствование работы совещательных органов при исполнительной и представительной власти, а также общественных палат путем вовлечения в их работу любых заинтересованных групп. «В корпоративной государственно-политической системе важнейшими аспектами публичной политики являются консультации правительства с организованными группами интересов, например, с профсоюзами и бизнес-ассоциациями» [13. С. 27]. Деятельность таких органов должна быть открытой и прозрачной и не носить формальный характер с целью придать легитимность уже принятым решениям. На площадках парламентов всех уровней заинтересованные группы должны иметь возможность принимать участие в рабочих группах, обсуждающих принятие законов. Создание рабочих групп должно быть прозрачным и открытым, а возможность выразить свою позицию группами интересов не должна ограничиваться. Участие заинтересованных групп в работах комитетов и сессиях парламентов ограничивается регламентами, что не позволяет повлиять на принятие решений.

Поскольку интересы различных социальных групп затрагивают все сферы жизни общества, а их стремление влиять на органы власти постоянно и естественно, вопросы исследования баланса групповых интересов, возможностей их артикуляции и методов лоббирования, отношение к таким

процессам самой власти, взаимодействие с системой электорально-партийного представительства и бюрократией остаются актуальными направлениями исследований в различных дисциплинах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002.
2. Атанесян А.В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3.
3. Зелепукин Р.В. Новые формы лоббистской деятельности // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3.
4. Каневский П.С. Сравнительный анализ моделей лоббизма: теоретические и методологические вопросы изучения групп интересов в политике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2.
5. Костин А.Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2018. № 2.
6. Костин А.Э. Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры // Управленческое консультирование. 2018. № 7 (115).
7. Михайлова Н.В., Каргина А.А., Гришин В.О. Организации некоммерческого сектора как новый актер лоббистской деятельности российской политической системы // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 9 (135).
8. Павроз А.В. Группы интересов и лоббизм в политике: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
9. Перельштейн Ю.А. Общественные и консультативные советы при органах публичной власти как вид группы интересов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1.
10. Толстых П.А. GR: Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практики лоббирования. Москва: Издательство «Перо», 2019.
11. Толстых П.А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть 1). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 2. Ч. 2.
12. Храбан Т.Е. Коммуникативные тактики социально-политического протеста в социальных сетях // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2017. Т. 23.
13. Шапкин И.Н. Корпоративизм или плюрализм? Институциональные модели взаимодействия современного государства и общества // Век глобализации. 2018. № 1.

S.G. KONKO

*Postgraduate Student of Political Science
and Regional Studies at the Siberian Institute
of Management-Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk, Russia*

B.S. SLAVIN

*Student of the International
Relations course of the Siberian Institute of
Management of the branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk, Russia*

SPECIFICITIES OF THE RUSSIAN MODEL OF GROUP INTERESTS REPRESENTATION

In modern Russia there are a lot of interest groups varying in their composition, interests, structure, financial and political possibilities. The study of these groups, using existing classifications in political theory, makes it possible to define their role and place in the social-political processes taking place in the country more precisely as well as to develop the guidelines for the improvement of legislation in this area. However, the application of existing classifications of interest groups does not always allow to fully evaluate them therefore requiring the introduction of additional criteria.

The study aims to analyse the unique features of the Russian model for the representation of group interests. For this purpose, examining groups of interests represented in the public and political space of modern Russia according to the classifications recognized by the political science, and installing an extra classification by the level of the object of lobbying.

The analysis of Russian interest groups and the regularity of participation at the global and regional levels of interest groups of associative and institutional types, which correspond to the corporate model of representation of group interests, have been carried out with the help of the systematic approach. In the meantime, associative and disorganized groups mostly articulate their interests at the local and regional levels and mostly correspond to the features of a pluralistic model.

To change this situation, the article suggests to improve the mechanisms for articulating group interests through systems of functional and electoral representation.

Key words: *lobbyism, pressure groups, interest groups, corporatism, pluralism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.006

УДК 32.323

О.В. ЦВЕТКОВА

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры российской политики
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ЭВОЛЮЦИЯ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ

Современная система субнациональных институтов власти существует более двух десятилетий и постоянно развивается. Региональная политическая система эволюционирует и данные процессы связаны со структурными различиями в субъектах Российской Федерации: республики, области, края, автономные округа и автономная область. В основном асимметрия связана с особенностями социально-экономического положения субъектов РФ и конституционно-правовым статусом каждого субъекта РФ, закрепленного в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: *субъекты федерации, субнациональные политические институты, вертикаль власти, асимметрия, договорная практика, разграничение полномочий, централизация.*

Становление субнациональных политических институтов в России связано с процессами, которые тесно переплетались и заметно стимулировали друг друга. Во-первых, на начальном этапе шел процесс либерализации и модернизации интеллектуальной, культурной, научной жизни в регионах. Во-вторых, на последующих этапах имела место существенная перестройка политической системы в целом, которая серьезно влияла на российские регионы сначала в контексте новых явлений и высокой динамики федеральной политики, а затем и становления публичной политики в самих субъектах РФ.

На начальном этапе (начало 1990-х годов) можно выделить следующие особенности становления политических институтов в субъектах Российской Федерации:

- неравноправие субъектов федерации в политико-правовом и социально-экономическом отношении;
- выстраивание отношений между федеральным центром и субъектами федерации на договорных началах;

- практически полное отсутствие вертикали власти в отношениях центра с республиками;
- отсутствие единства правового и экономического пространства на территории России [12].

В условиях политического противостояния Президента и Верховного Совета отношения между федеральными и региональными институтами власти развивались строго по векторам: Президент – глава региона, Председатель Верховного Совета России – главы Советов регионов. В таких условиях невозможно было выстроить единую систему государственного управления и администрирования, полноценно контролировать расход бюджетных средств. Более того, Республики Чечня и Татарстан отказались подписывать федеративный договор, а некоторые субъекты перестали перечислять налоги в федеральный бюджет, что способствовало развитию острого социального, экономического и политического кризиса [15].

В 1991 году Президент Б.Н. Ельцин учредил институт полномочных представителей Президента в субъектах федерации. Целью создания данного института было обеспечение единства проводимой центром политики в регионах. В основном на должность полномочного представителя Президента в субъектах федерации назначался глава исполнительной власти, что приводило в ряде субъектов к борьбе между региональными институтами исполнительной и законодательной власти [5].

В политико-правовом отношении между политическими институтами власти федерального и регионального уровня имела место заметная асимметрия. Федеральный центр по договору с республиками не имел права издавать федеральные законы по предметам общего ведения без согласования с республиками. Республики делегировали центру полномочия «снизу – вверх» в отличие от других субъектов федерации, в них не назначались представители Президента. Остальные субъекты федерации имели закрытый перечень полномочий, порядок исполнения, который центр мог контролировать посредством издания законов по совместной сфере ведения, кроме того главы все еще назначались и снимались с должности Президентом [19].

На втором этапе (с 1993 года по начало 2000-х годов) стали проявляться новые тенденции, свидетельствующие о заметной интенсификации деятельности региональных политических институтов. Данный этап начался с принятия новой Конституции страны. С точки зрения политического контекста, на характер становления региональных институтов власти существенно повлиял электоральный цикл 1995-1997 годов. Прежде всего это нашло отражение в сложных и трудно предсказуемых федеральных выборах депутатов Госдумы (декабрь 1995) и Президента (июнь-июль 1996). Но также в этот цикл входила и «большая» серия губернаторских выборов в почти 60 субъектах РФ, многие из которых проводились впервые, а также серия выборов в законодательные собрания многих субъектов Российской Федерации [1; 14].

В политико-правовом отношении стало проявляться более симметричное построение между федеральными и субнациональными политическими институтами власти в горизонтальном и вертикальном измерении. С декабря 1993 года все субъекты федерации уравнивались в правах (однако за республиками и другими национальными образованиями осталось право установления нескольких языков в качестве государственных). Все субъекты РФ получали равную норму представительства в палате регионов – Совете Федерации. В Конституции Российской Федерации была установлена обязательность наличия системы местного самоуправления в каждом субъекте, право на местное самоуправление гарантировалось всем жителям России (некоторые республики предприняли попытку отмены на своей территории местного самоуправления, но принятие подобных решений блокировал Конституционный Суд). Однако конституционный тезис о единстве правового и экономического полей России в условиях конца 1993 года во многом оставался лишь декларацией – Чечня и Татарстан продолжали считать себя отдельными государственными образованиями, на их территории не проходило голосование по Конституции и выборы в Парламент. Федеральному центру необходимо было выстроить конструктивный диалог и с другими республиками, которые были недовольны фактическим уравниванием их статуса со всеми остальными субъектами РФ.

Данную проблему было решено устранить через подписание договоров (внедрения договорной практики) о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельными субъектами Российской Федерации. Эта форма разграничения полномочий была предусмотрена Конституцией и активно использовалась в период 1994-1998 годов. На первом этапе такие договоры были нацелены на стабилизацию отношений с национальными республиками, наделяя их большим объемом полномочий в сравнении с другими субъектами РФ (нередко в нарушение федерального законодательства) [4]. Изначально договор воспринимался как правовой акт, позволяющий закрепить тот или иной регион в составе федерации на особых условиях. Другими словами, это была компромиссная форма отношений с теми субъектами, которые претендовали на государственный суверенитет. Первый договор был заключен с Республикой Татарстан (15 февраля 1994 года). В 1996 году специальные договоры были подписаны с Республикой Коми и Чувашией, в 1998 году – с Республикой Марий Эл. Тем не менее, с 11 республиками из 21 к осени 1998 года договоры заключены не были. В частности, договоры о разграничении полномочий не были подписаны с большинством республик Северного Кавказа, с одной стороны, по причине их экономической слабости, с другой – в связи с нежеланием федерального центра усиливать степень их независимости в условиях напряженной этнополитической обстановки. Поэтому договоры на Северном Кавказе были подписаны только с более стабильными республиками: Северной Осетией и Кабардино-Балка-

рией. Не были подписаны также договоры с Карелией, Мордовией, Республикой Алтай, Тувой и Хакасией [8].

В начале 1996 года федеральный центр перешел к практике подписания договоров с областями. Среди первых: эксклав – Калининградская область с ее особым геополитическим положением, Оренбургская и Свердловская области. Перед президентскими выборами в расчетах на электоральную поддержку федеральная власть предоставила права на заключение договоров большой группе регионов (Краснодарский и Хабаровский края, Иркутская, Ленинградская, Нижегородская, Омская, Пермская, Ростовская, Сахалинская, Тверская области, Санкт-Петербург).

Внедрение договорной практики диктовалось принципом политической целесообразности и реальными возможностями центра. На первом этапе речь шла об оформлении особого статуса республик, на втором – о привлечении региональных элит краевого и областного уровней, управляющих электоральными процессами в экономически развитых субъектах Российской Федерации. После президентских выборов 1996 года договоры стали подписываться большими порциями и в массовом порядке. При этом, однако, их значение начало резко снижаться, они уже не давали отдельным субъектам признаки особого статуса в составе Федерации. К 1997 году договоры были заключены с 40 субъектами, к 1998 году – с 46, в том числе договор подписала Москва. В ряде случаев подписывались не двусторонние, а многосторонние договоры. Так происходило в сложносоставных субъектах Федерации: здесь договор подписывали власти края (области) и автономных округов (Красноярский край, Иркутская и Пермская области) [9]. К лету 1998 года федеральный центр пришел к выводу об исчерпании политического смысла в установлении такого рода отношений с регионами и практика подписания договоров прекратилась.

В целом для периода с 1993 до начала 2000-х годов характерны следующие особенности:

- асимметричный принцип построения отношений: федеральный центр дифференцирует применяемые методики и техники в зависимости от статуса субъекта федерации и его политической субъектности;
- внедрение договорных практик разграничения полномочий между федеральным центром и отдельными субъектами Российской Федерации;
- обеспечение федеральным центром единства правового, экономического и социального пространства страны с помощью делегирования ряда полномочий наиболее активным субъектам РФ (Предоставление налоговых льгот – дотаций, субсидий, преференций – одним субъектам вызвало увеличение финансового давления на другие, что создавало политическую и социальную напряженность в региональном измерении);
- отсутствие законодательства, регулирующего межбюджетные отношения между муниципалитетами и региональными властями, что во мно-

гих случаях приводило к зависимости органов местного самоуправления от решений вышестоящего уровня власти [2].

Политико-правовая база в этот период оказалась недостаточной для построения стабильно работающей системы государственного управления и полноценного функционирования региональных политических институтов власти. Отсутствовали четкие санкции за нарушение субъектами и муниципалитетами федерального законодательства, не были юридически оформлены нормы федерального вмешательства. Региональные институты законодательной власти субъектов РФ принимали законы, которые противоречили Конституции Российской Федерации и федеральным законам [3].

Институт полномочных представителей Президента в субъектах РФ со временем стал все больше показывать свою недостаточную эффективность, не справляясь с возложенной на него задачей по контролю за действием региональных властей. Субъекты Российской Федерации создали институционализированные и действенные способы представительства своих интересов на федеральном уровне и могли напрямую влиять на формирование общефедеральной повестки, далеко не всегда сопрягая свои устремления с общенациональными интересами и приоритетами.

Отношения между федеральными и субнациональными властями к тому же часто сводились к личным отношениям и договоренностям между Президентом и главой региона и зависели от установившегося между ними уровня доверия. В таком формате система федеративных отношений осталась крайне уязвимой и требовала серьезной реконструкции.

Третий этап (с начала 2000 до 2008 года) был связан преимущественно с задачами укрепления централизаторских начал. Несмотря на то, что к тому времени в России уже сложилась определенная система политических институтов, она требовала существенной своей трансформации, особенно между уровнями федеральной и региональной властью. Федеральный центр предпринял целый комплекс мероприятий в этом направлении, получивший название «федеральной реформы». Данный этап во многом был связан со сменой федеральной политической элиты и первого лица государства. Новым Президентом В.В. Путиным был избран вектор на укрепление вертикали власти и централизацию управления государством. Необходимые предпосылки для такого поворота уже появились в конце девяностых годов (во многом по инициативе тогдашнего руководителя правительства Е.М. Примакова) [7].

Так, уже с 1999 года стала создаваться требуемая политико-правовая база для последующего восстановления административной субординации между федеральными и региональными политическими институтами. Этому способствовало, в частности, принятие Федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ» [16] и Феде-

рального закона «Об общих принципах организации законодательных, представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [17]. Данные законы устанавливали сроки, в течение которых субъекты Российской Федерации должны были внести изменения в свои нормативно-правовые акты, подтверждали верховенство федерального законодательства не только над законами субъектов РФ, но и над договорами о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами (приоритетность норм Конституции над федеративным договором была закреплена еще в 1993 году), устанавливались санкции за дальнейшие нарушения субъектами РФ принципа верховенства федерального законодательства.

В политико-правовом пространстве усилился контроль, расширились полномочия Президента РФ и Федерального Собрания. Президент Российской Федерации получил право приостанавливать действие законов субъектов РФ, а также отстранять от исполнения обязанностей саботирующих выполнение норм федеральных законов глав субъектов (Постановление Конституционного Суда от 27 января 1999 года [11] также подтвердило право главы государства издавать указы об организации системы органов власти на территории всей Российской Федерации).

Федеральный парламент получил право принимать законы о роспуске региональных парламентов. С принятием данных законов, центр перешел от малоэффективной и серьезно растянутой во времени процедуры отмены незаконных решений субъектов Российской Федерации через Конституционный Суд к применению прямых санкций со стороны федеральных органов законодательной и исполнительной власти, которые могли быть применены в кратчайшие сроки. В данном контексте следует рассматривать и изменение порядка формирования Совета Федерации – центр лишил региональных лидеров возможности блокировать принятие решений в Федеральном Собрании. Главы регионов в новых условиях становились частью общей вертикали власти исполнительных органов, как и региональные парламенты – частью вертикали законодательных. В этот период был запущен процесс приведения региональных законодательств в соответствие с федеральным одновременно с массовым расторжением или пересмотром договоров о разграничении полномочий и предметов ведения. За три года субъекты Российской Федерации приняли новые Конституции и уставы. С целью установления эффективного мониторинга и контроля за региональными администрациями был радикально реформирован институт полномочных представителей Президента в субъектах РФ.

Основные принципы, которые характерны для периода с начала 2000-х годов по 2008 год:

– баланс отношений смещается в сторону центра: система управления территориями становится более централизованной, чем в предыдущие периоды;

– федеральный центр создает властные вертикали законодательной и исполнительной ветвей власти, влияние региональных лидеров на формирование общефедеральной повестки значительно снижается (вектор централизации);

– совершенствуется правовая база, расширяются контрольные полномочия Президента РФ и Федерального Собрания РФ;

– расторгаются договора о разграничении полномочий с республиками и областями, что способствует сокращению асимметрии между субъектами РФ;

– меняются параметры бюджетного федерализма – федеральный центр усиливает финансовую зависимость дотационных субъектов РФ от дотаций, субвенций и субсидий из федерального бюджета.

Четвертый этап (с 2008 года по настоящее время). К исходу второго президентского правления В.В. Путина в рамках политики централизации получают дальнейшее развитие механизмы федерального вмешательства, санкций и контроля, усиливается влияние центра на кадровую и бюджетную политику в субъектах Российской Федерации, укрепляются и расширяются структуры федеральных ведомств на местах, берется под контроль представительство регионов в центре. В партийной системе закрепляется приоритет федеральных партий, обеспечивается доминирование «партии власти» – «Единой России».

Вертикаль власти, выстроенная в этот период, прерывает инерцию распада страны, зримо проявлявшую себя в девяностые годы, способствует управляемости политики в стране в целом и в субъектах федерации в частности. Вместе с тем, со временем становится ясным, что в своем оформившемся виде она свою задачу выполнила, что изменившиеся обстоятельства требуют внесения в существующую политику ряда существенных корректив. Серьезные проблемы, в частности, возникли в связи с тем, что в политике федерального центра жесткое выстраивание и укрепление вертикали власти явно преобладало над горизонтальной функцией, в федеративном государстве призванной формулировать и реализовать на общенациональном уровне общие интересы составляющих ее субъектов. Баланс этих компонентов стал смещаться в сторону административной централизации при ослаблении институтов взаимодействия, а также институтов политического участия и представительства внутри субъектов РФ. При этом в некоторых субъектах Российской Федерации возник феномен т.н. «варяжского» губернаторства, что стало заметно сказываться на полноценном учете интересов и потребностей конкретного региона [6].

В этих условиях в государственной субнациональной политике стало закономерно проявляться все большее опробование возможностей вектора децентрализации. В апреле 2009 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 441 «Об утверждении Положения о порядке внесения и рас-

смотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» [13]. В соответствии с ним был введен новый порядок выдвижения кандидатур на должность глав субъектов РФ. Суть новшества состояла в значительном повышении роли политических партий в этом процессе. Партия, список кандидатов которой получил наибольшее число голосов на выборах в законодательный орган субъекта, получала право выдвигать не менее трех кандидатов на должность главы субъекта Российской Федерации и предлагать их на утверждение президенту. Кандидат на губернаторский пост, выбранный президентом РФ, должен также получить одобрение от законодательного органа субъекта Российской Федерации (1).

В послании Федеральному Собранию в 2011 году Д.А. Медведев объявил, что в Государственную Думу будет внесен пакет законопроектов о децентрализации, что предполагало проведение серьезного перераспределения властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов [16]. В январе 2012 года Д.А. Медведев внес в Государственную Думу законопроект, возвращающий прямые выборы губернаторов [18].

Учитывая разнообразие субнациональных институтов исполнительной власти, законодатель допустил возможность для субъектов проводить выборы глав региональным парламентом. На этом основании 2 апреля 2013 года по инициативе В.В. Путина в закон были внесены поправки, дающие субъектам федерации право заменить всенародные выборы своих глав голосованием в парламенте по нескольким кандидатурам. При этом не скрывалось, что принятие таких поправок вызвано решением федерального центра не допустить прямые выборы, прежде всего, в шести республиках Северного Кавказа (Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечне).

В 2013 году от прямых выборов главы добровольно отказались четыре республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия. Обновление региональных управленческих кадров продолжилось в 2016-2018 годах – сменились главы в 52 субъектах Российской Федерации. В 2017 году федеральный центр не продлил договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, заключенный сроком на 10 лет.

В целом можно отметить, что эволюция государственной региональной политики в России осуществлялась по линии настойчивого поиска нужного баланса в отношениях «центр-регионы», в проведения гибкой и последовательной политики сохранения и упрочения единого федеративного государства.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Такая линия не означала, впрочем, смену принципиальных оснований государственной власти в стране. Так, в декабре 2010 года бывший тогда Президентом страны Д.А. Медведев подписал Федеральный закон № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», запрещающий именовать глав субъектов федерации президентами республик. Все субъекты РФ до 1 января 2015 года должны были привести свои Конституции и уставы в соответствие с этим законом. Президентские посты сразу упразднились в Чечне, Адыгее, Бурятии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Марий Эл, Удмуртии, Чувашии, Якутии. В 2018 году должность руководителя республики продолжала определяться как «президент» лишь в Республике Татарстан – до истечения срока полномочий Р.М. Минниханова в 2020 году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абдулатипов Р.Г.* Федералогия. СПб., 2004.
2. *Бухвальд Е.М., Иванов О.Б.* Федерализм как ключевой принцип политики регионального развития в России // *Этап: экономическая теория, анализ и практика.* 2017. № 2.
3. *Бухвальд Е.М.* Эволюция основ региональной политики в Российской Федерации // *Федерализм.* 2017. № 1.
4. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Основы региональной политики. СПб.: Изд. дом Михайлова, 2012.
5. *Иванов В.Н., Яровой О.А.* Российский федерализм: Становление и развитие. М., 2000.
6. *Каганский В.Л.* Регионализация, регионализм, пострегионализм // *Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития.* М.: ИГ РАН, 2002.
7. *Каранетян Л.М.* Федеративное устройство Российского государства. М., 2002.
8. *Медведев Н.П.* Политическая регионалистика. Учебник. М.: ИД МИСиС, 2010.
9. *Миронюк М.Г.* Современный федерализм: Сравнительный анализ: Учебное пособие. М., 2008.
10. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70009436/>.
11. Постановление Конституционного Суда по делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации № 2-П // <http://www.constitution.ru/decisions/80063/80063.htm>.
12. *Смирнягин Л.В.* Российский федерализм: Парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998.

13. Указ Президента РФ от 23.04.2009 № 441 «Об утверждении Положения о порядке внесения и рассмотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87107/.

14. Федерализм: Энциклопедия. М.: Издательство Московского университета, 2000.

15. Федерализм: учебное пособие / Под общей ред. В.И. Коваленко, О.В. Морозова. М.: Издательство Московского университета, 2016.

16. Федеральный закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ» от 24.06.1999 г. № 119-ФЗ // <http://base.garant.ru/180605/>.

17. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/.

18. Федеральный закон от 02.05.2012 г. № 40-ФЗ // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35200>.

19. Цветкова О.В. Федеративные отношения в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6.

O.V. TSVETKOVA

Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

EVOLUTION OF RUSSIA'S SUBNATIONAL POLITICAL INSTITUTIONS

The modern system of subnational government institutions has existed for more than two decades and is constantly developing. The regional political system is evolving and these processes are associated with structural differences in the subjects of the Russian Federation: republics, regions, territories, autonomous districts and an autonomous region. Basically, the asymmetry is associated with the peculiarities of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation and the constitutional and legal status of each subject of the Russian Federation, enshrined in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: *subjects of the federation, subnational political institutions, vertical of power, asymmetry, contractual practice, separation of powers, centralization.*

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРА ЭЛИТЫ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье предложены решения проблемы модернизации и развития кластера элиты в целях обеспечения эффективности консолидированной идентификационной политики современной России. Опираясь на актуальные данные социального мониторинга, автор делает вывод, что в современной России актуальная консолидация элиты внутри элитного кластера, а также между кластером элиты и кластером гражданского общества по-прежнему осуществляется по преимуществу «сверху» по унифицирующему авторитарному сценарию, а не плюралистическому демократическому. Это чревато нарастанием тенденции отчуждения элиты от гражданского общества, внутриэлитными конфликтами (не только по линии федеральный центр – региональные элиты, но и по линии административно-политическая элита, опирающаяся на информационные ресурсы традиционных СМИ – новая элита социальных медийных электронных пространств), застоем демократических процессов в России, а также кризисом легитимации власти политико-административной элиты. Решение проблемы лежит в плоскости интеграции основных политических кластеров и их внутреннего содержания на основе стратегических целей-ценностей: общественного блага, национальной безопасности, социальной защиты населения, посредством демократизации возможностей и технологий инкорпорации граждан во власть, активизации культуры политического участия по всему социальному полю, демократического развития институтов образования, культуры, институтов лидерства, независимого экспертного мнения, интерактивных платформ для эффективной партнерской коммуникации основных политических акторов.

Ключевые слова: *политическая власть, политическая элита, гражданское общество, политические кластеры, консолидация политической власти, социально-политический мониторинг, политические технологии, общественно-политический менеджмент, социально-политические тенденции и противоречия.*

В элитологии российские [6] и зарубежные [8; 10] ученые все уверенней говорят о том, что элиты и их лидеры оказывают непропорционально большое влияние на результаты развития. При этом, с одной стороны, за действиями элит видят траектории социального и экономического роста. С другой – столь же востребованной и актуальной является идея о том, в состоянии ли элиты преодолеть влияние и действия на них со стороны традиционных институтов власти и политики. Как, впрочем, не теряет своей актуальности тема, в какой мере и при каких обстоятельствах элиты используют свое влияние для личных выгод и когда для национального благосостояния. Можно уверенно говорить также о применении в исследованиях различных методов ради того, чтобы объяснить и лучше понять взаимосвязь между элитами и результатами развития общества и государства [7]. Не перестали быть востребованными темы: участие и реакции элит на создание и изменение существующих институтов развития; как экономические изменения влияют на формирование и распространение элит, на восприятие элитой национальных ресурсов, на то, в какой степени потенциал государства и его мощь оказывает влияние и становится фактором самоидентификации элиты; и как элиты взаимодействуют с неэлитами [9].

Так или иначе элита является основным актором консолидации политической власти и реализации политики государства. Современная российская элита представляет собой кластер, в составе которого функционируют различные типы элит: политические, бизнес-элиты, научные, культурные, медийные и т.д., включая разнообразные сетевые сообщества в электронном пространстве. Кластерно-сетевой подход позволяет выделить в составе элиты разветвленную сеть акторов, которые организованы посредством постоянных и ситуативных связей, координации, кооперации и коллаборации. Коллаборация, при этом, выступает характеристикой развитого инновационного кластера как сложной нелинейной динамической системы. Коллаборация подразумевает, что связи между всеми акторами внутри кластера носят синергичный, коуправляемый характер: акторы взаимодействуют на основе общих интересов и целей-ценностей, постоянно координируя свою деятельность в рамках общих задач на основе вырабатываемых и корректируемых в процессе взаимодействия общих стратегий.

Несмотря на то, что современная власть организована в обществах постиндустриального типа не только по принципу иерархии, но и полиархии, включающей различные перманентно возникающие центры власти, иерархический принцип власти и управления в современной России выражен достаточно сильно. То есть, несмотря на широкий спектр элит, основной политической ресурс, капитал, управление и властные полномочия в настоящее время сосредоточены в руках политической административной элиты с опорой на президентскую вертикаль власти.

Консолидационная политика государства, в свою очередь, включает в качестве основной составляющей, политику формирования общенацио-

нальной общегражданской идентичности, которую в политических науках называют еще идентификационной политикой. Успех консолидационной политики во многом зависит от того, насколько консолидирована национальная элита, насколько консолидировано общество и достигается ли консенсус между элитой и обществом в идейно-символических и реально-практических пространствах [5].

В современных политических науках в качестве сущностных характеристик политической элиты выделяют степень сплоченности и дифференцированности элиты. Обе характеристики показывают качественно-количественные параметры элиты. Сплоченность элиты обеспечивается за счет достижения согласия внутри элиты по ключевым целям-ценностям и правилам политической игры. Дифференцированность элиты показывает степень автономности элитных подгрупп и степень внутри элитного разнообразия. Очевидно, что чем более дифференцированной является элита, тем более важными становится достижение внутри элитного консенсуса и обеспечение интегративных процессов. Консолидация элиты, в свою очередь, базируется на единстве стратегических целей-ценностей, которые обеспечивают единый идейно-смысловой контекст, единое символическое пространство внутриэлитной коллаборации и легитимацию власти элиты остальной частью общества.

В социально-политических науках так же принято разделять ценности элиты на истинные (подлинные) и декларативные. Подлинные ценности отражают реальные цели-ценности элиты, к которым она стремится, и на базе которых возможна межэлитная интеграция. При том, что у элит разного уровня могут быть отличные друг от друга ценности, соответствующие специфике их положения в системе власти, а также определяемые амбициями отдельных политических лидеров, в целом центральной системообразующей ценностью элиты традиционно является власть. Власть относится к истинным ценностям политической элиты, поскольку она во многом делает элиту элитой. Обладание властью подразумевает, что элита обладает необходимыми ресурсами и полномочиями, чтобы управлять остальной частью населения, навязывать свою политическую волю, формировать символическое пространство идентификационной политики. К подлинным ценностям политической элиты следует так же отнести обладание информацией, управление информационными потоками. Это обусловлено тем, что в условиях сетевого постиндустриального общества агентами политического влияния становятся акторы, функционирующие в информационных пространствах и формирующие политическую повестку посредством медиасреды. Соответственно управление информационными потоками это эффективное средство поддержания и удержания политической власти, к воспроизведению которой стремится политическая элита.

Спецификой современных элит выступает так же осознание ценности политического имиджа, посредством которого политическая элита и лиде-

ры обеспечивают легитимацию власти. Образы лидеров, вызывающие доверие у электората, широко востребованы в современной политической жизни и позволяют элите проводить в жизнь собственную политику, сталкиваясь с наименьшим сопротивлением.

Ценности общественного блага и всеобщего благоденствия принято относить в политическом контексте к декларативным ценностям элиты. С одной стороны, они выходят за пределы узкокорпоративных ценностей политической элиты, а с другой – выступают основой общественного договора, на которой возможен консенсус власти и общества. Поэтому патриотичная трансформационная элита должна рассматривать ценности благополучия населения в качестве истинных. На этом основании возможен подлинный консенсус между кластером элиты и кластером гражданского общества, преодолевающий дифференциацию как «сверху», так и «снизу».

Следует отметить, что в условиях глобальных вызовов современности, с которыми столкнулась Россия, в том числе социально-экономического и политико-управленческого кризиса, вызванных пандемией, роль идентификационной политики многократно возрастает. Это детерминировано, как фактором нарастания социально-экономического неравенства и другими дезинтегративными процессами, так и возрастанием роли общенационального трансформационного лидера, вокруг которого должна сплотиться элита для решения актуальных задач. Поэтому, четко обозначенная, начиная с 2012 года (и ранее), в качестве приоритетной в посланиях Президента Федеральному собранию РФ, линия укрепления общенационального единства, формирования российской нации на основе общего исторического прошлого, традиционных ценностей и совместного созидания будущего процветания великой России, в настоящее время обретает особую актуальность и новый контекст.

Актуальный запрос на дееспособную патриотически ориентированную элиту, консолидированную на базе общих целей-ценностей, национальной идеи остро присутствует в обществе. Социальные мониторинги 2020-2021 годов свидетельствуют, что общество нуждается в социальном государстве, гарантирующем гражданам социальную поддержку и стабильность на основе традиционных ценностей, в числе которых первые позиции занимает мир, порядок, стабильность, социальная справедливость, социальная защита населения, сотрудничество и взаимоуважение [2]. Вместе с тем, большинство респондентов указывают на разрыв элиты и общества, безразличие элиты к нуждам населения, демонстрируют неверие в возможность изменить ситуацию к лучшему «снизу», перспективы успешного развития демократических институтов в современной России [4]. Немаловажно, что тенденция отчуждения рядовых граждан от правящей элиты и политической власти в целом остается актуальной, как минимум, второе десятилетие – более половины опрошенных на данную тему россиян стабильно

считают, что от них ничего не зависит, что «наверху» все решают без них, и что политической элите нет дела до проблем народа. Соответственно, российское общество, не преодолевшее тенденцию обнищания населения и социально-политической дифференциации, на уровне культуры политического участия демонстрирует пассивность и фатализм. Вместе с тем, без успешной реализации задач консолидационной идентификационной политики – солидаризации по всему социальному полю на основе общих стратегических целей-ценностей – невозможна демократическая легитимация политической власти элиты, общественно-политический консенсус и, как следствие, демократическое процветание и развитие России.

Немаловажно, что если консолидация элит, осуществленная в 2000-х годах Президентом Путиным В.В., носила административно-бюрократический характер, была, как считают многие политологи, «консенсусом сверху», поскольку ограничивала самостоятельность региональных элит в обмен на доступ к экономическим ресурсам федерального центра, то актуальный вызов современности требует широкого демократического консенсуса [1]. То есть, демократический консенсус должен, прежде всего, опираться на общность ценностных символических пространств и обеспечиваться технологиями широкого участия граждан в политико-правовой и управленческой деятельности государства.

С одной стороны, это предполагает, обновление, циркуляцию элит, инкорпорацию новых кадров во власть посредством вертикальных лифтов социально-политической мобильности. Это может быть обеспечено благодаря эффективной электоральной политике, использованию института лидерства, развития партнерских взаимоотношений между основными политическими акторами. То есть, должна быть решена задача модернизации моделей внутриэлитной коммуникации и механизмов рекрутирования региональных муниципальных элит в федеральную политико-административную элиту.

Политическое партнерство между федеральным центром, президентской вертикалью власти и региональными элитами должно осуществляться на идейно-ценностной основе стремления к общему благу и общенациональному процветанию, с учетом социально-экономических и культурных особенностей развития регионов. Поскольку с распадом СССР произошел упадок партийной идеологии КПСС и наступил период недоверия элит к общенациональным идеям, возросло влияние идей сепаратизма, независимости регионов от федерального центра, поиск объединяющих идей для обеспечения элитного консенсуса следует вести в рамках идеологии общенационального процветания на фоне сохранения национальной самобытности и относительной социально-экономической самостоятельности регионов. Вместе с тем, широкое использование механизмов демократической ротации элит, инкорпорации в федеральную элиту представителей нацио-

нальных региональных элит должно обеспечить политическое представительство интересов регионов, большую лояльность на местах к политическим решениям федерального центра.

С другой стороны, идентификационная политика государства не должна ограничиваться управлением консолидацией внутри политико-административных элит, а должна опираться на широкие возможности институтов образования, культуры, общественного мнения – развивать элитный кластер по всему социокультурному полю. Вовлечение в реализацию консолидационной идентификационной политики институтов образования позволит не только увеличить научно-методологический потенциал и компетентность принимаемых политических решений, но и охватить более широко подрастающее поколение, формировать, тем самым политическую культуру гражданского участия и будущее страны. В этой связи следует подчеркнуть важность использования консолидационного потенциала института лидерства, включая лидеров мнений в пространстве электронной медиасреды. Актуальные данные мониторингов показывают, что элитный кластер активно развивается в электронной среде, образуя виртуальные представительства новых лидеров, политических партий, сетевые электоральные кластеры в качестве альтернативы и дополнения к институализированным политическим партиям и политическим течениям [2]. Особенно это касается неформальных, оппозиционных лидеров и непарламентских партий, которые, широко используя идеи свободы слова и информации, прав человека и конституционных гарантий, а также накопившийся в обществе протестный потенциал, аккумулируют потенциальный электорат. Немаловажно, что электронные коммуникации позволяют создать гетерогенное интерактивное социально-политическое пространство, тонко и оперативно реагирующее на изменения политической конъюнктуры, общественный запрос, информационную повестку дня. С одной стороны, это компенсирует жесткий непроницаемый характер властной вертикали, самозамкнутость и непрозрачность правящих элит и институтов. А, с другой стороны – дифференцирует элиту «снизу», аккумулирует протестную активность, оппозиционность, возможность социальных революций, увеличивает вероятность использования нелегитимных способов политической мобилизации, непредсказуемость политических процессов и политической борьбы за власть.

Для того, чтобы уравновесить характерные для электронных медиа процессы неопределенности, непредсказуемости, неустойчивости сетевых политических конфигураций и деструктивный потенциал использования кибертехнологий в политических целях («фейк ньюс», «эхокамеры», «политический троллинг» и т.д.) государству следует поддерживать развитие института экспертного мнения внутри элитного кластера. Независимая экспертиза, инициированная гражданским обществом и осуществляемая авторитетными деятелями науки, культуры, религии, а также независимы-

ми (не ангажированными партийно-административной правящей элитой) профессионалами позволит создать необходимый институт посредничества между основными политическими кластерами, между государством и обществом, а также повысить в пространстве электронной медиасреды эффективность и качество существующих механизмов общественных обсуждений принимаемых действующей властью политических решений, нормативно-правой деятельности государства.

Положительный эффект и высокий потенциал использования института экспертного мнения и института лидерства в консолидационной и идентификационной политики обеспечивается в современной России как традициями политической власти, так и наличием вакантной ниши для института независимых экспертов. В первом случае, имеет место традиция персонализации власти, культа личности лидера как «отца нации», «царя-батюшки» и т.д., поэтому рейтинги доверия президенту как общенациональному лидеру (которые не опускаются ниже 60% в ситуации развертывания социально-политического кризиса), а также уровень поддержки формальных и неформальных лидеров значительно выше рейтингов доверия к институтам власти, в том числе политическим партиям, правительству, министерствам, чиновникам и т.д. Во втором случае, имеет место общественный запрос без ответа на функционирование в пространстве публичной власти независимого экспертного сообщества, которое могло бы выступать лидером мнений и, опираясь на профессиональную компетентность, авторитет и независимость от властвующей партийно-административной, олигархической и т.д. элиты направлять общественное мнение, общественные обсуждения в конструктивное русло. Очевидно, что в настоящее время институт независимой экспертизы в России не функционирует на должном уровне, поскольку не имеет независимых от властвующей элиты источников финансирования и соответствующей поддержки на уровне гражданского общества. Функции института независимой экспертизы ситуативно и не всегда эффективно выполняют лидеры мнений в виртуальных социальных сетях, неформальные лидеры, «селебрити» и медийные персонажи.

Отдельно следует отметить нарастающую тенденцию превращения блогеров в акторов политического влияния. Здесь, так же, как и по многим актуальным социально-политическим вопросам, общественное сознание расколото и противоречиво. С одной стороны, индивидуальные блоги, виртуальная медиазелита вызывает большее доверие у россиян, чем официальные СМИ, а, с другой стороны – для общества очевидна ангажированность блогеров рекламными спонсорами, политическими заказчиками, «фабриками троллей» и т.д. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра социального проектирования «Платформа» [3] подтверждает, что в России формируется новая интернет элита, которая интенсивно профессионализируется в медиасреде и, благодаря оперативности, персональной харизме,

креативности и активной личной позиции оказывает влияние не только на потребительское поведение пользователей сети, но и на их политические взгляды, электоральный выбор.

Подытожим: в современной России актуальная консолидация элиты внутри элитного кластера, а также между кластером элиты и кластером гражданского общества по-прежнему осуществляется по преимуществу «сверху» по унифицирующему авторитарному сценарию, а не плюралистическому демократическому. Это чревато нарастанием тенденции отчуждения элиты от гражданского общества, внутриэлитными конфликтами (не только по линии федеральный центр – региональные элиты, но и по линии административно-политическая элита, опирающаяся на информационные ресурсы традиционных СМИ – новая элита социальных медийных электронных пространств), застоём демократических процессов в России, а также кризисом легитимации власти политико-административной элиты. Решение проблемы лежит в плоскости интеграции основных политических кластеров и их внутреннего содержания на основе стратегических целей-ценностей: общественного блага, национальной безопасности, социальной защиты населения, посредством демократизации возможностей и технологий инкорпорации граждан во власть, активизации культуры политического участия по всему социальному полю, демократического развития институтов образования, культуры, институтов лидерства, независимого экспертного мнения, интерактивных платформ для эффективной партнёрской коммуникации основных политических акторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Том 6. № 2.

2. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы. Аналитический обзор. 12 февраля 2021 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy>.

3. От блогеров к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды // <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-bloggerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriynovye-trendy>.

4. Пути и резервы социальной консолидации в трансформирующемся социуме: гражданское общество и политические субъекты нового мира // XI международная Грушинская социологическая конференция «2021: переборка социального, или насколько дивным будет новый мир» (17-22 мая 2021 года). Стенограмма от 18 мая 2021 года // <https://conf.wciom.ru/program/section/?uid=9>.

5. Россия на пути консолидации: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2015.

6. Слизовский Д.Е. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: Внушивший доверие? (рецензия на статью Улькер Мустафа Кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента «Азербайджанской Республики Ильхама Алиева») // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).

7. Слизовский Д.Е., Соколов Н.Н., Евтушенко С.А. Перемены в настроениях Российской элиты: что дальше? / В сборнике: Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону, 15-16 февраля 2019 года.

8. Dicaprio Alisa. he Role of Elites in Economic Development // https://www.researchgate.net/publication/277656713_The_Role_of_Elites_in_Economic_Development.

9. Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A. GORBACHEV – YELTSIN – PUTIN: DISCUSSION AROUND MODELS OF POLITICAL REGIME. WHAT’S NEXT? // Political Science Issues. 2019. Т. 9. № 2 (32).

10. Mondal Pujja. Political Elite: Concept, Orientations and Role in Social Change // <https://www.yourarticlelibrary.com/politics/political-elite-concept-orientations-and-role-in-social-change/39204>.

A.V. OSIPOV

*Candidate of Political Science, Judge of the
Leninsky District Court of Rostov-on-Don,
Rostov-on-Don, Russia*

THE PROBLEM OF MODERNIZATION AND DEVELOPMENT OF THE ELITE CLUSTER IN ORDER TO ENSURE THE CONSOLIDATION POLICY OF MODERN RUSSIA

The article proposes solutions to the problem of modernization and development of the elite cluster in order to ensure the effectiveness of the consolidation identification policy of modern Russia. Based on current social monitoring data, the author concludes that in modern Russia, the current consolidation of the elite within the elite cluster, as well as between the elite cluster and the civil society cluster, is still carried out mainly “from above” according to a unifying authoritarian scenario, and not a pluralistic democratic one. This is fraught with an increasing tendency to alienate the elite from civil society, intra-elite conflicts (not only through the federal center – regional elites, but also through the administrative-political elite, based on the information resources of traditional media – the new elite of social media electronic spaces), the stagnation of dem-

ocratic processes in Russia, as well as the crisis of legitimizing the power of the political and administrative elite. The solution lies in the integration of the main political clusters and their internal content based on strategic values: public good, national security, social protection of the population, through democratization of opportunities and technologies for incorporating citizens into power; intensification of a culture of political participation throughout the social field, democratic development of educational institutions, culture, leadership institutions, independent expert opinion, interactive platforms for effective partnership communication of major political actors.

Key words: *political power, political elite, civil society, political clusters, consolidation of political power, socio-political monitoring, political technologies, socio-political management, socio-political trends and contradictions.*

*кандидат философских наук, доцент,
консультант отдела этноконфессиональных
отношений и организации работы
по профилактике экстремизма Департамента
внутренней политики Свердловской области,
доцент кафедры организации работы
с молодежью Уральского федерального
университета, доцент кафедры теологии
Уральского государственного горного
университета, Россия, г. Екатеринбург*

*директор Департамента внутренней
политики Свердловской области,
заместитель председателя межведомственной
комиссии по профилактике экстремизма
в Свердловской области, Россия, г. Екатеринбург*

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЙ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются методологические основания и практические аспекты формирования в регионе социокультурной среды, препятствующей распространению идеологии терроризма. Раскрывается механизм взаимодействия региональных субъектов профилактики экстремизма и терроризма. Формулируются педагогические подходы к формированию антиэкстремистского и антитеррористического сознания. Делается вывод о приоритетности в противодействии идеологии терроризма мер культурно-просветительского и педагогического характера, реализуемых через взаимодействие с региональными институтами гражданского общества.

Ключевые слова: *региональная социокультурная среда, идеология экстремизма и терроризма, экстремистские установки, экстремистские проявления, антиэкстремистское и антитеррористическое сознание, субъекты профилактики.*

Вопросы противодействия идеологии экстремизма и терроризма далеко выходят за рамки собственно правоприменительной, правоохранительной и административной деятельности, затрагивая специфику социокультурной среды страны и региона.

Социокультурная среда является сложной системой взаимодействия социально-экономических, политических, культурных, духовных факторов, с учетом которых происходит самоопределение личности, выбор жизненной стратегии и ценностных ориентаций.

Петров И.Ф. пишет, что «изучение социокультурной среды региона позволяет не только обобщить имеющиеся в данной области знания и опыт, сформулировать адекватные для этой сферы парадигмы социального познания, но и выявить наиболее эффективные формы управления» [9. С. 131].

Поэтому в данной статье вопросы организации противодействия идеологии экстремизма и терроризма рассматриваются в контексте анализа региональной социокультурной среды, отражающей специфику формирования антиэкстремистского и антитеррористического сознания населения.

Воспитание ценностных ориентаций и социально-психологических установок неприятия терроризма является определяющим в противодействии экстремизму и терроризму.

Как отмечает Дашкова С.В., на законодательном уровне присутствует разделение феномена терроризма на деятельность-материальную (внешнюю) и информационно-мировоззренческую (внутреннюю) составляющие [3. С. 141].

При этом правовая дефиниция понятия терроризма отдает приоритет именно внутренней составляющей, ставя на первое место информационно-мировоззренческие и психологические понятия идеологии насилия и устрашения [8], а также включая в формы собственно террористической деятельности понятия пропаганды, информационного пособничества, распространения информации, обоснования и оправдания необходимости осуществления такой деятельности [8].

Идеология терроризма как понятие рассматривается основополагающим в теоретическом осмыслении феномена терроризма и антитеррористической практике.

Приведем дефиницию терроризма, в которой подчеркивается ее ключевое значение в понимании самого феномена терроризма: «Идеология терроризма (от греч. *idea* – понятие, представление) – система идей, взглядов экстремистского характера, выражающая интересы различных субъектов социально-политических отношений, оправдывающая применение ими нелегитимного насилия и устрашения для реализации этих интересов, обосновывающая соответствующие цели террористической деятельности и, как правило, определяющая механизм их достижения» [10. С. 21].

В последней редакции Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [12] подчеркивается, что в основе терроризма как крайней формы экстремизма лежит идеология насилия – оправдание применения насилия для достижения целей идейно-мировоззренческого и этнокультурного характера. Отмечается, что террористические и экстремистские угрозы будут сохраняться, пока существуют источники и каналы распространения террористической и экстремистской идеологии [8].

Представляется актуальным исследование социально-философских аспектов проблемы противодействия идеологии терроризма, выявление ценностно-мировоззренческих установок в общественном сознании, анализ состояния социокультурной среды и определение путей возможного влияния на ее формирование в необходимом направлении.

Социокультурная среда является посредником между общественным сознанием и общественной практикой на региональном уровне. Как отмечает Г.Х. Азашиков, «социокультурные процессы оказывают определяющее влияние на систему регионального управления, а его эффективность напрямую зависит от способностей управленцев учитывать требования социокультурной среды в своей деятельности» [1. С. 10].

Поэтому в качестве одного из принципов противодействия терроризму в российском законодательстве обозначено взаимодействие государства с институтами гражданского общества в лице этнокультурных, религиозных и общественных объединений, активных граждан [8]. Аналогичный принцип определен и действующим антиэкстремистским законодательством [12].

Региональная социокультурная среда являет собой сложную динамическую систему, аккумулирующую региональный историко-культурный опыт, включающую ментальные особенности населения, отражающую многообразие межэтнических и межкультурных связей и противоречий.

Определяя мировоззрение и мотивацию поступков людей, региональная социокультурная среда сама подвержена изменениям. Как пишет Т.И. Заславская, «...глубинным и в то же время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов, ...которое характеризует наиболее глубокие и долгосрочные результаты социальной трансформации» [4. С. 151].

Вопросы формирования региональной социокультурной среды должны входить в сферу деятельности субъектов профилактики экстремистских проявлений и противодействия идеологии терроризма, поскольку социокультурная среда напрямую определяет содержание ценностно-мировоззренческих ориентаций и социально-психологических установок, лиц, склонных к экстремистскому и террористическому поведению, испытывающих влияние соответствующих группировок.

Следует учитывать, что регионы современной России, имеют разноплановую социальную среду и типы доминирующих культур.

Это делает необходимым учет региональной социокультурной специфики в процессе организации работы по противодействию идеологии терроризма.

Именно современная, не ограниченная догматическими положениями идеологического характера, социально-философская методология познания социокультурной реальности позволит выработать оптимальные формы и методы этой деятельности.

Нормативно-правовые основания, заложенные в федеральных законах и стратегиях, определяют необходимый вектор деятельности субъектов противодействия идеологии терроризма, в то время как выбор перечня методов и инструментов связан с социокультурной спецификой региона.

Возможный конфликтный потенциал внутри социума напрямую связан с этнокультурным и конфессионально-мировоззренческим составом населения, с актуальной ситуацией в сфере этноконфессиональных и общественно-политических отношений в регионе.

Так, ряд региональных вариантов российской социокультурной среды включают миноритарные этнокультурные и конфессиональные общности традиционалистского характера, чья специфическая ментальность требует внимания со стороны субъектов, ответственных за профилактику конфликтных ситуаций и противодействие деструктивным идеологиям, в том числе и идеологии терроризма.

Такого же внимания заслуживают некоторые субкультурные образования квазирелигиозного или социального характера, в своей публичной практике тяготеющие к деструктивным проявлениям.

Так же примем во внимание обстоятельства, связанные с трансформациями региональной социокультурной специфики вследствие миграционных процессов. Регионы становятся полиэтничными и поликультурными, что влечет изменения в характере возможных угроз в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремистских проявлений.

Рассматривая в качестве примера региональную социокультурную среду Свердловской области, отметим, что регион исторически является одним из самых многообразных в этническом отношении регионов России.

На протяжении XIX-XXI в. для территории Свердловской области была характерна тенденция усложнения этнического состава, вызванная глубокими изменениями в социально-экономическом и культурном развитии России.

Многонациональность и поликонфессиональность Свердловской области, высокая степень общественно-политической активности ее населения требует системной и нетривиальной работы по формированию региональной социокультурной среды, препятствующей экстремистским проявлениям и распространению идеологии экстремизма и терроризма.

Это предполагает вовлечение общественных институтов этнической и религиозной направленности, в реализацию программных мероприятий, направленных на обеспечение системного участия институтов гражданского общества в социально ориентированной деятельности по противодействию идеологии терроризма.

Самоорганизация граждан на этнокультурной и конфессиональной основах является важнейшим элементом гражданского общества региона.

Традиционной формой взаимодействия между этнокультурными общественными объединениями региона и руководством региона является Консультативный совет по делам национальностей Свердловской области, созданный в соответствии с решением главы региона [6].

Региональными властями оказывается активная поддержка общественным объединениям, целями деятельности которых является развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, социальный и культурный аспекты адаптации и интеграции мигрантов, а также профилактика межнациональных конфликтов.

Этнокультурные общественные объединения Свердловской области принимают участие в большинстве наиболее знаковых общественных событий, связанных с культурными, спортивными и образовательными мероприятиями, которые направлены на укрепление формирования единой российской идентичности, сохранение культурного своеобразия этносов региона.

Важную роль в сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей народов России играют религиозные организации.

Общественная активность епархий Екатеринбургской митрополии и централизованных религиозных мусульманских организаций, придерживающихся устоев традиционного ислама, включает в себя широкий спектр: миссионерская деятельность, работа с молодежью, социальное служение, работа по утверждению трезвости и профилактике зависимостей, культурно-массовая работа по возрождению культурных и нравственных традиций, взаимодействие с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, средствами массовой информации, тюремное служение, паломническо-экскурсионная деятельность, спортивно-патриотическое воспитание.

Также отметим, что важной задачей остается формирование в Свердловской области системы социальной и культурной адаптации мигрантов и их интеграции в российское общество, в том числе поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, методическое обеспечение деятельности региональной и местной власти, общественных объединений по данному направлению.

Вышеперечисленные меры дают свои плоды и формируют позитивную социокультурную среду, что получает отражение в проводимых исследованиях общественного мнения жителей региона.

В ноябре 2020 года по заказу Департамента внутренней политики Свердловской области Уральским федеральным университетом проведено социологическое исследование «Оценка населением состояния этноконфессиональных отношений в Свердловской области в 2020 году» [5].

Согласно данным исследования:

- 85,5% граждан положительно оценивают состояние межнациональных отношений в Свердловской области;
- у 88% граждан в Свердловской области присутствует устойчивая общероссийская гражданская идентичность;
- 93,3% граждан в Свердловской области считают, что они не испытывали этнокультурной или религиозной дискриминации;
- 65,9% граждан в Свердловской области не испытывают негативного отношения к мигрантам.

Около половины опрошенных однозначно утверждают об отсутствии в их населенном пункте противоречий и конфликтов между представителями разных этносов и конфессий, но в тоже время больше трети были свидетелями конфликтов и споров с элементами межнациональной неприязни, а почти каждый десятый в них участвовал.

Жители региона демонстрируют высокий уровень толерантности к представителям иных этносов и конфессий, отмечают наличие друзей среди с лиц других национальностей, готовы выстраивать с ними социальные связи в рабочем коллективе и соседями. Однако при этом в регионе присутствуют проблемные зоны, связанные с этноконфессиональными и общественно-политическими отношениями, которые требуют внимание и системной работы со стороны органов власти и гражданского сообщества.

Помимо организационного аспекта рассматриваемой нами деятельности решающим и первостепенным является педагогический аспект.

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» в качестве целей молодежной политики рассматривает «повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям» [7].

Формирование нравственных и смысловых целеполаганий возможно при комплексном многоплановом воздействии на разнообразные группы общества. Цель такого воздействия – мотивирование к принятию оптимальных и социально приемлемых поведенческих моделей и кардинальное неприятие моделей поведения деструктивного.

Такой процесс включает как индивидуальное, так и групповое обучение, и воспитание, и предполагает решение следующих задач: во-первых,

качественное позитивное изменение знаний об окружающей социальной реальности, во-вторых, изменение субъективной оценки, личного отношения к проблемному социальному явлению, в-третьих, формирование мотивации к социально полезному поведению.

Итогом этого процесса должно стать выработка консолидированного мнения различных социальных слоев и групп относительно идеологии терроризма и террористических проявлений, а также создание условий для воспитания патриотических установок и уважения к этнокультурным и профессиональным традициям, обеспечения общественного мира и согласия.

Формирование региональной социокультурной среды, препятствующей распространению идеологии терроризма, относится к уровню так называемой «глубинной» профилактики экстремистских проявлений [11. С. 111].

Под «глубинной» профилактикой имеется в виду формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций и социально-психологических установок, поскольку именно эти моменты формирования мировоззрения занимают особое место в генезисе экстремизма.

Именно воздействие педагогическими средствами просвещения и воспитания способно сформировать устойчивой антиэкстремистское и анти-террористическое сознание и препятствовать, а в перспективе и исключить распространение идеологии терроризма.

В зависимости от целей и целевых групп среди проведенных мероприятий можно выделить ряд групп.

Во-первых, это мероприятия, направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности и патриотического самосознания.

Так, в феврале-марте 2020 года проведена серия мероприятий, посвященных 20-летию подвига 6-й роты псковских десантников, среди которых наиболее массовым стал спортивно-патриотический фестиваль «Шагнувшие в бессмертие» в Екатеринбурге.

Во-вторых, это мероприятия, направленные на формирование у педагогов, работников культуры и муниципальных служащих, представителей силовых ведомств компетенций по профилактике экстремистских проявлений и противодействия распространению террористической идеологии в подростково-молодежных и образовательных средах.

В этом ряду стоит отметить встречи по тематике противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремистских проявлений среди учащихся и студентов с профессорско-преподавательским составом, студенческим активом вузов Екатеринбурга, образовательных организаций в муниципалитетах.

В рамках семинаров рассматриваются современные тенденции проявлений экстремизма среди подростков и молодых людей, технологии создания позитивного социального мышления.

В-третьих, это мероприятия, направленные на формирование мира и согласия между представителями различных этнических, конфессиональных, культурно-мировоззренческих групп среди населения региона.

В качестве примера приведем реализацию проекта молодежного межконфессионального семинар «Традиция. Урал. Россия» с участием представителей традиционных конфессий региона, молодежи и педагогов муниципалитетов, а также межконфессиональный турнир по мини-футболу, в котором приняли участие представители традиционных конфессий – православные христиане и мусульмане-сунниты.

Межконфессиональные встречи направлены на преодоление стереотипов в отношении традиционных конфессий, формирование российской гражданской идентичности, воспитание культуры межнационального и межконфессионального общения и позитивной социально-политической активности, профилактику экстремизма и иных деструктивных проявлений в подростково-молодежной среде.

Формат таких подобных мероприятий позволяет их участникам обмениваться мнениями, устанавливать деловые контакты, определять перспективы совместной деятельности, получать уникальный опыт межкультурного общения.

В-четвертых, мероприятия, направленные на формирование неприятия идеологии экстремизма и терроризма и противодействие вовлечению в деструктивные сообщества представителей конфессиональных групп и молодежи.

В этой группе мероприятий особо следует выделить социальный проект «Антиэкстремистский десант», реализуемый Центральным муфтиятом – одной из традиционных мусульманских организаций региона.

Религиозные служители ислама встречаются с жителями десятков населенных пунктов Свердловской области, проводят беседы с прихожанами местных мусульманских религиозных общин, объясняя исламское вероучение, раскрывая его потенциал уважительного отношения к представителям других конфессий и национальностей, показывая созидательную роль ислама в жизни российского общества и государства.

Также можно отметить проекты, связанные с разъяснительной деятельностью мусульманских богословов в среде единоверцев.

На протяжении 2020-21 годов г. Екатеринбург посещали заместитель муфтия Ставропольского края Закир-хазрат Шарыпов и эксперт информационно-консультационного центра «Диалог» при Ресурсном центре поддержки исламского и исламоведческого образования Казанского федерального университета Фарид Хасанов. Проведена серия встреч с их участием с различными категориями мусульман, теологами и сотрудниками системы Федеральной службы исполнения наказаний. На этих встречах обсуждались вопросы выявления и пресечения фактов вербовки со стороны

представителей организаций «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Джамаат Таблиг» (деятельность обеих организаций запрещена в Российской Федерации), идеологические заблуждения и опасность этих деструктивных организаций. Закир-хазрат Шарыпов провел серию встреч в учреждениях ГУФСИН с мусульманами, отбывающими наказание или ожидающими суда по «экстремистским» статьям, а также с предпринимателями, торгующими на рыночном комплексе Екатеринбурга «Таганский ряд» [2].

Особенно эмоционально насыщенным является мемориальная акция, посвященная Дню солидарности в борьбе с терроризмом в г. Екатеринбурге, в ходе которой организуется демонстрирование участниками акций портретов 334 погибших в ходе террористической акции в г. Беслане 1-3 сентября 2004 года, как дань памяти героям и жертвам тех событий.

В этот же день, 3 сентября, в 13:05 (время начала штурма школы в Беслане, захваченной террористами) представителями религиозных организаций традиционных конфессий в Свердловской области организуется поминовение жертв бесланской трагедии и героев борьбы с терроризмом в соответствии с конфессиональными особенностями и традициями (колокольным звоном или молитвой).

Также следует отметить встречи, посвященные героям борьбы с терроризмом.

Так, в 2019 году организована серия встреч с Нурбагандовым Нурбагандом Магомедовичем – отцом Героя России Магомеда Нурбагандова, героически погибшего в борьбе с террористами в Дагестане в 2016 году.

В 2021 году организована серия встреч педагогического сообщества и активистов общественных объединений с родственниками героев спецназа, а также со свидетелями и заложниками террористического акта в Беслане в 2004 году.

Их выступления были посвящены истории подвигов героев борьбы с экстремизмом и терроризмом и направлены на формирование неприятия идеологии терроризма.

Таким образом, состояние региональной социокультурной среды выступает в качестве определяющего фактора в противодействии идеологии терроризма. В целях формирования позитивной социокультурной среды, препятствующей распространению идеологии терроризма, региональные субъекты профилактики экстремизма и терроризма призваны обеспечить взаимодействие в организации и проведении комплекса антиэкстремистских и антитеррористических мероприятий культурно-просветительского и педагогического характера с участием гражданского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Азашиков Г.Х.* Социокультурная среда и специфика регионального управления: диссертация доктора философских наук: 09.00.11. Майкоп, 2004. РГБ ОД.

2. «Битва за умы и сердца молодежи»: представители национальных общин региона и иностранные студенты познакомились с опытом противодействия вовлечению в деструктивные // <https://народыурала.све.рф/новости/11766>.

3. *Дашикова С.В.* Идеология современного терроризма // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 33 (1).

4. *Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999.

5. Как жители Свердловской области оценивают межнациональные и межконфессиональные отношения в регионе // <https://народыурала.све.рф/новости/11670>.

6. О мерах по реализации национальной политики Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 23.09.2002 № 618-УГ // <https://docs.cntd.ru/document/801111807>.

7. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/.

8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

9. *Петров И.Ф.* Региональная социокультурная среда: проблемы анализа и управления // Вестник Калмыцкого университета. 2010. № 13.

10. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма / Общ. ред. Петрищев В.Е. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

11. *Старостин А.Н., Сулонов П.Е., Шиллер В.В.* Профилактика экстремистских проявлений: теоретические основания и практические модели // Дискурс-Пи. 2019. № 2 (35).

12. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

P.E. SUSLONOV

Consultant of the Department of Ethno-confessional Relations and organization of work on the prevention of extremism Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region, Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth of the Ural Federal University, Associate Professor of the Department of Theology Ural State Mining University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yekaterinburg, Russia

A.V. TRETYAKOV

Director of the Department of Internal Policy Sverdlovsk Region, Deputy Chairman of the Interdepartmental Commission on the prevention of extremism in the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia

METHODOLOGY AND PRACTICE OF FORMING A REGIONAL SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT THAT PREVENTS THE SPREAD OF THE IDEOLOGY OF TERRORISM (ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION)

The article examines the methodological foundations and practical aspects of the formation of a socio-cultural environment in the region that prevents the spread of the ideology of terrorism. The mechanism of interaction of regional subjects of prevention of extremism and terrorism is revealed. Pedagogical approaches to the formation of anti-extremist and anti-terrorist consciousness are formulated. The conclusion is made about the priority in countering the ideology of terrorism, cultural, educational and pedagogical measures are implemented through interaction with regional civil society institutions.

Key words: *regional socio-cultural environment, ideology of extremism and terrorism, extremist attitudes, extremist manifestations, anti-extremist and anti-terrorist consciousness, subjects of prevention.*

ОТМЫВАНИЕ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Распространение террористической угрозы по всему миру напрямую зависит от уровня ее финансирования и материально-технической базы. Отмывание денежных средств и финансирование терроризма часто рассматриваются как отдельные виды деятельности. Изучение конкретных форм проявления и случаев современного терроризма, а также противодействие данному феномену со стороны всех институтов мирового сообщества невозможно без понимания механизма отмывания денежных средств.

Ключевые слова: *отмывание денежных средств и финансирование терроризма, источники финансирования терроризма, противодействие финансированию терроризма, механизмы отмывания денежных средств, террористическая экономика.*

Основной целью преступных организаций при совершении противозаконных действий является извлечение прибыли. Действия таких организаций, помимо извлечения прибыли, также связаны с систематическим и масштабным использованием преступных возможностей. Следствием этого является то, что деятельность преступных организаций может улучшить их благосостояние, однако в тоже время ведет к множеству трудностей, связанных с их использованием. Полученные преступные доходы нелегко скрыть или использовать, ввиду того что внезапное использование необъяснимо богатства может вызывать подозрения со стороны надзорных органов. Уполномоченные структуры с легкостью способны устанавливать связь между наличными деньгами, ведением незаконной деятельности и виновником преступления.

Таким образом, преступным организациям необходимо: стереть связь между преступлением и полученными средствами; стереть связь между день-

гами и их новым владельцем и в-третьих; защитить прибыль от возможной конфискации.

Вышеупомянутые действия составляют основную сущность отмывания преступных доходов, которое принято разделять на 3 этапа:

1) Первый этап заключается во внедрении средств, полученных преступным путем, в банковскую и финансовую систему. Данный этап становится все более сопряжен с риском повышенного внимания к движению денежных средств со стороны правоохранительных органов, а также с учетом существующий требований к банковской деятельности о предоставлении сообщений по подозрительным операциям.

2) Второй этап состоит в том, что средства, поступившие в финансовую систему, подвергаются ряду финансовых операций, цель которых – ввести в заблуждение сотрудников надзорных органов, а также придать преступным средствам видимость их легального происхождения. Данный этап характерен использованием офшорных механизмов. Многочисленные переходы между финансовыми убежищами и банками для отмывания денежных средств сопровождаются фальшивыми счетами, ложными займами и другими способами отмывания денежных средств, которые, в конечном итоге, вводят сотрудников надзорных органов в заблуждение относительно происхождения средств.

3) Третья фаза отмывания денежных средств, полученных преступным путем, связана с установлением законного происхождения денежных средств и введением таких средств в легальную экономическую деятельность, а именно:

– через потребление предметов роскоши, поскольку целью прибыльной преступной деятельности является, прежде всего, возможность «сжечь» доходы, полученные преступным путем;

– через инвестиции в общие активы, включая акции компаний, недвижимость и т.д.;

– через инвестиции в хозяйствующие субъекты, которые могут стать механизмами для отмывания денег, такие как: казино, отели, рестораны и т.д. А также в компании, в которых платежи проводятся наличными средствами, где может произойти смешение легальных и нелегальных денежных средств.

Приведенное выше описание механизмов отмывания денежных средств представляет собой упрощенный взгляд на данный процесс. В реальности данный процесс может быть более сложным или простым в зависимости от определенных факторов, которые влияют на стратегии отмывания денежных средств преступными организациями, такие как: количество приобретенных активов, структура и уровень организации преступных групп, и, в частности, вербовка экспертов по финансовой деятельности для разработки и реализации схем по отмыванию преступных доходов.

По подсчетам Международного валютного фонда, ежегодно легализуется 2-5% от общего мирового ВВП [6]. Некоторые исследователи терроризма утверждают, что преступные организации, как правило, не занимаются отмыванием денежных средств из-за высоких затрат на ведение такой деятельности [4]. Очевидно, что только преступники, которые накапливают больше денежных средств, чем могут фактически потратить, участвуют в практике отмывания денег. Данные активы составляют лишь небольшую часть от общей суммы преступных доходов и, вероятно, составляют не более 10-30%. Именно отмывание денежных средств дает возможность извлекать выгоду от преступлений, включая коррупционную деятельность, уклонение от уплаты налогов, кражи, наркоторговлю и незаконную миграцию. Многие подобные преступления представляют прямую угрозу экономической стабильности. Коррупционные правонарушения, сокрытие денежных средств и уклонение от уплаты налогов усложняют правительственным учреждениям задачу обеспечения устойчивого экономического развития, посредством сокращения ресурсов, необходимых для реализации эффективной государственной политики, например, строительства больниц, школ и дорог. Отмывание денежных средств и финансирование терроризма подрывают верховенство право и вытесняют законную экономическую деятельность [1].

Отмывание денежных средств и финансирование терроризма часто рассматриваются как отдельные виды деятельности. Отмывание денежных средств, полученных преступным путем направлено на легализацию «грязных» денег, тогда как отмывания средств террористов направлено на сокрытие активов законного происхождения (таких как государственное финансирование или так называемые благотворительные организации). Таким образом, данное разделение по направлению их деятельности является недостаточно эффективным, поскольку целью государственной политики является обеспечение законного ведения экономической деятельности, а не решение проблемы оформления незаконных средств. В этом отношении преступные и террористические активы представляют собой одинаковые угрозы для финансовых систем и государственных учреждений, и, очевидно, что стратегии, разработанные для борьбы с подобными преступлениями, могут с таким же успехом применяться в борьбе со случаями финансирования терроризма [2].

Кроме того, «загадочные» связи часто объединяют организованную преступность и терроризм. В множестве случаев преступными и террористическими группировками формируется своего рода действенный союз, подписываемый их общими интересами: преступные организации извлекают свою выгоду из способности террористических и повстанческих организаций наносить ущерб, в то время как последние, в свою очередь, извлекают выгоду из финансирования, которое может получить для них преступная деятельность. Примером здесь может являться подозрительное сходство

между географией террористических движений и других повстанцев с географией масштабного незаконного оборота наркотиков: революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК) находятся в районах производства коки, в то время как Африканские гражданские войны происходят в местах добычи драгоценных камней и других полезных ископаемых; солдаты «Аль-Каиды» в Афганистане и повстанцы Кхун Са в Мьянме проводят свои вооруженные действия в крупнейших в мире районах производства опиума. Камбоджа, Чечня, Балканы и Шри-Ланка – одинаково перспективные области для изучения того, как идеология может стать прикрытием для организованной преступности или каким образом организованная преступность может способствовать террористическим целям [5].

На сегодняшний день ведение преступной деятельности становится наиболее важной частью террористической экономики и варьируется в зависимости от террористических организаций. Преступной деятельностью, обеспечивающей наибольшее финансирование терроризма, является нелегальный оборот наркотиков. Однако существуют другие источники, которые также обеспечивают значительное финансирование их деятельности: рэкет, иногда называемый «налогом на революцию» (ETA, FLNC, IRA), похищения с требованием выкупа (колумбийские военные группировки; группы, действующие в республиках бывшего Советского Союза), незаконный оборот драгоценных камней (красные кхмеры, повстанческие группировки в Сьерра-Леоне и Анголе), а также торговля людьми. Торговля оружием является отдельным прецедентом, поскольку является одновременно источником финансирования и предполагает использование данного ресурса, а также сочетается с другими видами незаконного оборота, в которых он является средством обмена.

Финансирование, предоставляемое государством, было основным источником террористических организаций в период «холодной войны», когда региональные конфликты часто были полем боя между двумя блоками, а каждый террорист имел возможность дестабилизировать и дезорганизовать другой блок [3]. Окончание «холодной войны» лишило террористические группировки источника финансирования, однако некоторые изолированные государства продолжают снабжать определенные террористические организации оружием, тренировочными лагерями и финансированием, однако основной части террористических групп пришлось искать иные меры поддержки.

Государственный сбор средств, хотя и является многолетней практикой, стал важным источником финансирования преступной деятельности. Поиск средств среди соотечественников, которые находятся в изгнании или являются эмигрантами по экономическим причинам считается действенной практикой: IRA (Ирландская республиканская армия) получила значительную часть финансирования от ирландской общины в Соединенных штатах,

также это было сделано Исламской Вооруженной Группировкой в Алжире, Аль-Каидой, Шри-ланкийскими повстанцами, армянскими террористами и это лишь малая часть подобных группировок. Благотворительные организации играют большую роль при таком способе финансирования, что объясняет, почему они особенно нацелены на подобные стратегии. Это также тесно связано с тем, что благотворительные организации могут смешивать законные доходы от частных лиц и частных предприятий (добровольных или нет) и государственное финансирование преступной деятельности под видом благотворительности, что снижает возможность проведения расследований таких преступлений и затрудняет выявление преступных доходов из средств, полученных законным путем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Всемирный валютный фонд. Подразделения финансовой разведки. Обзор // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/FIU/rus/FIUr.pdf>.
2. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу // <http://www.fedsfm.ru>.
3. Психология терроризма: учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016 // <https://orelregion.ru/antiterror/lib/books/3/3.pdf>.
4. *Gottselig G., Gleason P. Suppressing the Financing of Terrorism: A Handbook for Legislative Drafting* / Ed. by Washington D.C.: International Monetary Fund, Legal Department, 2003 // www.imf.org/external/pubs/nft/2003/sfth/pdf/SFTH.pdf.
5. International standards on combating money laundering and the financing of terrorism & proliferation. The FATF Recommendations. February, 2012 // http://www.fatf.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF_Recommendations.pdf.
6. <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/12/pdf/straight.pdf>.

A.YU. PAVSHUKOVA

PhD student at the Faculty of International relations and world politics St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

LAUNDERING OF CRIMINAL PROFITS AND FINANCING OF TERRORISM: THE MAIN AREAS OF ACTIVITIES OF CRIMINAL ORGANIZATIONS

The spread of the terrorist threat around the world directly depends on the level of its financial and material and technical base. Money laundering and the financing of terrorism are often seen as separate activities. The study of specific

forms of manifestation and cases of modern terrorism, as well as the counteraction of this phenomenon by all institutions of the world community is impossible without understanding the mechanism of money laundering.

Key words: *money laundering and terrorist financing, a source of terrorist financing, countering the financing of terrorism, money laundering mechanisms, terrorist economy.*

КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕЖИМ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается объективная необходимость институционализированного и структурированного управления коммуникациями в ходе осуществления власти в сложной адаптивной общественной системе. Описывается механизм властного влияния системного центра на социальную динамику с целью сохранения своей устойчивости посредством создания коммуникационного режима. Кроме того, предпринимается попытка рассмотрения политической системы как генератора такого режима за счет имеющейся у нее для этого основы и потребности в сохранении своего влияния, описываются функциональные особенности коммуникационного режима на «входе», «выходе», внутри политической системы и в социальной системе интеракций. Регулированию и контролю работы «входа» и «выхода» автором отводится отдельное место при формировании коммуникационного режима, т.к. производимые именно на них взаимодействия позволяют политической системе самосохраняться и воспроизводить политическую власть. Практическая значимость статьи в современных геополитических условиях раскрывается в необходимости использования коммуникационного режима для сохранения национального суверенитета.

Ключевые слова: коммуникационный режим, политическая власть, политический режим, политическая коммуникация, коммуникационная система.

Интенсификация коммуникаций в современном обществе формирует потребность легитимного управления этими процессами. С учетом того, что коммуникации оказывают прямое влияние на дискурсивное сознание людей, эта тема начинает рассматриваться в контексте властных отношений и, следовательно, в рамках политики, неразрывно связанной с властью. Современная политическая элита сталкивается с необходимостью упорядочивания и регулирования информационно-коммуникативных потоков, разра-

ботки *коммуникационного режима*, обеспечивающего воспроизводство ее власти. Первым проблему коммуникационных режимов в 2020 году поднял Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИ-ИРК), на базе которого была разработана методология исследования таких режимов, инициировано изучение этого социально-политического феномена в страновом разрезе [3]. Проводимые институтом исследования касаются качественных характеристик коммуникационных режимов, вопросов их институционализации, дружелюбности и управляемости страновых коммуникационных режимов, коммуникационных режимов в субъектах РФ и др. [7]. Будучи участником исследований описываемой школы, автор заинтересован в разработке методологии исследования коммуникационных режимов. В рамках данной статьи коммуникационный режим рассматривается как фактор воспроизводства политической власти в современном обществе, определяются функциональные зоны такого режима внутри и вне политической системы.

Дискурс как механизм власти в современном обществе. Современному обществу присущи свойства сложных адаптивных систем [18]. К такому выводу мы приходим, рассматривая общие системные теории Л. фон Бергаланфи [19], Д. Мидгли [17], теорию комплексных адаптивных систем Дж. Холанда и М. Гелмана, социологические теории Т. Парсонса, Э. Гидденса, Н. Лумана, М. Кафельса и др. В первую очередь, в контексте данной статьи нас интересует то, что современная общественная система складывается вокруг множественных аттракторов (термин введен Лоренцем в значении «бассейн притяжения»), которые имеют свои пределы устойчивости и расположены таким образом, какой позволяет сохранять ее динамическое равновесие. Аттракторы создают вокруг себя общую структуру, которая способна выдерживать незначительные изменения, происходящие на разных уровнях системы, а также воспроизводить сложившиеся сетевые отношения. Под аттракторами в обществе мы будем понимать центры, наделенные властью. Структура является основой динамического равновесия и устойчивости положения таких властных центров в системе. У Т. Парсонса структура представляется совокупностью норм и статусов – нормативным порядком [9], у Н. Лумана – коммуникацией и обменом знаниями [8], у Э. Гидденса – правилами и ресурсами для действий акторов, которые ее воспроизводят [14]. В контексте данной статьи используем подход Э. Гидденса и отметим, что структура есть результат и условие действия, она способствует определению действий социальных акторов. Тогда возникает вопрос, как сориентировать акторов на воспроизводство такой структуры, которая обеспечивала бы устойчивость положения властных центров. На этот счет Луман писал, что системы подкрепляются повторяющейся коммуникацией, а сами по итогу вносят смысл в социальную динамику. Следовательно, первоначальная цель властных центров в том, чтобы создать

условия, ресурсы и мотивацию для таких повторяющихся коммуникаций, по результату которых запустится цепочка предвиденных ими социальных действий акторов, способная упорядочить и отрегулировать социальную динамику должным для воспроизводства их власти образом. В этой связи М. Кастельс писал о том, что «коммуникационная власть находится в центре структуры и динамики общества» [5].

В каком-то смысле властные центры принятия решений становятся «работчиками» структуры, обеспечивающей социальный порядок, посредством создания коммуникационного режима, сущность и системное значение которого раскрыта в статье В.В. Комлевой. Коммуникационный режим задает параметры социальной динамики посредством регулирования информационно-коммуникационных потоков, ориентирующих акторов на те или иные социальные действия. Российский ученый-социолог В.В. Комлева приводит следующее определение коммуникационного режима: «общественно-политический феномен, ... управляемая система условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение) для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе» [6]. В качестве неперемennого условия появления таких режимов автор как раз-таки выделяет наличие институционализирующего (-их) и управляющего (-их) центра (-ов), которые, как мы установили, управляя коммуникациями, могут обеспечивать сохранность своей властности.

При рассмотрении осуществления власти в системе действий, мы можем опираться на определение, предлагаемое Н. Луманом, где власть представляет собой средство коммуникации, специально обуславливающее и регулирующее мотивацию принятия тех или иных селекций [8]. Она ограничивает пространство выбора, сцепляя социальные ситуации так, что воля принимающих решения нейтрализуется [8]. Власть создает ценностно-смысловой контекст, в котором будут совершаться дальнейшие коммуникации, в итоге требуя именно действия, уже известных результатов. Таким образом, можно сказать, что власть определяет исход коммуникативных действий и совершаемых на их основе социальных действий, оставляя за подчиненными лишь свободу выбора в плане того, на кого будет ориентировано их действие, и в его совершении/несовершении (см. таблицу 1). Последнее может определяться принуждением, как вторым механизмом осуществления власти (дискурс и принуждение определяются М. Кастельсом как основные источники власти [5]). Однако, при этом использование принуждения, по Н. Луману, свидетельствует о недостатке власти, а М. Кастельс отмечает его второстепенность [5]. Д. Истон при анализе систем напоминает об аксиоме политической науки, по которой правительство, опирающееся только на силу, недолговечно [4]. Потому мы можем говорить о том, что формирование «правильного» коммуникационного режима (который будет координировать коммуникативные и, как следствие, социальные взаимодействия)

представляется основополагающей задачей властных центров, использование же принуждения более ситуативно и в современных обществах менее эффективно. О необходимости институционализированного контроля коммуникаций через структуру писал еще Т. Парсонс, определяя коммуникации как часть социального процесса [10].

Суммируя вышесказанное, отметим, что коммуникационный режим:

1) закрепляет нормативный порядок относительно ценностей и смыслов, помещаемых в передаваемую информацию;

2) контролирует практические действия социальных акторов (по Гидденсу, дискурсивное сознание не имеет преграды с практическим, но все же может иметь различия в воплощении [14]) путем регулирования контактов и потоков передачи решений (их направленности, интенсивности, соотношенности с заданным смысловым контекстом и др.).

Идея «правильного» воздействия на социальную динамику через управление коммуникациями может рассматриваться в контексте политической власти. В данном случае будет поддерживаться устойчивость и властность государства и политических властных институтов, политической системы в целом как аттрактора данного общества. Однако при этом политическая власть должна «кодировать» коммуникации, опираясь на существующие в обществе моральные, нормативные и правовые связи, а также привычки, сложившиеся и новейшие практики, только в таком случае она будет функционально первична обществу [8]. Таким образом, правильно построенный коммуникационный режим может являться гарантом социально-политической стабильности.

Множественность властных центров в обществе. В начале рассуждений мы упоминали о множественности аттракторов в системе, и об эффективной необходимости такой множественности, т.к. она поддерживает динамическое равновесие. Потому вполне логично, что сегодня сложно найти коммуникационный режим, который бы контролировался и создавался одним центром [2]. В общественной системе мы наблюдаем множественность влиятельных акторов в самом сообществе, множественность властных институтов на национальной политической «арене», множественность глобальных властных акторов. В условиях участвовавших разногласий, высказываний наперебой в целях расширения своего влияния, мы убеждаемся в том, что их взаимодействие так же должно иметь коммуникативный порядок, который позволит разграничивать пределы влияния друг друга, сохранять устойчивость и обеспечивать воспроизводство своей власти (в особенности, если речь идет о политической, государственной).

Отсутствие коммуникативного порядка между властными центрами, а также согласованной и закреплённой вокруг каждого из них коммуникационным режимом структуры приводит к хаотичному «захвату» коммуникационных сетей, формированию инородных структур, переориентации отдельных акторов системы и др.

Таблица 1

Перерастание властного влияния на коммуникации в социальные процессы (заливкой отмечено влияние коммуникационной власти) (1)

	власть как средство коммуникации [8] обуславливает	коммуникативное действие [15] совершается	социальное действие [1] следует
➔			
цель	власть мотивирует, создает условия, ресурсы, ситуацию	консенсус по цели (от власти – ситуативная необходимость и условно-ресурсная обеспеченность)	сознательно мотивировано (цель)
смысл	власть создает «коды», закладывает ценностно-смысловой фундамент	согласованные притязания на значимость (выработка единого смысла)	осмысленно (смысловое единство)
⏟			
социальные действия x социальные действия x социальные действия... = социальные процессы			←
результат	модализация коммуникационных процессов	формирование «потока» решений	ориентировано на другого необходимые обратные эффекты, запуск предвиденных социальных процессов

В современном обществе глобальные властные акторы не имеют утвержденного коммуникативного порядка. Потому сегодня для сохранения государственного суверенитета важно в именно национальных границах обеспечить повторяющуюся коммуникацию. На практике это находится в фокусе властей: В.И. Гасумянов и В.В. Комлева отмечают, что зачастую сегодня именно государственные институты утверждают коммуникационные правила (как минимум, правовые нормы), контролируют коммуникационные потоки и каналы [2], формируют «защитные» коммуникационные режимы. Контроль над социальными процессами и изменениями становится возможным при созданном под данное конкретное общество (этим мы подчеркиваем важность изучения страновых и региональных особенностей коммуникации (культура, религия и др.)) коммуникационном режи-

ме. Создание стимулирующих условий и смыслового контекста на основе ценностного фундамента, контроль коммуникационных сетей в рамках такого режима позволяют сдерживать потенциалы конфликта и поддерживать стабильность, неуязвимость социальной динамики, воспроизводство установившейся политической власти.

Отметим, что в контексте глобальной политики важно обращать внимание на фактическую связь акторов с воспроизводимой таким страновым коммуникационным режимом структурой. Актор может быть лишь номинально связанным с ней, фактически же быть привязанным к качественно иной структуре или быть генератором новой. Кроме того, немаловажно обращать внимание на последствия санкционного исключения из коммуникационной сети в рамках режима, что, по мнению М. Кастельса, является фундаментальной формой осуществления власти в современном обществе [5]. С одной стороны, это изолирует актора, с другой – предоставляет возможность другому властному центру увеличить область своего притяжения и тем самым изменить динамическое равновесие, ранее установившееся в системе. Таким образом, национальным властям крайне необходимо отслеживать коммуникации, которые не попадают под воспроизводимую коммуникационным режимом структуру.

Изменение охвата влияния властных коммуникационных центров может запустить существенные (в некоторых случаях фундаментальные и даже разрушительные) социальные изменения и преобразования посредством генерации информационных посылов, новых смыслов и создания для них благоприятных коммуникативных ситуаций (н-р, революции, свержение политической власти и др.). Такая существенная динамика становится более возможной, если переориентирующийся актор являлся узлом сети, или данные изменения происходят на уровне, способном оказать воздействие на общую структуру. Данный факт особенно заслуживает внимания в контексте воспроизводства политической власти. Под новым коммуникационным руководством могут создаваться новые структуры, вытесняющие и дестабилизирующие существующую.

Таким образом, управление коммуникациями, создание коммуникационного режима – объективная необходимость современных национальных властей. Мы приходим к тому, что в современном обществе, в котором властные центры множественны и в глобальной риторике не имеют закрепленного коммуникативного порядка относительно своих пределов, появляется запрос на выверенный способ управления и контроля над коммуникациями с целью сохранения своего влияния, в политике – с целью воспроизводства политической власти.

Коммуникативная модель политической системы. Ранее мы определили, что в сложных адаптивных системах, каковой, по нашему убеждению, является общество, аттрактор имеет зону влияния, в которой под его воздей-

ствием формируется структура. Попробуем рассмотреть под аттрактором политическую систему, определяющую динамику общества. По Т. Парсонсу такая система является внешней для социетального сообщества (принятых ценностно-нормативного порядка и совокупности ролей), а его структуры дифференцируются в соответствии с требованиями, предъявляемыми внешней средой [9]. В таком случае осуществление политической власти как результата функционирования политической системы (политика в целом ориентирована на власть) выражается в ее влиянии (воздействии) на принятый нормативный порядок – по сути, структуру. В предыдущем разделе статьи мы убедились, что сегодня это возможно посредством управления коммуникациями. При этом измененный порядок будет легитимирован только в случае, если будет соотноситься с культурным «кодом» данного общества [9]. Культура определяет социетальное сообщество в большей или меньшей степени, однако именно она легитимирует нормативный порядок, потому должна учитываться при установлении (изменении) такового политической властью. Важность учета политической системой культурного базиса подчеркивал в своей теории и Д. Истон, говоря о том, что поступающие требования корнями уходят в культуру, потому важно знать их культурную природу, чтобы осуществить политическое урегулирование. Исходя из этого, коммуникационный режим, как отправная точка влияния, должен выстраиваться исходя из ценностно-нормативных ориентаций данного общества. Социокультурное кодирование (в ходе установления влияния властным центром) и декодирование (о чем, по сути, писал Истон) находятся в фокусе коммуникационного режима как социально-политического феномена.

Учет политической системой социокультурных особенностей при разработке коммуникационного режима производится благодаря таким компонентам как культурно-идеологический и нормативный. К. Дойч справедливо отмечает наличие блока памяти в политической системе [12], в который мы относим вышеупомянутые подсистемы. Именно этим блоком руководствуется властный центр при принятии решений, в том числе при формировании коммуникационного режима. Механизм обратной связи, коммуникативные взаимодействия власти с обществом и отслеживание горизонтальных коммуникаций, самокоммуникаций (о важности чего писал и К. Дойч, отмечая необходимость направления неформальных информационных потоков в официальные каналы) [12] позволяет политической системе обновлять содержимое такого блока. Таким образом, мы приходим к тому, что политическая система вполне может рассматриваться как аттрактор общественных интеракций, имеющий в запасе «блок памяти», позволяющий формировать зону влияния через «правильное» информационное наполнение и поточное регулирование коммуникаций, воспроизводя тем самым политическую власть в соответствии с имеющимися в этом блоке знаниями и опытом.

В целом мы можем отметить, приверженность ученых к заложению коммуникационной основы в политическую систему, а именно возможности представлять ее как отправителя и получателя информации. Так Д. Истон заключал политические действия в систему «входа-выхода», где на «вход» поступают требования и поддержка, а «выход» обеспечивает влияние на общество через решения и действия, принятые по результатам обработки поступившей информации. Помимо информации, по Истону, политическая система получает и энергию [4], что согласно положениям кибернетического контроля, Н. Винера обеспечивает ее властное положение над обществом ввиду того, что она выступает наиболее информированной и аккумулирующей энергию, тем самым снижающей ее (энергию) в подконтрольной среде и восполняющей ее при принятии решений, соответствующих ожиданиям общества. Исходя из этого, значимость формирования политической системы коммуникационного режима прослеживается в обеспечении контроля соотношения информации и энергии, сохранении высокой информированности системы и необходимого уровня энергии в окружающей среде – подконтрольности политической власти общественных интеракций, социальной динамики.

Г. Алмонд уделял особое внимание функциональным особенностям «входа» и «выхода», взаимодействиям, которые на них возникают, а также структурам самой политической системы (совокупности ролей – взаимодействующих единиц). «Вход» он наделял функцией политической коммуникации. В его понимании политическая коммуникация – «движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему» [11]. Согласно теории Алмонда коммуникация как функция определяет, сохранится ли система или изменится. Кроме того, ученый описывает такую возможность системы как «символическая», т.е. возможность эффективного представления решений в обществе и на международной арене. В коммуникативных терминах можно сказать, что это достигается посредством кодирования, как мы понимаем, на «выходе». Несмотря на то, что коммуникативную функцию Алмонд закрепляет за «входом», предлагаемая им трактовка политической коммуникации, как можно заметить, включает три коммуникативные зоны. По сути, околосистемная (на «входе» и на «выходе») и внутрисистемная коммуникация образует коммуникативную подсистему политической системы, а передаваемая информация дает гарантию и (или) представление о дальнейшей устойчивости политической власти. В этой связи логичным представляется феномен коммуникационного режима как гаранта удовлетворения ожиданий о сохранности политической системы, понимания и принятия управляемой системой решений управляющей.

Оба ученых делают акцент на существовании политической системы в двух средах – внутренней (социетальной) и внешней (международной), которые оказывают на нее влияния и, говоря в терминах коммуникаций,

посылают «сообщения» на вход и получают «ответы», «обратную связь» на выходе, которые регулируют уже протекающие в них (в средах) процессы. В этой связи логичным выглядит предлагаемая К. Дойчем канализация информации на «входе» через «внутренний» и «внешний рецептор» (2) и на «выходе» – через «внутренний» и «внешний эффектор». Такое раздвоение позволяет нам рассматривать особенности кодирования и декодирования информации политической системой, разделять нормы, правила и принципы для внутренних и внешних коммуникаций и, соответственно, обеспечивать устойчивость политической системы, как во внутренней, так и во внешней (международной) среде.

По итогу расположение подсистем политической системы нам представляется следующим образом (см. рисунок 2). Помимо вышеперечисленного на схеме представлен центр принятия решений (своего рода аттрактор самой политической системы), расположение которого определяется весом взаимодействующих властных институтов и акторов (суммарная доля их власти постоянна, но сама власть распределена не в равной степени [11], те, кто имеют большую долю власти в сравнении с другими, создают зону притяжения для этого центра).

В ходе вышеприведенных рассуждений мы приходим к тому, что политическая система имеет все необходимое для выступления в качестве более властного участника коммуникации и, что немаловажно, имеет базу для своего рода программирования коммуникаций. Данный факт подтверждается спецификой «входа» и «выхода», существованием блока памяти, зависимостью властности системы от степени информированности, а также взаимодействиями, сопровождаемыми коммуникационными процессами на политической «арене». В целом, коммуникационные взаимодействия, в которых компоненты политической системы выступают их участниками, направлены на поддержание сохранности и воспроизводства политической власти.

Рассмотрим общее движение информационно-коммуникационных потоков в политической системе для понимания того, что именно должно контролироваться и управляться коммуникационным режимом для обеспечения воспроизводства политической власти. На «входе» политической системы происходит декодирование информации, расшифровка требований, освобождение их от социокультурного кода для объективного рассмотрения. Здесь роль коммуникационного режима заключается в формировании критически значимых коммуникационных потоков, обращенных на вход, в обеспечении проходимости «входа» (данное понятие мы раскроем позднее), а также в обеспечении институционального подспорья для декодирования.

Далее информация попадает на политическую «арену», где перерабатывается уже в ходе коммуникативных взаимодействий властными институтами, а также группами давления, наиболее активными акторами гражданского общества. Рассмотрение коммуникаций на политической «арене»

заслуживает отдельного осмысления, т.к. в каждом конкретном обществе такие взаимодействия определяются исторически сложившимися особенностями функционирования политической системы, активностью оппозиционных и лоббистских настроений, представленностью тех или иных институтов на политической «арене» (н-р, армии или церкви как властных институтов вместо привычных нам государства, партий и т.п.), распределенностью власти и др. Соответственно все это влияет на нормы, правила, принципы и условия коммуникаций на политической арене.

После всех (политических и общественных) дискурсов информация поступает в центр принятия решений, который, как мы определили, может быть смещен в сторону того или иного института. Оттуда качественно новая информация, содержащая решение, ресурсы и мотивационно-стимулирующую составляющую для их воплощения, направляется на «выход», который осуществляет социокультурное (в дипломатических отношениях и политическое) кодирование и определяет дальнейшие коммуникативные взаимодействия в социетальной среде. Для таких будущих взаимодействий в рамках коммуникационного режима вырабатывается не только «правильный» информационно-смысловой контекст, но и нормы, правила, условия посредством институционализации представлений об идеальной коммуникации с конкретными акторами (н-р, тем или иным государством, той или иной конфессией), консоциации их с историко-культурным «кодом», сложившимися практиками [6]. Коммуникационный режим на данном этапе определяет динамику коммуникационной сети, алгоритмы переключения, возможности выставления коммуникационных блоков, закрепляет институты, узлы сети, поддерживающие провластные коммуникации, создает условия для их успешного функционирования и др.

Регулирование горизонтальных коммуникаций, самокоммуникаций, поддержка и блокирование узлов коммуникационной сети режимом в социетальной среде, акторы которой отправляют «сообщения» на «вход» и друг другу, так же, как и регламентация коммуникативных взаимодействий на «политической арене», заслуживают отдельного исследования и рассмотрения. Здесь значимую роль будут играть условия как составляющая коммуникационного режима и интериоризация в блок памяти непредвиденных практик. В данном поле коммуникационный режим будет ориентирован на формирование определенных правовых, экономических, материально-технических и других условий с целью сдерживания распространения подрывающей устойчивость политической системы информации и сетевого установления контактов с новым аттрактором.

Таким образом, «вход» и «выход» политической системы обслуживаются коммуникационным режимом в контексте норм, правил, практик работы с информацией (ее содержательной частью) и определения отправителей/получателей таковой информации (кто является (должен являться) таковы-

ми, в каком объеме им/ими предоставляется информация, по каким коммуникационным каналам). Работа «входа» и «выхода» критически важны для устойчивости политической системы как властного центра. «Правильность» их работы, обеспечиваемая коммуникационным режимом, позволит осуществлять управление социальными процессами и информационными потоками, а также сохранять такое преимущество политической системы над управляемым обществом, как информационная осведомленность, воспроизводить существующую политическую власть. Обеспечение именно «правильности» мы закрепляем за коммуникационным режимом, т.к. политический режим закладывает шаблонные характеристики взаимодействий по поводу политической власти и властных решений, коммуникационный же – уникальные относительно заполняемости шаблонных коммуникационных каналов, интенсивности и направленности их работы, характера информационно-коммуникационных потоков, их содержания и др.

Устойчивость политической системы за счет эффективной работы коммуникационного «входа» и «выхода». Коммуникационный режим как политический феномен призван обеспечить стабильность положения политической системы как субъекта властного управления обществом, а также конкретных властных акторов политической арены, принимающих решения в соответствии с запросами общества. При этом под «стабильностью» мы понимаем положительное развитие, которое поддерживает имеющуюся политическую систему и воспроизводит запросы на уже существующую политическую власть.

В своей работе Д. Истон отмечает, что «вход» политической системы имеет канал, по которому поступает «поддержка» в виде действий и такого сознания, какое поддерживает власть. Резерв такой «поддержки» определяет объем требований, которые политическая система должна выполнить (больше резерв – меньше требований) [4. С. 27-33]. При этом «выход» политической системы посылает информационно-коммуникативный импульс на генерацию такой «поддержки» в обществе. Таким образом, опираясь на эти и вышеприведенные положения, берущие начало в теории комплексных адаптивных систем, мы считаем, что работа «входа» и «выхода» политической системы за счет производимых на нем коммуникаций обеспечивает воспроизводство политической власти и позволяет системе самохраняться.

Коммуникационная сущность «входа» в том, что он декодирует информацию, поступающую из внутренней и внешней среды, сводит сложные требования к простому, «политизирует» запросы общества. Коммуникационный режим определяет то, с какими отправителями обязательно необходимо выстроить коммуникацию, в каких сферах и по поводу каких вопросов необходимо иметь широкие каналы коммуникации, специфику декодирующих институтов в соответствии с особенностями данного конкретного

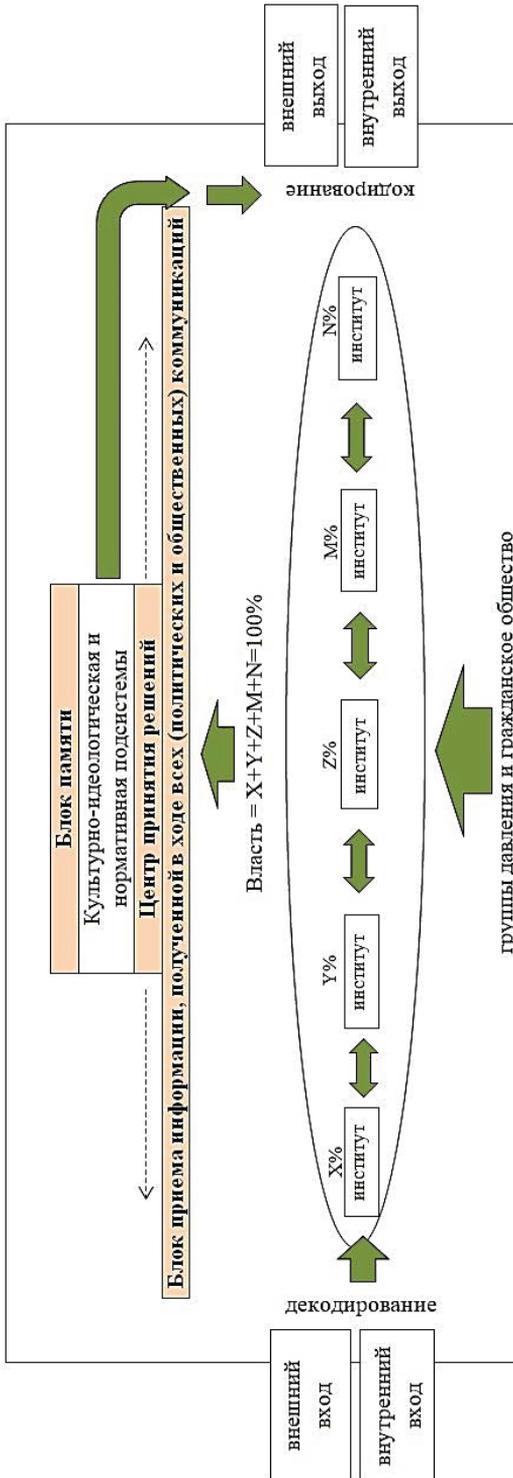

Рисунок 1. Коммуникативная модель политической системы (закрашенными стрелками обозначены информационно-коммуникативные потоки, пунктирными стрелками – потенциал перемещения центра принятия решений в зависимости от распределения власти между политическими институтами) (3)

$\frac{\text{коммуникативная активность}}{\text{проходимость входа}} = 1$	⇒ общественно-политическая стабильность, высокая информированность политической системы
$\frac{\text{коммуникативная активность}}{\text{проходимость входа}} < 1$	⇒ высокая степень контроля коммуникаций (возможны стагнационные процессы) либо появление нового аттрактора в системе и перехват/блокирование доступа ко «входу»
$\frac{\text{коммуникативная активность}}{\text{проходимость входа}} > 1$	⇒ чрезмерно высокая степень энергии, закупоренность «входа» либо информационный «голод» (возможна угроза стабильности)

Рисунок 2. Зависимость общественно-политической стабильности от проходимости «входа» политической системы (1)

общества (например, нужны центры сбора, мониторинга и анализа общественного мнения татар/жертв военных действий/буддистов и др.).

Проходимость «входа» – его ключевая процессная характеристика в рамках коммуникационного режима, в рамках которой можно рассматривать:

1) пропускную способность – объемы проходящей через него информации;

2) «ширину» входа как канала – степень охвата отдельных сегментов и всего общества в целом (кто допускается или привлекается как отправитель запросов/требований, в какой степени и в каком объеме следует аккумулировать интересы допущенных к политической коммуникации акторов).

Проходимость «входа» играют важную роль в сохранении контроля властного центра над обществом. Согласно кибернетической теории Винера системы с высоким уровнем энергии и низкой информированностью подконтрольны системам с высоким уровнем информации и низкой энергичностью, соответственно преобладание политической системы (как более информированной) над социетальной системой (как снижающей и повышающей уровень своей энергии в ходе политической коммуникации) поддерживается именно проходимостью «входа» (см. рисунок 1).

Можно отметить, что «вход» отвечает за степень информированности политической системы, а потому должен не только принимать сообщения в ходе коммуникации с отдельными сегментами, акторами, но и обеспечивать обращение максимального количества акторов в отправителей, а также

институционализированный контроль коммуникаций, которые не удается охватить механизмом обратной связи в целях блокирования деятельности нового аттрактора.

Однако важна не только доставка информации, но и ее декодирование – мониторинг, агрегирование, «политизация» интересов и потребностей (под политизацией мы понимаем перевод на политический язык), что осуществляется институтами «входа» (примером такового института служат Центры управления регионом в России). Таким образом, посредством коммуникационного режима создаются мотивационные условия для отправки информации на «вход», институционализируется «вход» в соответствии с общественно-политическим запросом и социокультурными особенностями данного общества, декодируется полученная информация, а также закрепляются нормы и правила взаимодействия с отправителями (поиска, обеспечения представленности среди них тех или иных социальных групп и др.).

Коммуникационный режим как социальный феномен обеспечивает подконтрольность протекающих в обществе коммуникационных процессов – сохранение влиятельности политической системы как аттрактора в обществе. Для исполнения таковой функции на «выходе» институты должны выкристаллизовать информацию о возможностях удовлетворения желаний и потребностей подконтрольных им групп, сетей, индивидов и, тем самым, стремясь оказать влияние, ориентировать коммуникацию на партнера [8. С. 8]. На «выходе» институты пишут «код» (кодируют информацию-решение в соответствии с ценностно-культурным кодом своих подчиненных) и делают «рассылку», ожидая от подчиненных обратную связь в виде «правильных» действий.

При написании «кода» институты должны основываться на метапрограмме подвластной группы/сети [5. С. 70], чтобы по итогу она смогла отыскать значение своих действий в полученной информации и внести корректировки в свою программу. При оказании влияния на конкретного партнера (лидера общественного мнения (по Лазарсфельду [16]) – узла сети) необходимо кодировать взаимодействия под особое восприятие данным партнером обобщенных образцов норм и ценностей, т.к. таковое последует за приемом информации [10. С. 116]. Таким образом, коммуникационная сущность «выхода» политической системы в том, чтобы закодировать информацию под получателей. Коммуникационный режим в данном случае подкрепляет «выход» коммуникативными нормами взаимодействия с теми или иными акторами, правилами работы с коммуникационной сетью в рамках данного вопроса, необходимыми институтами, структурами и практиками кодирования информации в данном обществе. Критически значимыми являются стратегии коммуникационной «рассылки» в сети, которые закрепляются коммуникационным режимом по той или иной повестке, той или иной социальной группе, тому или иному сегменту общества и др. Можно

сказать, что ключевой процессной характеристикой «выхода» в рамках коммуникационного режима является его «логистичность».

Выводы. В обществе как сложной адаптивной системе властные центры могут создавать структуру для устойчивости и закрепления своего влияния посредством воздействия на дискурсивное сознание акторов. В этой связи можно рассматривать феномен коммуникационного режима, системное значение которого в регулировании и упорядочивании коммуникаций. Управляя коммуникациями, властные центры подталкивают социальных акторов на совершение таких действий, какие обеспечат предсказуемую и безопасную для них социальную динамику, тем самым, обеспечивая воспроизводство своей власти. В контексте политики, подходящие под данное конкретное общество способы и средства, нормы, правила и принципы управления коммуникациями – коммуникационные режимы – должны находиться в фокусе внимания.

Множественность властных центров в общественной системе и отсутствие между ними эффективных коммуникаций заставляют повышать резистентность коммуникационных режимов (в особенности в национальных границах) во избежание захвата коммуникационных сетей, переориентации социальных акторов, формирования инородного нормативного порядка и др. Отслеживание не охваченных режимом коммуникаций становится приоритетом властных центров.

Политическая система может рассматриваться как властный центр общественной системы, генерирующий коммуникационный режим с целью воспроизводства своего властного влияния. Немаловажную роль играет интериоризация политической системой социокультурных норм, ценностей, опыта данного общества. Сама политическая система является более властным участником (отправителем и получателем) коммуникации, может формировать коммуникативный порядок за счет наличие у нее «блока памяти». При этом работа ее «входа» и «выхода» закрепляет ее властность согласно законам кибернетического контроля, Н. Винера. Это гарантируется выверенными нормами и правилами по взаимодействию с отправителями и получателями информации в данном обществе, а также относительно требуемого объема и содержания, кодирования и декодирования такой информации.

Формирование политической системой коммуникационного режима – потребность сегодняшних реалий, т.к. графаретная основа околосистемных и внутрисистемных коммуникаций, закладываемая политическим режимом, не охватывает коммуникации, в которых властные политически институты и акторы не являются их участниками. На сегодняшний день политическая власть все более реализуется именно в создании консенсуса, который будет ориентировать на цели и соответствующие решения, а не в принятии решений и принуждении их к исполнению. Потому разработка и реализация

коммуникационного режима, как регулятора и контролера эффективности дискурса, в дополнение к способам и средствам политического режима становится объективной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЕ:

- (1) Составлено автором.
- (2) Биологический характер терминов определяется авторской интерпретацией информационно-коммуникативных процессов.
- (3) Составлено автором на основе модели К. Дойча.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Communication Regimes as a New Scientific Category (Коммуникационные режимы как новая научная категория) // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3.
3. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. 2020. № 10.
4. Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 5.
5. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич, под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
6. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог – Russia&World: Sc. dialogue. 2021. № 1.
7. Комлева В.В. Коммуникационные режимы стран «догоняющих революций»: народ как бенефициар // Международная жизнь. 2021. № 3.
8. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проспект, 2002.
10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2
11. Almond G. Comparative Politics Today. A World View. NY.: Longman, 2010.
12. Deutsch K.W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York: The Free Press of Glencoe (Macmillan), 1963.
14. Giddens A. Elements of the Theory of Structuration. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
15. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd. 1.

16. Katz E., Lazarsfeld P.F. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communication. Transaction Publishers, 1966.

17. Midgley G., Ed. Systemic intervention: philosophy, methodology and practice. New York, Kluwer Academic Publishers, 2000.

18. Van der Brugge R. A complexity informed heuristic for transition dynamics in society. Complexity, Science and Society, Liverpool, 2005.

19. Von Bertalanffy L. General Systems Theory: Foundations, Development, Applications. 1st ed. N.Y.: George Braziller, Inc., 1968.

YU.R. SHEVELYOVA

*Trainee of National Research Institute for
Communication Development,
Moscow, Russia*

COMMUNICATION REGIME AS A FACTOR OF REPRODUCTION OF POLITICAL POWER

The article examines the objective necessity of institutionalized and structured communication management in the course of exercising power in a complex adaptive social system. The author describes the mechanism of the influence of the system center on social dynamics in order to maintain its stability through the creation of a communication regime. In addition, the author tries to consider the political system as a generator of such a regime due to the basis it has for this and the need to preserve its influence, describes the functional features of the communication regime at the “entrance”, “exit”, within the political system and in the societal system of interactions. The author assigns a special place to the regulation and control of the “entrance” and “exit” operation during the formation of the communication regime, because the interactions made on them allow the political system to preserve itself and reproduce political power. The practical significance of the article in modern geopolitical conditions is revealed in the need to use the communication regime to preserve state sovereignty.

Key words: *communication regime, political power, political regime, political communication, communication system.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.011

УДК 32

Т. МАМАТКОБИЛОВ

*кандидат политических наук, доцент
Академии Минстерства Обороны Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан, г. Ташкент*

М.К. НОРМУРАТОВА

*кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных наук Академии
Министерства Обороны Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан, г. Ташкент*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Данная статья посвящена социальной политике государства как инструменту реализации стратегии социально-экономического развития. Эффективность деятельности органов государственной власти зависит от достижения стратегических целей и задач, реализации приоритетных направлений развития и решения социальных и экономических проблем в стране. В статье рассматриваются проводимые реформы в новой социально-экономической политике Узбекистана – как один из важных и ключевых аспектов углубления рыночных реформ и развития страны.

Ключевые слова: *«Новый Узбекистан», социальная политика, стратегия, органы власти, государственная политика, экономические факторы.*

Осуществление сильной социальной политики является важнейшим принципом национальной модели рыночных реформ в Узбекистане. Основой ее успешного развития стало то, что по инициативе первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова с первых лет независимости поэтапно и последовательно осуществляются масштабные преобразования во всех сферах, направленные на обеспечение политических, экономических и социальных прав и интересов граждан страны, повышение уровня и качества их жизни.

Социальная политика государства в Узбекистане на всех этапах рыночных реформ включает в себя достаточно широкий круг вопросов, в числе которых: регулирование доходов населения, обеспечение занятости и формирование новых трудовых отношений, социальная защита и поддержка отдельных категорий и групп населения, развитие здравоохранения и образования, физической культуры и спорта.

К механизмам обеспечения социальной защиты в Республике Узбекистан относятся всесторонне обоснованная система правовых норм, правоохранительные органы, государственные и муниципальные органы, призванные оказывать материальную и организационную помощь нуждающимся, финансирование системы пенсионного обеспечения, поддержка студентов, многодетных и малоимущих семей через бюджетный механизм и гарантии государства [3].

Сегодня процесс вхождения Узбекистана в рыночные отношения играет решающую роль в сфере общественных отношений. В то же время неизбежно проникновение новых идей и мировоззрений в сознание и психику человека, собственности, занятости, труда, системы распределения.

Государственная политика в сфере социальной защиты, как инструмент реализации стратегии социально-экономического развития Государства в рыночной экономике, не может ограничиться только функцией ее регулирования.

По мнению Рабаданова А.А. «оно должно создавать условия для развития той, весьма значительной, части экономики, которая не функционирует по законам рынка. Речь идет, прежде всего, о социальной сфере – о развитии науки, культуры, образования, демографических процессов, обеспечении эффективной занятости, охране здоровья, окружающей среды, поддержке материнства и детства, поддержке стариков и т.п.» [2. С. 395].

Человек проявляет себя все больше и больше, испытывая себя в процессе преодоления личных проблем и препятствий в развитии общества. Вместе с существующими социальными группами общества сегодня более отчетливо видны социальные структуры, которые изменяют все традиционные отношения личности, то есть агентства и комитеты.

Такие изменения в сфере потребностей, охраняемых государством, являются результатом этих меняющихся отношений. Однако в таком процессе у человека не должно формироваться чувство зависимости, представление о милосердии общества. Если этим процессом пренебречь, возрастает риск появления расслоенного, неподготовленного слоя среди людей. Они нарушают закон и находят способ заработать на жизнь, несмотря ни на что.

Сообщается, что людей, склонных к легкомыслию, можно найти даже в развитых странах. Это реальность, в которой характер и духовный образ людей соотносятся со степенью совершенства. Труд – основа нравственной чистоты, духовной гражданской зрелости, материального и финансового благополучия. Благодаря упорному труду и его результатам проявляются как великое имя человека, так и его ценность и честь.

Качественно новый этап самостоятельности человека, его неизбежный духовный подъем проявляется в человеческом труде. Жизнеспособность этих процессов в Республике Узбекистан обусловлена следующими факторами:

– государственная гарантия и поддержка экономической независимости, занятости и трудовой деятельности;

- право и законность права каждого на восстановление собственности и экономики, труда, источников существования в соответствии с законом;
- создание правовых норм и национальных систем, смягчающих негативные последствия рыночных отношений в сферах производства, труда и занятости, предотвращающих склонность к зависимости;
- формирование систем государственной и общественной интересов и потребностей человека в повышении своего профессионального мастерства, социальной и производственной динамики;
- установление правового статуса домашнего общего образования при ведении самостоятельной хозяйственной деятельности, экономических предпочтений в качестве отправной точки;
- развитие сети государственных общественных объединений, союзов, фондов, акций, целенаправленная защита интересов хозяйственного производства человека, трудовых прав в их программных документах;
- необходимость углубления обобществления труда, распределения рабочих мест, обеспечения ускорения трудовых ресурсов.

Ключевым фактором в решении этих задач является поэтапный подход к разрешению конфликтов, проблем и разногласий в духовно-нравственной среде на основе коренного изменения системы экономических и трудовых отношений. Таким образом, социально-ориентированные рыночные отношения в Узбекистане направлены на предотвращение возникновения идеологических кризисов и политических кризисов, а также служат для создания благоприятной и легкой духовной среды для принятия и усвоения людьми новых ценностей [1].

Согласование принципа социальной защиты со временем – важный процесс, связанный с повышением эффективности производства и снижением затрат на рабочую силу действующих предприятий и организаций в стране в условиях углубления рыночных отношений.

В нашей стране существует собственная нормативно-правовая база по оплате труда. Это напрямую связано с введением единого тарифного порядка оплаты труда, утверждаемого Кабинетом Министров Республики Узбекистан. Второй способ оплаты труда определяется непосредственно на частных предприятиях, собственниках, ассоциациях, акционерных обществах и других предприятиях в зависимости от экономического потенциала тех же предприятий, финансовых факторов и выгод, которые они получают от производства. Однако, даже в этом случае закон гарантирует, что размер заработной платы не будет меньше установленного государством минимального размера оплаты труда. Суть этого в том, чтобы призвать к более глубокому пониманию человеческого потенциала и внутреннего потенциала человека в жизни.

Одним из важных и ключевых аспектов углубления рыночных реформ и социально-экономического развития страны является создание правовой

базы, обеспечивающей социальную защиту всех нуждающихся, создание комплексной системы социальных услуг, развитие рынка труда и уровня жизни.

Некоторые из льготных решений, принятых нашим правительством по социальной защите ранее, меняются. Потому что, по мере того, как рыночные механизмы все глубже и глубже проникают в жизнь, общество чувствует необходимость реализовать новое решение. Оно видит своей целью усиление прямого участия людей в общественной жизни.

Поэтому, государство годами не поддерживает всю материальную базу социальной защиты. В конце концов, на государственный бюджет также возложены задачи, которые должны быть выполнены для страны, кроме социальной защиты. Поэтому, некоторые виды льгот также меняются при индексации определенных доходов населения.

Таким образом, в рыночных условиях государство предоставляет возможность совмещать средства и методы социальной защиты с деятельностью неправительственного сектора и инициативной группы.

В зависимости от своего статуса государство, конечно же, контролирует и направляет социальную политику в рамках текущей стратегии реформ. Этим объясняется естественность поступающих инвестиций и международных займов не только в производство, но и в защиту социально незащищенных слоев населения. В глобальном масштабе семьи, нуждающиеся в социальной защите, в основном делятся на три категории:

- 1) нуждающиеся;
- 2) бедные;
- 3) беспомощные.

Тот факт, что в рамках новой политики Узбекистана было создано новое Министерство по борьбе с бедностью, показывает, что работа в этом направлении ведется постепенно [4].

Таким образом, по мере углубления рыночных реформ в условиях либерализации экономики республики, начал осуществляться переход от системы социальной защиты, основанной на перераспределении Национального дохода, к новой системе, основанной на экономической активности человека через инвестирование в развитие этой активности, укрепление принципов солидарности и ответственности граждан, регионов и государства за рост своего благосостояния. При этом не снижается роль государства, особенно в сфере ресурсного обеспечения мероприятий по социальной защите населения.

В настоящее время можно говорить о том, что в Узбекистане сложились необходимые экономические и социальные условия для перехода от системы социальной защиты к созданию надежных и социальных гарантий для всех граждан и обеспечения адресной социальной поддержки нуждающихся в ней групп населения. В этом отношении, как показывает мировой опыт,

наиболее эффективные системы социальной защиты граждан включают в себя налоговые перераспределения, государственные адресные выплаты и пособия, обязательное обеспечение и социальную помощь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Мирзиеев Ш.М.* «Танкидий таҳлил, қатъий тартиб-интизом ва шахсий жавобгарлик – ҳар бир раҳбар фаолиятининг кундалик қоидаси бўлиши керак». Т.: Ўзбекистон. 2017.
2. *Рабданова А.А.* Социальная политика государства как инструмент реализации стратегии социально-экономического развития // Вопросы структуризации экономики. 2010. № 2.
3. Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. Т.: Ўзбекистон, 2016.
4. *Черемисина С.Г., Срибный В.И.* Совершенствование инструментария оценки эффективности социально-экономической политики государства // Сервис в России и за рубежом. 2019. № 2 (84).

T. MAMATKOBILOV

Candidate of Political Science, Associate Professor, Academy of the Ministry of Defense of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

M.K. NORMURATOVA

PhD in Philosophy, Associate Professor Department of Humanities of the Academy Ministry of Defense of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

STRATEGIC IMPORTANCE OF THE SOCIAL POLICY OF THE STATE

This article is devoted to the social policy of the state as a tool for implementing the strategy of socio-economic development. The effectiveness of the activities of public authorities depends on the achievement of strategic goals and objectives, the implementation of development priorities and the solution of social and economic problems in the country. The ongoing reforms in the new socio-economic policy of Uzbekistan are considered as one of the most important and key aspects of deepening market reform and socio-economic development of the country.

Key words: “New Uzbekistan”, social policy, strategy, authorities, state policy, economic factors.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ

В статье разбирается вопрос с определением понятия «государственная информационная политика», а также рассматривается роль и значение государственной информационной политики как части процесса управления развитием общества, как источник информации, как средство регулирования коммуникации и обмена информацией. Особое внимание уделяется важности двухсторонней коммуникации при осуществлении государственной информационной политики.

Ключевые слова: коммуникация, информация, государство, миграция.

Современное общество немислимо без коммуникации, информации, и, как следствие, политики по управлению этими сферами. Резко возросшее значение коммуникации и обмена информацией придает все большее значение управлению этими процессами [10; 11]. В особенности это становится важным для государства и достижения целей государственной политики.

Миграционная политика относится к весьма важным сферам государственной политики, поскольку в миграционные процессы вовлечены миллионы граждан России и граждан иностранных государств, миграция ощутимо влияет на социально-экономическое развитие целого ряда регионов России; трудовая миграция, в которую вовлечены граждане стран Центральной Азии, стала важным фактором развития российской экономики и дает порядка 10% ВВП России.

В миграционной сфере коммуникации и обмен информацией играет важную роль. В силу многочисленности мигрантов даже простое доведение до них какой-либо информации превращается в нетривиальную задачу, связанную с публичными и массовыми коммуникациями. На миграционные процессы оказывает серьезное влияние и коммуникации в среде мигрантов, а также среди населения стран, отпускающих трудовых мигрантов, связанного с трудовыми мигрантами [3. С. 1427-1433]. Эти обстоятельства ставят

вопрос о необходимости управления этими коммуникационными процессами в целях достижения целей государственной миграционной политики. Действующая версия Концепции государственной миграционной политики ставит задачу добиться адаптации и определенной интеграции трудовых мигрантов, прибывающих в Россию с целью трудовой деятельности, к российскому обществу.

Однако, в настоящее время в миграционной сфере государственная информационная политика практически отсутствует, даже в самой минимальной ее форме – предоставления въезжающим в Россию с целью трудоустройства иностранным гражданам актуальной и полноценной информации. Анализ страниц официального сайта МВД РФ показывает, что там отсутствует информация, необходимая для трудовых мигрантов; информационные материалы МВД РФ ориентированы на тех, кто прибывает в Россию по программе добровольного переселения соотечественников, а также на тех иностранных граждан, которые прибывают в Россию на постоянное место жительства.

Кроме предоставления информации отсутствуют также более сложные и развитые формы коммуникации с трудовыми мигрантами, в том числе формы коммуникации государства с трудовыми мигрантами. Отсутствие этой коммуникации порождает многие социально-экономические проблемы и конфликты, такие как обособленность трудовых мигрантов от общества, ксенофобию и враждебность по отношению к трудовым мигрантам, конфликты внутри сообщества трудовых мигрантов в России, и другие. Большинство этих проблем можно было бы снять эффективной государственной информационной политикой, либо, по крайней мере, снизить их напряженность. Это важная проблема, которая касается многих стран, принимающих мигрантов. К примеру, в Евросоюзе проблема нарастания враждебных отношений между мигрантами и местным населением так и не была решена [2].

Это обстоятельство ставит необходимость теоретической разработки вопроса о государственной информационной политике в сфере миграции, большое прикладное значение которой очевидно [12. С. 15-33].

Государственной информационной политике посвящено много теоретических работ, среди которых можно назвать работы В.Д. Попова [7; 8; 9], С.В. Коновченко и А.Г. Киселева [4], А.В. Манойло [5], А.В. Шевченко [14] и другие. Тем не менее, это понятие было исследовано очень поверхностно, и в 2018 году было установлено, что предшествующие работы, затрагивающие информационную политику, не дали этому явлению достаточно полной характеристики [1. С. 59].

К тому же, в течение десятилетий среди исследователей господствовало представление о том, что государственная информационная политика сводится к сбору, хранению и обработке информации, понимание государственной информационной политики «...как системы целенаправленных

мероприятий административно-управленческого характера по сбору, получению, анализу, хранению, распространению и использованию информации, направленных на реализацию интересов общества и государства» [13. С. 29]. Подобные взгляды встречаются среди исследователей и теперь, а также находят отражения в государственных программах и концепциях.

Между тем, государственная информационная политика простирается намного дальше, чем просто сбор информации. Один из исследователей государственной информационной политики Ю. Нисневич сделал интересное наблюдение, что «государственная власть – один из самых мощных источников социально и экономически значимой для развития общества, и государства информации» [6. С. 51]. Этот источник информации отличается следующими чертами. Во-первых, богатство и разнообразие информации. Во-вторых, верификация информации (определение достоверности). В-третьих, определение полезности информации (государство часто запрещает распространение информации, которую считает вредной, например, разжигающей межнациональную рознь). Уже в этом видна мощная управляющая роль государства, осуществляемая посредством регулирования процесса коммуникации и обмена информацией.

Существуют удачные определения государственной политики как общего понятия. К примеру, государственная политика – целенаправленное управление процессами общественного развития [13. С. 13]. Такое определение очень точно выражает воздействие государства на общество в рамках государственной информационной политики.

Необходимо уточнить определения применяемых терминов. В отношении политики принимается следующее определение: *политика есть управление посредством власти, осуществляемое особой организацией, именуемой государством*. Применительно к конкретной сфере, можно выделить объект, на который направлено управление, осуществляемое государством. В силу того, что государство обладает определенной территорией, то нужно сказать, что управление властью распространяется на эту территорию и на все население, на ней находящееся, постоянно или временно. Также управление отчасти распространяется на людей, которые намереваются прибыть и прибывают на эту территорию с теми или иными целями, как, например, трудовые мигранты прибывают с целью занятия трудовой деятельностью. Соответственно: государство – субъект власти, а население (в том числе трудовые мигранты) – объект власти, на который направлено воздействие.

В силу того, что коммуникация является неразрывной и необходимой частью управления, мы вправе вывести такое определение: *информационная политика есть часть процесса управления, представляющая собой совокупность целенаправленных актов коммуникации между субъектом и объектами власти*.

Информационная политика выражает волю субъекта власти в какой-либо сфере, осуществляет процесс управления посредством коммуникативных актов, а также добивается целей субъекта власти без применения силы или принуждения. Таким образом, можно уточнить, что: *государственная информационная политика – это такая информационная политика, в которой субъектом власти является государство.*

В рамках такого понимания государственной информационной политики как целенаправленных актов коммуникации между государством, как субъектом власти, и обществом, в том числе сообществом трудовых мигрантов, как объектом власти, меняется сам подход к этому явлению. Коммуникация – есть процесс двухсторонний, предусматривающий передачу и прием информации. Отсутствие в этом процессе передающего или принимающего участника делает акт коммуникации невозможным. Следовательно, двухсторонний характер коммуникации ведет к тому, что государственная информационная политика приобретает характер диалога между субъектом и объектом власти. Для того, чтобы убедиться в том, что информация объектом принята и понята, необходимо получить ответ и отклик на переданную информацию, а это является простейшим диалогом.

Обязательное получение ответа и отклика (в форме оценочных суждений, вопросов, предложений и т.д.), с их анализом, является важной частью государственной информационной политики, причем важным настолько, что именно анализ ответа со стороны субъекта власти определяет оценку эффективности информационного воздействия.

В прежних трактовках государственной информационной политики этого момента не было совсем; диалогичность и необходимость анализа ответа в акте коммуникации не были сформулированы даже в самом общем виде. Это и вело к тому, что государственная информационная политика в сфере миграции, в тех формах, в которой ее пытались осуществлять, была совершенно неэффективной и воздействия на миграционные процессы фактически не оказывала.

В прикладном смысле, в государственной миграционной политике, в ее информационном аспекте, отсутствует орган, который обеспечивал бы коммуникации в сфере миграции, в особенности в столь специфическом ее секторе, как трудовая иммиграция из стран Центральной Азии. Во-первых, этот орган должен обладать средствами коммуникации, которые используют трудовые мигранты, а также должен обладать возможностью использовать в процессе коммуникации языки стран этого региона, в данном случае: узбекский, таджикский и кыргызский языки. Во-вторых, он должен вести сам процесс коммуникации, не только путем передачи информации, но и путем получения ответа, отзывов и откликов в различных формах (обращения, заявления, жалобы и т.д.), а также обмена информацией при необходимости. В-третьих, этот орган должен обладать способностью анализировать процесс

и результат коммуникационных актов с целью определения эффективности коммуникаций в рамках достижения поставленных государством целей.

Создание такого органа есть важнейший шаг в значительном улучшении государственной информационной политики, поскольку отсутствие такого органа, в сущности, инфраструктуры для коммуникации и обмена информацией, делает бессмысленным обсуждение других вопросов государственной информационной политики, в частности вопросы содержания этой информационной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Байрамов В.Д., Мрочко Л.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А.* Информационная политика в современном обществе. М.: МГГЭУ, 2018.
2. *Волох В.А., Сулейманова Ш.С.* Иммиграционная политика ЕС: возможности применения в России. Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве. М.: МГУ, 2018.
3. *Волох В.А., Сулейманова Ш.С.* Роль и значение медиаполитики в управлении миграционными процессами // *Политика и общество*. 2015. № 10.
4. *Коновченко С.В., Киселев А.Г.* Информационная политика в России. М.: Издательство РАГС, 2004.
5. *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003.
6. *Нисневич Ю.* Информационная политика России: проблемы и перспективы. М., 1998.
7. *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. М., 2001.
8. *Попов В.Д.* Информационная политика: Учебник. М., 2003.
9. *Попов В.Д.* Тайны информационной политики: социокоммуникативный психоанализ информационных процессов. Монография. М., 2006.
10. *Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л.* Информация в XXI веке: роль и влияние (монография) // Международный издательский центр «Этносоциум». М., 2018.
11. *Сулейманова Ш.С.* Медиаполитика в современном российском обществе. Краткий курс лекций. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013.
12. *Сулейманова Ш.С.* Эффективность информационного обеспечения государственной политики: проблемы и перспективы // *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 1.
13. *Федякин А.В.* Формирование позитивного образа государства как задача информационной политик России: история и современные реалии. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006.
14. *Шевченко А.В.* Информационная устойчивость политической системы. М., 2004.

A.K. EGEMBERDYEV

*Postgraduate student of the Russian
Academy national economy and public service
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

A STATE INFORMATION POLICY IN MIGRATION AS A PART OF GOVERNANCE OF SOCIETY'S DEVELOPMENT

This article is devoted to a question of definition of term “state information policy”, and a role and significance of the state information policy as a part of governance of society's development, an information source, a mean of regulation of communication and information exchange. An importance of dual communication with use of state information policy is in the center point of view.

Key words: *communication, information, state, migration.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.013

УДК 32.327

А.Н. МИХАЙЛЕНКО

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной
безопасности и внешнеполитической
деятельности России факультета
национальной безопасности Института
права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ, Россия, г. Москва*

П.Ю. РОВЧАК

*аспирант кафедры международной
безопасности и внешнеполитической
деятельности России факультета
национальной безопасности института
права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ, Россия, г. Москва*

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

В условиях становления нового мирового порядка, России необходимо интенсивное развитие отношений с африканскими странами. Его теоретическим обоснованием может выступить система, состоящая из колониальных теорий, теорий модернизации, панафриканизма и мирового порядка. В концептуальном плане наиболее соответствующей интересам России в Африке представляется концепция устойчивого развития. На основе этих теорий и концепций крупные международные организации и ведущие страны мира проводят в отношении Африки активную политику, в которой выявляются ее сильные и слабые стороны. Россия достигла в отношениях со странами Африки определенных успехов. Вместе с тем, в этом направлении имеются и некоторые проблемы. Перспективы развития российско-африканских отношений зависят от эффективности их выстраивания в соответствии с целями устойчивого развития (далее – ЦУР). России следует развивать сотрудничество в соответствии со всеми семнадцатью ЦУР, при этом особый акцент сделать на цель устойчиво-

го развития № 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». Наиболее важными направлениями российско-африканского сотрудничества по этой цели могут быть миротворчество, военно-техническое сотрудничество и использование в обеспечении безопасности африканских стран российских частных охранных компаний.

Ключевые слова: деколонизация, постколониальность, неоколониальность, модернизация, панафриканизм, новый мировой порядок, концепция устойчивого развития, ЦУР, миротворчество, военно-техническое сотрудничество, частные охранные компании.

Введение. Африканский континент по ряду показателей является одним из лидеров современного мирового развития. Африканские страны занимали в 2018 году 6-ое место в десятке самых динамичных экономик мира [28]. Континент необычайно богат полезными ископаемыми. Население Африки растет гораздо быстрее, чем в среднем по миру. В условиях формирования нового мирового порядка слово 54 стран Африки приобретает все более весомое значение в Организации Объединенных Наций и других международных форумах. В то же время африканские страны испытывают множество проблем. Характерными чертами африканской жизни являются сепаратизм, терроризм, пиратство. На континенте свирепствуют различные эпидемии. Законодательно урегулирована только 1/4 государственных границ между государствами континента. И все это происходит на фоне обострения международной обстановки в связи со становлением нового мирового порядка.

У России имеются хорошие основы для развития отношений с африканскими странами. В историческом плане во многих странах континента сохранилась память о сотрудничестве во времена СССР. В них проживает значительное число специалистов, которые учились в Советском союзе. Для африканских стран важно, что Россия никогда не была колонизатором. Россия в своих отношениях с африканскими странами не педалирует тему демократии и прав человека, стремится учитывать своеобразие африканских стран, их идентичность. У России есть некоторые конкурентные преимущества, например, ядерная энергетика, управление природными ресурсами и сельское хозяйство, которые могут представлять значительный интерес для африканских стран.

Однако таких наличных преимуществ России мало для того, чтобы занять достойное место в реализации современных приоритетных интересов стран Африки. Международные организации и ведущие страны мира резко активизировали свои африканские политики. Разрабатываются и обновляются их стратегии на африканском направлении. Проблемная ситуация состоит в том, что возрастающие потребности России в связях с африканскими странами не соответствуют текущему уровню отношений с ними.

Необходимо определить имеющиеся резервы в этой сфере и внести соответствующие изменения в российскую внешнюю политику. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить наиболее перспективные направления сотрудничества России с африканскими странами.

Теоретические основы российско-африканского сотрудничества.

Как и любое направление деятельности, развитие отношений России со странами Африки требует теоретического обоснования. Теоретической базой этого направления внешней политики нашей страны может быть группа теорий. Первая из составных частей – это связанные с колониализмом *теории постколониализации, деколонизации и неоколониализма*. Россия не имела колоний на африканском континенте, в настоящее время ее не обвиняют в колониализме [25]. Теория деколонизации очень популярна в Африке [14]. Одновременно большое внимание уделяется и теории неоколониализма. С позиций этой теории объясняются действия многих стран в их стремлении привязать к себе африканские государства современными средствами и методами. Эта группа теорий дает представление не только о прошлом, но и о будущем, а именно какими должны быть отношения Африки с ведущими странами мира.

Другая возможная составляющая предлагаемой теоретической системы – *теория модернизации* [18], которая также очень популярна, особенно в политике Запада на африканском континенте. Модернизация является попыткой интегрировать экономики развивающихся стран, в том числе и стран Африки, в глобальную систему. Модернизация как осовременивание представляет для африканских стран определенный интерес. В то же время модернизация довольно часто предстает в виде вестернизации или американизации [3]. Наглядным примером в этом смысле может выступать т.н. Вашингтонский консенсус. Под ним понимается тип экономической политики, который Международный валютный фонд и Всемирной банк рекомендуют развивающимся странам, испытывающим потребность в финансовых ресурсах. Консенсус включает в себя десять правил, направленных на усиление рыночных механизмов в экономике и снижение роли государства в управлении. Однако такие рекомендации не подходят большинству африканских стран.

Еще одна составляющая предлагаемой теоретической системы отношений с африканскими странами – это *теория панафриканизма* [16]. Панафриканизм представляет собой попытку создать чувство братства и сотрудничества между африканцами. Панафриканизм – это вера в то, что африканцы имеют общие интересы и должны объединяться. Есть много разновидностей панафриканизма. В самом узком понимании панафриканисты видят единую африканскую нацию, в которой могут жить все люди африканской диаспоры. В более общем плане панафриканизм – это мнение о том, что у людей африканского происхождения много общего, общая идентичность.

Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку несет в себе существенный политический аспект, связанный с единством африканских стран.

Наконец, еще одной составляющей рассматриваемой теоретической системы являются *теории мирового порядка*. А.Д. Богатуров предлагает под мировым порядком понимать совокупность ряда элементов, среди которых система межгосударственных отношений, регулируемых принципами внешнеполитического поведения, набор согласованных на их основе конкретных установлений и некоторые другие [1]. С. Картунов считает актуальными ряд внешнеполитических действий, которые России следовало бы предпринять с учетом становления нового мирового порядка [5]. В условиях формирования нового мирового устройства наиболее характерными его чертами являются неопределенность, неустойчивость и нестабильность [7]. В этих условиях в интересах России поддерживать отношения не с некоторыми, а со всеми странами Африки.

При рассмотрении теоретической системы российско-африканских отношений следует иметь в виду, что между теорией и практикой почти всегда имеется определенный разрыв, который нужно сокращать. Например, согласно теории panaфриканизма наиболее выгодными для стран Африки являются согласованные позиции по основным глобальным и региональным проблемам развития. Однако на практике такое согласование дается очень нелегко. Это положение можно проиллюстрировать примером с реформированием Совета Безопасности ООН. На дополнительные места постоянных членов СБ претендуют несколько африканских стран. А.Б.В. Фредди в своей диссертации доказывает, что предоставление места постоянного члена ЮАР может привести к усилению и без того существующих разногласий с Нигерией и Египтом [15]. Такая борьба между крупнейшими странами континента, очевидно, не будет способствовать развитию panaфриканизма.

Концепции российско-африканских связей. Прочная теоретическая основа развития российско-африканских связей позволяет предложить концептуальный каркас этих отношений. Перспективы развития отношений России со странами Африки зависят от обоснованной концепции, под которой можно понимать «систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации» [4]. Существуют различные концептуальные подходы к развитию российско-африканских связей. *Утилитарная концепция* исходит из богатства Африки природными ресурсами, в которых многие страны мира испытывают потребность. Эту концепцию еще иногда называют *дефицитарной*, то есть при ней руководствуются нехваткой тех или иных ресурсов, которые можно почерпнуть в Африке. И это отчасти оправдано, ведь на континенте сосредоточено около 30% мировых запасов полезных ископаемых. России эта концепция подходит не в полной мере, ведь она сама богата различными природными ископаемыми.

Геополитическая концепция состоит в том, что Африка находится в выгодном географическом положении. На континенте расположено 54 государства, то есть больше четверти стран мира. Кроме того, население Африки растет самыми быстрыми темпами в мире. Одним из вариантов будущего мироустройства может быть многосторонний мир. Он будет более демократичным, и для этого нужно будет добиваться повышения эффективности многосторонней дипломатии, прежде всего в рамках ООН. Здесь важен будет каждый голос государств мира, а таких голосов на африканском континенте больше полусотни. Существенным геополитическим фактором является и географическое положение Африки, например, важность Суэцкого канала для мировой экономики, о чем еще раз засвидетельствовала авария контейнеровоза «Ever Given» в конце марта 2021 года. Геополитическая концепция также представляет только частичный концептуальный интерес для России, которая сама богата различными полезными ископаемыми. Например, Суэцкий канал может рассматриваться как конкурент активно продвигаемому Россией в настоящее время проекту развития Северного морского пути.

В продолжение анализа концептуальных основ российской политики на африканском направлении можно рассмотреть *концепции бедности, кризисности, африканского возрождения* и ряд других. На наш взгляд, эти и другие концепции не в полной мере учитывают сущность современной эпохи, хотя частично все их можно использовать во внешней политике России на африканском направлении. В настоящее время мир находится в стадии становления нового мирового порядка и роста связанной с этим неопределенности [8]. Поэтому Россия заинтересована в развитии отношений не с какими-то отдельными странами или группой африканских стран, а со всеми 54 странами континента. В связи с этим наиболее соответствующей интересам России в Африке авторам представляется *концепция устойчивого развития*. На ее основе в рамках ООН в 2015 году были приняты Цели в области устойчивого развития [31]. Они включают в себя 17 разнообразных целей развития, которые позволяют России находить различные аспекты отношений со странами Африки и касаются обеспечения безопасности, развития экономики, образования, здравоохранения и других сфер. Одновременно все эти сферы находятся под одной «шапкой» концепции устойчивого развития, что позволяет избежать фрагментарности и добиться целостности в африканской политике России.

Африканская политика ведущих стран мира. Крупные международные организации и ведущие страны мира проводят в отношении Африки активную политику, в которой проявляются их сильные и слабые стороны. В последнее время резко активизировал свое присутствие в Африке *Всемирный банк (ВБ)* [21]. Международная финансовая организация оказывает африканским странам существенную помощь в условиях пандемии коро-

навируса. Из 74 беднейших стран мира, которым ВБ оказывает помощь, 39 расположены на африканском континенте. В последние 20 лет четко обозначился структурный сдвиг в партнерстве ВБ с Африкой: доля африканских стран в его годовой кредитной программе выросла с 15% до 45%. За последние 5 лет ВБ выделил Африке 106 млрд долл., а его персонал в африканских странах увеличился более чем на 40%.

Вместе с тем, следует отметить, что многие африканские страны предпочитают кредитоваться не во Всемирном банке, а в *Китае*. Пекин проводит в Африке весьма активную политику. Ускоренный рост торговли и инвестиций Китая со странами Африки за последние 20 лет вывел Пекин на лидирующие позиции на континенте. Китай в настоящее время является крупнейшим торговым партнером Африки [22]: китайско-африканская торговля превышает 200 млрд долл. в год [23]. Особое внимание в своей африканской экономической политике Пекин уделяет развитию инфраструктуры и добыче полезных ископаемых. При этом возникший структурный дисбаланс в торговых и инвестиционных отношениях, а также чрезмерная долговая зависимость африканских стран от Пекина вызывают иногда обвинения Китая в неокOLONиальных подходах [26].

Основным направлением политики *США* на африканском континенте остается защита своей национальной безопасности на дальних рубежах. Африканский континент выполняет роль опорного и логистического хаба для представителей силового блока Вашингтона. Например, партнерские отношения с Нигерией и Мозамбиком направлены на противодействие исламским фундаменталистам [30]. В целом Африка воспринимается в США регионом нестабильности, требующим реализации масштабных программ помощи. Соревнование Запада с Китаем также играет важную роль в отношениях между США и Африкой. План администрации Д. Трампа «Прцветающая Африка» был направлен на удвоение торговли и инвестиций между США и Африкой. Его можно рассматривать как ответ Америки на китайскую Инициативу пояса и пути.

Европейский Союз также активно сотрудничает со странами Африки в экономической, военно-политической и образовательной сферах. ЕС является крупнейшим донором Африки. Только в 2019 году на различные программы содействия развитию странам Африке было выделено порядка 3 млрд евро [29]. Европейский союз активно действует на континенте в военно-политической и образовательной сферах. В рамках общей политики безопасности и обороны ЕС в настоящее время европейцами реализуется в Африке 9 различных миссий и операций с использованием гражданских и военных инструментов в Ливии, Мали, Нигере, Сомали и ЦАР [11]. Тем не менее, европейцев часто критикуют за то, что они слишком большое внимание уделяют торговым отношениям в ущерб всем остальным сферам сотрудничества [24]. При наличии довольно прочных позиций Брюсселя

на континенте отношения между Европой и Африкой осложняются колониальным прошлым и являются в определенной степени односторонними и связанными многими условностями.

Турция успешно взаимодействует с африканскими странами в экономической, образовательной и военной сферах. Анкара в 2008 году стала стратегическим партнером Африканского союза. С тех пор был достигнут быстрый прогресс в ряде областей, таких как торговля, инвестиции, культурные проекты, сотрудничество в области безопасности и развития. Начатая в 1998 году Политика Африканской инициативы была успешно завершена и заменена Политикой Африканского партнерства в 2013 году [28]. Если в 2002 году число турецких посольств в Африке составляло всего 12, то к концу 2019 года оно выросло до 42. При этом политика Турции на континенте вызывает критику Запада из-за угрозы исламизации континента и возможной радикализации африканцев в связи с религиозным воспитанием, военной подготовкой и антизападной риторикой Анкары.

Достижения России на африканском направлении. Россия достигла в отношениях со странами Африки определенных успехов в сферах политики, экономики, безопасности, охраны окружающей среды и здравоохранения, науки и образования, а также в культурно-гуманитарной сфере. В октябре 2019 года в Сочи состоялся первый саммит Россия-Африка, на котором были представлены все 54 африканских государства, в том числе присутствовали 45 глав государств и правительств. В числе достижений следует выделить создание финансовых механизмов поддержки делового взаимодействия России и Африки, таких как Российский экспортный центр и участие России в Африканском экспортно-импортном банке в качестве акционера. Объем торговли и инвестиций между Россией и Африкой в период с 2005 по 2020 год вырос на 510%.

В ряде отраслей позиции России на африканском континенте достаточно сильны. Так, гидроэлектростанции были построены с помощью России в 4 странах: Ангола, Экваториальная Гвинея, Замбия и Зимбабве. Российская компания «Газпром» вместе с алжирской компанией «Sonatrach» в настоящее время поставляет 40% европейского газа. Оборонная промышленность имеет особый и очень успешный статус в рамках экономического сотрудничества, а рост импорта африканскими странами отечественных вооружения и военной техники способствует укреплению позиций России на континенте. Следует отметить, что военно-техническое сотрудничество имеет стратегический, долгосрочный характер, учитывая необходимость поставки запасных частей, подготовку военных кадров, перспективу совершенствования военной техники и другие аспекты.

Без проблем никак. В развитии отношений России со странами Африки имеются некоторые проблемы. За позиции в Африке идет жесткая конкурентная борьба. Поэтому успехи России в развитии отношений с аф-

риканскими странами следует соотносить с достижениями других стран. Например, в России учится 20 тыс. студентов из стран Африки. Казалось бы, не так уж мало. Однако следует сопоставить это количество с показателями других стран, чтобы понять, что простора для дальнейшего развития российско-африканского сотрудничества в этой сфере хоть отбавляй. Во Франции учится 102 тыс. африканцев, в Китае – 50, в США – 44, в ЮАР – 36, а в Великобритании – 33 [13. С. 20]. То есть по этому показателю Россия находится только на 6-м месте в мире.

Точно так же необходимо соотносить объемы торговли России с африканскими странами с внешнеторговыми объемами на африканском направлении других ведущих стран мира. По данным европейского статистического ведомства, в экспорте африканских стран на первом месте находится Евросоюз (28%), затем следуют африканские страны (23%), и дальше последовательно Китай (8%), Индия (7%), США (5%) и Великобритания (3%) [20]. В импорте африканских стран примерно такая же картина: на первом месте находится ЕС (28%), за ним следуют Китай (16%), Африка (13%), США (6%), Индия (5%) и Саудовская Аравия (3%). Россия в этой статистике в связи с незначительностью своей доли находится в составе «других стран».

Основная проблема в российско-африканских отношениях, по мнению авторов, состоит в том, что до настоящего времени не определена концептуальная основа этих отношений. Все рассмотренные выше концепции следует учитывать и использовать, но на какую-то из них нужно сделать акцент с учетом имеющихся у России конкурентных преимуществ. Как уже отмечалось, такой концепцией могла бы выступить концепция устойчивого развития. В ней обозначены 17 целей, которые позволяют развивать разностороннее сотрудничество с учетом существенного разнообразия всех 54 африканских государств. Однако, и в рамках этой концепции следует определить главное направление деятельности России на африканском участке. Авторы считают, что таким направлением может выступать цель № 16 ЦУР.

Взгляд в будущее. Перспективы развития российско-африканских отношений зависят от эффективности их сотрудничества в соответствии с целями устойчивого развития. России следует развивать сотрудничество в соответствии со всеми семнадцатью ЦУР, при этом учитывать свои конкурентные слабости и преимущества. Очевидной слабостью является экономическая сфера: объем торговли Китая с африканскими странами на порядок, то есть примерно в 10 раз, превышает соответствующий показатель России. Наша страна находится далеко не на видных местах по показателям объема содействия развитию, в том числе странам Африки, лидерами здесь являются США, Германия, Великобритания, Япония и Франция.

На наш взгляд, Россия обладает конкурентным преимуществом в ЦУР № 16 – «Мир, правосудие и эффективные институты». Одновременно эта

цель наиболее важна для раздираемых противоречиями стран африканского континента, которые все лучше понимают, что экономическое и социальное развитие может быть обеспечено только в условиях безопасности. Эта же ЦУР № 16 весьма значительна в эпоху становления нового мирового порядка, сопровождаемого ростом мировой конфликтности. Наиболее важными направлениями российско-африканского сотрудничества по этой цели могут быть миротворчество, военно-техническое сотрудничество и использование частных охранных компаний для обеспечения безопасности и мирного будущего африканских стран.

Миротворчество является для африканского континента одной из важнейших проблем. Достаточно сказать, что из 14 нынешних миротворческих операций ООН 7 осуществляются в Африке. Там же задействовано примерно 80% численного состава миротворцев ООН [19]. Часть из этих операций проходит в сложных условиях, связанных с отсутствием мирных соглашений между сторонами конфликта. Активное участие в миротворческой деятельности принимает Африканский союз и региональные интеграционные структуры африканского континента, например, ЭКОВАС. Россия могла бы более активно участвовать в миротворческой деятельности на африканском континенте. Вместе с тем, принципиальная позиция России состоит в том, что основными миротворцами на африканском континенте должны быть сами африканцы.

Что касается российско-африканского военно-технического сотрудничества, то Россия заключила соглашения по ВТС с более чем 30 странами, в которые поставляется широкая номенклатура вооружения и боевой техники [12]. Например, Россия и Нигер подписали контракт на поставку 12 ударных вертолетов Ми-35. В свою очередь, Эритрея проявила интерес к российским ракетным катерам и вертолетам. По данным гендиректора компании «Рособоронэкспорт» А. Михеева, Россия в 2019 году планировала поставить в Африку вооружение на 4 млрд долларов, в том числе технику военно-воздушных сил, противовоздушной обороны, бронетанковую технику, стрелковое оружие, противотанковые ракетные комплексы [2]. В вузах Министерства обороны России обучаются военнослужащие из 20 африканских стран [6].

Определенные изменения, по мнению авторов, необходимо внести и в деятельность российских частных охранных компаний в Африке. Как уже писал ранее один из авторов данной статьи, их статус должен быть законодательно урегулирован [9; 10]. В аналитических материалах к Первому форуму «Россия – Африка» также указывается, что «важным ограничением до сих пор остается несформированность правового поля для деятельности частных военных и охранных компаний» [13. С. 16]. В условиях обострения обстановки в мире государства должны иметь разнообразные средства и методы международной деятельности. Зарубежный опыт показывает,

что частные военные и охранные компании могут быть эффективным инструментом реализации национальных интересов [17].

Заключение. России необходимо интенсивное развитие отношений с африканскими странами. Как и любое направление деятельности, такое развитие требует теоретического обоснования, в качестве которого может выступить теоретическая система, состоящая из взаимосвязанных теорий деколонизации, модернизации, panaфриканизма и нового мирового порядка. В концептуальном плане наиболее соответствующей интересам России в Африке представляется концепция устойчивого развития. Она включает в себя 17 самых разнообразных целей развития, которые позволяют России находить различные аспекты отношений со странами Африки. Крупные международные организации и ведущие страны мира проводят в отношении Африки активную политику, в которой выявляются сильные и слабые стороны.

Россия достигла в отношениях со странами Африки определенных успехов в сферах политики, экономики, безопасности, охраны окружающей среды и здравоохранения, науки и образования, а также в культурно-гуманитарной сфере. Вместе с тем, в связях России со странами Африки имеются и некоторые проблемы. Перспективы развития российско-африканских отношений зависят от эффективности их сотрудничества в соответствии с целями устойчивого развития. России следует развивать сотрудничество в соответствии со всеми семнадцатью ЦУР, при этом учитывать, как свои конкурентные слабости, так и конкурентные преимущества. Особый акцент следует сделать на цель устойчивого развития № 16 «Мир, правосудие и эффективные институты». Эта цель наиболее важна для раздираемого противоречиями африканского континента. Она же крайне значительна в эпоху становления нового мирового порядка, сопровождаемого ростом мировой конфликтности. Наиболее важными направлениями российско-африканского сотрудничества по этой цели могут быть миротворчество, военно-техническое сотрудничество и использование в обеспечении безопасности африканских стран российских частных охранных компаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт-МОНФ, 1997.
2. Военный эксперт: ВТС с Африкой – это не только поставки оружия // <https://radiosputnik.ria.ru/20191023/1560115934.html?in=t>.
3. *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // <https://>

www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248.

5. *Кортунов С.* Политика и дипломатия. Становление нового мирового порядка // *Международная жизнь*. 2002. № 6.

6. Красная звезда | Россия намерена развивать ВТС с Африкой // <http://redstar.ru/rossiya-namerena-i-dalshe-razvivat-voennoe-sotrudnichestvo-s-afrikanskimi-stranami/>.

7. *Михайленко А.Н.* Частные военные и охранные компании в России: быть или не быть? // *Обозреватель – Observer*. 2013. № 5.

8. *Михайленко А.Н.* Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // *Вопросы политологии*. 2016. № 3 (23).

9. *Михайленко А.Н.* Современный этап в формировании полицентричного мира // *Вопросы политологии*. 2019. № 1 (41).

10. *Михайленко А.Н.* Контурсы нового мирового порядка // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2019. № 8 (134).

11. Обзор текущих миссий и операций ЕС // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/430/military-and-civilian-missions-and-operations_en.

12. Путин рассказал о военном сотрудничестве с африканскими странами. 24.10.2019 // <https://ria.ru/20191024/1560151454.html>.

13. «Россия – Африка». Аналитические материалы // <http://duma.gov.ru/media/files/e2SgJ0Aq8cFHwxD5zXN8HiQD0ctEiar5.pdf>.

14. *Фредди А.Б.В.* Внешняя политика ЮАР в XXI веке: членство в БРИКС и стратегия многосторонности: диссертация кандидата политических наук. М.: РУДН, 2021.

15. *Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.* Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6.

16. *Хаким Ади.* Панафриканизм: История. Лондон: Блумсбери, 2018.

17. *Шерр О.* Частные военные компании как инструмент внешней политики США // *Россия и Америка в XXI веке*. 2018. Выпуск 4.

18. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

19. *Ютяева И.Р.* Африканский Союз в роли миротворца: миссия выполняется? // *Восток (Oriens)*. 2021. № 3.

20. Africa-EU – international trade in goods statistics // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Africa.E2.80.99s_main_trade_in_goods_partner_is_the_EU.

21. *Axel van Trotsenburg.* World Bank – Africa Partnership: Getting Stronger and Promoting Recovery. 16 July 2021 // <https://modern diplomacy.eu/2021/07/16/world-bank-africa-partnership-getting-stronger-and-promoting-recovery/>.

22. Chinese investment in Africa: New model for economic development or business as usual? // <https://doc-research.org/2018/09/chinas-approach-to-africa/>.

23. Data: China-Africa Trade – China Africa Research Initiative // <https://www.sais-cari.org/data-china-africa-trade>.

24. EU-Africa: No partnership in sight // <https://www.theparliamentmagazine.eu/news/article/euafrica-no-partnership-in-sight>.

25. *Hurley J., Morris S., Portelance G.* Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. CGD Policy Paper // Washington, DC: Center for Global Development. 2018. № 121.

26. *Hurley J., Morris S., Portelance G.* Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. CGD Policy Paper // Washington, DC: Center for Global Development. 2018. № 121 // <https://www.cgdev.org/publication/examining-debtimplications-belt-and-roadinitiative-policy-perspective>.

27. Joint communication to the european parliament and the council. Towards a comprehensive Strategy with Africa. Brussels, 9.3.2020 // https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/communication-eu-africa-strategy-join-2020-4-final_en.pdf.

28. Turkey-Africa Relations | Rep. of Turkey Ministry of Foreign Affairs // <https://www.mfa.gov.tr/turkey-africa-relations.en.mfa>.

29. UNCTAD, Economic Development in Africa Report 2019 | Made in Africa – Rules of Origin for Enhanced Intra-African Trade. UN: NY, 2019.

30. US forces to train Mozambique's marines to fight jihadist insurgency // <https://www.africanews.com/2021/03/15/us-forces-to-train-mozambique-s-marines-to-fight-jihadist-insurgency/>.

31. 17 целей для преобразования нашего мира // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>.

A.N. MIKHAYLENKO

*Doctor of Political Sciences, professor,
chairman, International security and
Russian foreign policy chair at the
Department of national security,
Institute of law and national security, Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

P.U. ROVCHAK

*Postgraduate student, International
security and Russian foreign policy chair at the
Department of national security, Institute of
Law and National Security, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*

RELATIONS OF RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF AFRICAN CONTINENT

In the context of emerging new world order, Russia needs an intensive development of relations with African countries. Its theoretical basis can be a theoretical system consisting of colonial theories, theories of modernization, pan-Africanism and world order. Conceptually, the concept of sustainable development appears to be the most consistent with Russia's interests in Africa. Based on these theories and concepts, large international organizations and leading countries of the world are pursuing active policies towards Africa with their strengths and weaknesses. Russia has achieved certain successes in relations with African countries. At the same time, there are some problems in this domain. The prospects for the development of Russian-African relations depend on the effectiveness of their cooperation in accordance with the goals of sustainable development. Russia should develop cooperation in line with all seventeen SDGs, with particular emphasis on Sustainable Development Goal No. 16, Peace, Justice and Strong Institutions. The most important areas of Russian-African cooperation for this purpose may be peacekeeping, military-technical cooperation and the use of Russian private security companies in ensuring the security of African countries.

Key words: *decolonization, postcoloniality, neocoloniality, modernization, pan-Africanism, the new world order, the concept of sustainable development, peacekeeping, military-technical cooperation, private security companies.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ООН В 2000-е гг.

Статья посвящена анализу процесса изменения организационных основ деятельности ООН, направленной на профилактику и пресечение международного терроризма. Выявлены основные направления реформы антитеррористических органов ООН в 2000-е гг. Раскрыты роль и значение Контртеррористического комитета, Контртеррористического центра, Контртеррористического управления ООН в реализации Глобальной контртеррористической стратегии, принятой Генеральной Ассамблеей в 2006 г. Рассмотрены трудности и проблемы, которые негативно влияют на эффективность борьбы ООН против терроризма.

Ключевые слова: *терроризм, противодействие терроризму, ООН, Совет Безопасности, Институциональная реформа ООН, Глобальная контртеррористическая стратегия, Глобальный договор ООН по координации контртеррористической деятельности, Контртеррористический комитет, Исполнительный директорат Контртеррористического комитета, Контртеррористическое управление ООН.*

ООН является организацией, которая обладает уникальными правовыми, политическими, организационными и другими возможностями, позволяющими ей играть роль координирующего центра в противостоянии международному терроризму. С 1970-х годов ООН проделала большую и разнообразную работу с целью разработки и кодификации международных правовых контртеррористических актов, разработки стратегии и тактики противодействия терроризму, налаживания обмена информацией, опытом и ресурсами в этой области; организации научно-аналитической работы, связанной с изучением террористической активности в различных странах и регионах и т.д.

В 1970-е – 1990-е гг. были сделаны первые попытки создать специализированные учреждения ООН с целью повышения эффективности антитерро-

ристической деятельности международного сообщества. В частности, Специальный комитет по вопросам международного терроризма был призван рассматривать способы дальнейшего совершенствования всеобъемлющей правовой системы конвенций, касающихся международного терроризма [4]. Деятельность комитета была полезной, но узкие полномочия не позволяли решать масштабные задачи.

Нападение террористов на США 11 сентября 2001 г. заставило ООН внести кардинальные изменения антитеррористическую деятельность [18. Р. 289]. Были приняты международные документы, которые скорректировали формы и методы борьбы с терроризмом, позволили более успешно противостоять террористической угрозе. Так, в сентябре 2001 года Совет Безопасности одобрил резолюцию 1373, определившую задачи борьбы против терроризма в новых условиях: предотвращение финансирования террористических актов, отказ в убежище террористам и тем, кто их поддерживает, предотвращение их передвижения и др. [10].

В 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Глобальную контртеррористическую стратегию (ГКС). Важнейшей особенностью этого документа является то, что он предусматривает конкретные меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним [12].

Эти меры носят всеобъемлющий характер и направлены, во-первых, на устранение условий, способствующих распространению терроризма, во-вторых, на предотвращение терроризма и борьбу с ним, в-третьих, на укрепление потенциала государств и роли системы Организации Объединенных Наций в этой области, в-четвертых, на обеспечение всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом [1].

Параллельно с формированием правовой основы антитеррористической деятельности ООН в 2000-е годы значительное внимание уделяется ее организационному укреплению. В 2001 г. создан Контртеррористический комитет (КТК) при Совете Безопасности. Он должен был контролировать выполнение резолюции 1373, а также способствовать юридическому утверждению антитеррористических конвенций парламентами государств-членов ООН [5. С. 1].

Столкнувшись с проблемой недостаточной эффективности работы КТК, СБ ООН в 2004 г. пришел к выводу о необходимости создать Исполнительный директорат Контртеррористического комитета (ИДКТК) во главе с Директором-исполнителем в ранге помощника Генерального секретаря. Его задача – реализовывать стратегические решения Комитета, проводить экспертную оценку ситуации в различных странах и регионах [8. С. 71].

В штате ИДКТК значительную часть сотрудников составляют эксперты-юристы, которым поручено изучать доклады государств об осуществлении антитеррористических резолюций СБ ООН. Исполнительный директорат

организует поездки в различные страны мира для того, чтобы понять реальную ситуацию в области противодействия терроризму, дать рекомендации властям по разработке контртеррористических мероприятий и т.д. [16].

Функции и задачи созданных контртеррористических структур ООН в ряде случаев пересекались. Существовали и тематические совпадения, когда несколько разных органов работали над схожими темами контртеррористической проблематики. С целью преодоления дублирования функций Генеральный секретарь ООН в 2005 г. учредил Целевую группу по осуществлению контртеррористических мероприятий, призванную улучшить координацию деятельности различных структур и ее согласованность.

Осуществление Глобальной контртеррористической стратегии обусловило дальнейшую институционализацию международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. В частности, в сентябре 2011 г. в составе бюро Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ) Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства был создан контртеррористический центр (КТЦ) ООН [8].

Руководство работой Контртеррористического центра осуществляется Консультативным советом под председательством Саудовской Аравии. За годы своего существования КТЦ превратился в глобальный центр передачи передового опыта в области борьбы с терроризмом, который проводит специализированные семинары и обучение для государств-членов, реализует крупные программы по противодействию финансированию терроризма, использованию им киберпространства, новых технологий и т.д. [17].

С апреля 2012 года КТЦ ООН реализовал около 80 проектов. В настоящее время центр реализует 40 программ и проектов по наращиванию антитеррористического потенциала 71 государства. С января по ноябрь 2019 года КТЦ участвовал в обучении более 2100 человек на 64 семинарах, проведении 15 совещаний на уровне экспертов и 10 аналитических/технических миссий. Работа по наращиванию антитеррористического потенциала сосредоточена в странах и регионах, наиболее подверженных угрозе терроризма, прежде всего, в Африке, на Ближнем Востоке, а также в Центральной и Южной Азии [11].

Большую роль в формировании эффективной системы антитеррористических органов ООН сыграл лично нынешний Генеральный секретарь этой организации А. Гутерриш. Выступая с докладом на сессии Генеральной Ассамблеи 3 апреля 2017 г., он подчеркнул, что усилия по борьбе с терроризмом «должны быть частью глобального, комплексного подхода, обеспечивающего сбалансированное осуществление Глобальной контртеррористической стратегии».

В своем докладе А. Гутерриш предложил осуществить «реформу контртеррористической архитектуры Организации Объединенных Наций, которая позволит улучшить взаимодействие и повысить результативность мер

по борьбе с терроризмом, предпринимаемых нами на национальном, региональном и международном уровнях» [9].

Выдвинутые А. Гутерришем предложения были согласованы с целями общей реформы управления ООН, которые, в частности, состоят в повышении эффективности, рационализации, координации и согласованности действий. На Контртеррористические учреждения ООН возложены три основные функции:

а) оценка потребностей и анализ пробелов в области борьбы с терроризмом;

б) укрепление антитеррористического потенциала и оказание технической помощи;

в) координация и согласование усилий по борьбе с терроризмом [9].

Генеральный секретарь ООН выступил за создание органа, объединяющего существующие антитеррористические подразделения. Генеральная Ассамблея поддержала эту идею и 15 июня 2017 г. учредила контртеррористическое управление (КТУ) ООН.

Это был важнейший шаг по укреплению организационных основ борьбы международного сообщества против терроризма. Свидетельством особой роли КТУ является тот факт, что его руководитель имеет ранг заместителя Генерального секретаря, осуществляющего стратегическое руководство антитеррористической деятельностью ООН. Таким образом, в организации появился штатный высокопоставленный сотрудник, отвечающий за контртеррористическую работу.

Управление имеет сложную структуру и включает десятки различных организаций. Оно состоит из пяти организационных компонентов:

1. Канцелярия заместителя Генерального секретаря – главы Контртеррористического управления.

2. Контртеррористический центр Организации Объединенных Наций (КТЦ ООН).

3. Сектор специальных проектов и инноваций.

4. Сектор политики, управления знаниями и координации.

5. Секция стратегического планирования и поддержки программ [6].

Основными направлениями деятельности Контртеррористического управления являются:

– обеспечение выполнения контртеррористических миссий ООН;

– повышение согласованности действий структур, участвующих в Глобальном договоре Организации Объединенных Наций по координации контртеррористической деятельности;

– повышение эффективности помощи, предоставляемой ООН государствам-членам в деле укрепления контртеррористического потенциала;

– проведение информационно-просветительской работы и др. [6].

Генеральная Ассамблея ООН уточняет задачи КТУ по итогам, проводимого раз в два года обзора хода осуществления Глобальной контртеррористической стратегии. Управление сотрудничает с другими органами Совета Безопасности, в задачу которых входят предотвращение террористических актов и реагирование на них. К ним относятся: Контртеррористический комитет, Комитет по санкциям СБ ООН, учрежденный резолюциями 1267, 1989 и 2253 по «Исламскому государству Ирака и Леванта» (ДАИШ) (1) и «Аль-Каиде» (1), Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 1540 по нераспространению ядерного, химического и биологического оружия.

За годы работы КТУ ООН удалось укрепить взаимодействие с ИДКТК, региональными организациями и организациями гражданского общества, реализовать совместно с Контртеррористическим центром десятки проектов, направленных на укрепление антитеррористического потенциала стран-членов ООН [3. С. 16].

Революционным шагом на пути укрепления координации и согласованности в работе структур ООН, нацеленных на борьбу с международным терроризмом, стало подписание 23 февраля 2018 г. Генеральным секретарем Глобального договора ООН по координации контртеррористической деятельности. Договор был согласован с главами 36 подразделений ООН, а также Интерполом и Всемирной таможенной организацией [6].

Глобальный договор объединяет более 40 субъектов, находящихся в статусе участника либо наблюдателя. Специальный Координационный комитет обеспечивает стратегическое руководство по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН на уровне межучрежденческих рабочих групп. Координационный комитет Глобального договора возглавляет заместитель Генерального секретаря и глава Контртеррористического управления. В его составе – представители всех структур Глобального договора, а также председатели и заместители председателей рабочих групп Глобального договора.

Вместе с тем, деятельность ООН по пресечению и профилактике терроризма сталкивается с определенными трудностями. По-прежнему отсутствуют эффективные рычаги воздействия на государства и организации, которые не соблюдают международное антитеррористическое законодательство [14. Р. 2]. Например, КТУ не имеет полномочий ни контролировать усилия государств-членов по осуществлению Стратегии и других международно-правовых документов о борьбе с терроризмом, ни вмешиваться в их деятельность [9]. Серьезной проблемой также является ограниченность финансовых и технических ресурсов, имеющих в распоряжении органов системы контртерроризма ООН.

Кроме того, мировому сообществу необходимо внести коррективы в борьбу с терроризмом с учетом последствий пандемии COVID-19. Несмотря на то, что ограничительные меры, связанные с ней, оказали сдержи-

вающее влияние на деятельность террористов в развитых странах, в других регионах и государствах (Африка к югу от Сахары, Ирак, Афганистан и др.) терроризм по-прежнему представляет серьезную угрозу. Более того, он пытается воспользоваться в своих интересах возникшими из-за коронавируса проблемами: ростом социально-экономических трудностей, неспособностью властей оказать необходимую помощь населению, отвлечением силовых структур на борьбу с пандемией и др.

В последнее время контртеррористические органы ООН фиксируют активизацию экстремистских настроений и в богатых странах, которые создают питательную среду для терроризма. Важно преодолеть социальную изоляцию и отчуждение, чтобы канализировать порождаемые ими деструктивные настроения в мирный протест [2].

ООН предстоит решить еще одну важную задачу. Создание разнообразных органов, которые специализируются на борьбе с терроризмом, по-прежнему не всегда сопровождается четким разделением их функций [13. Р. 6].

Однако, в целом, институциональная реформа контртеррористических учреждений ООН сделала их деятельность более эффективной, слаженной, способствовала использованию ими новых форм работы (например, конференции высокого уровня, недели борьбы с терроризмом и др.). Несомненно, эти позитивные изменения повлияли на снижение активности международного терроризма в последние годы [15].

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Организация, запрещенная на территории РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций // undocs.org/ru/A/RES/60/288.

2. *Залысин И.Ю.* Идеи Г. Торо о гражданском неповиновении и современный политический процесс // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5.

3. Доклад конференции высокого уровня ООН по борьбе с терроризмом. Нью-Йорк: Контртеррористическое управление ООН, 2018.

4. Доклад Специального комитета по вопросам международного терроризма. Нью-Йорк: ООН, 1973.

5. Контртеррористический комитет и его Исполнительный директорат // www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2015/09/CTED-press-kit-2016-RUSSIAN.pdf.

6. Контртеррористическое управление ООН // www.un.org/counterterrorism/ru/about.

7. ООН и борьба с международным терроризмом: Сборник документов / сост. В.Н. Лихачев. М.: Издание Совета Федерации, 2006.

8. Пинчук А.Ю. Институализация антитеррористической деятельности в рамках Организации Объединенных Наций // Социально-политические науки. 2018. № 6.

9. Потенциал системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций: Доклад Генерального секретаря // undocs.org/ru/A/71/858.

10. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на 4385-м заседании, 28 сентября 2001 г. // undocs.org/ru/S/RES/1373(2001).

11. Управление по борьбе с терроризмом: что мы делаем // www.un.org/counterterrorism/what-we-do.

12. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия. М.: Проспект, 2017.

13. *Einsiedel von S.* Assessing the UN's Efforts to Counter Terrorism // UNU Centre for Policy Research. October 2016.

14. *Fink N., Romaniuk P., Millar A., Ipe J.* Blue Sky II: Progress and Opportunities in Implementing the UN Global Counter-Terrorism Strategy. Goshen: GCCS, 2014.

15. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: IEP, 2020.

16. *Rosand E., Millar A., Ipe J., Healey M.* The UN Global Counter-Terrorism Strategy and Regional and Subregional Bodies: Strengthening a Critical Partnership. N.Y.: Center on Global Counterterrorism Cooperation, 2008.

17. UNCCT Annual Report. 2019. N.Y.: UNCCT, 2019.

18. *Ward C.* Building Capacity to Combat International Terrorism: The Role of the United Nations Security Council // Journal of Conflict & Security Law. Vol. 8. No. 2 (October 2003).

I. Yu. ZALYSIN

*Doctor of Political Sciences, Professor of
Russian State Agrarian University-MTAA,
Moscow, Russia*

TRANSFORMATION OF THE UN ANTITERRORIST BODIES IN THE 2000S

The article is devoted to the analysis of the process of changing the organizational foundations of the UN activities aimed at the prevention and suppression of international terrorism. The main directions of the reform of the UN antiterrorist bodies in the 2000s have been identified. The role and importance of the Counter-Terrorism Committee, the Counter-Terrorism Center, the UN Counter-Terror-

ism Office in the implementation of the Global Counter-Terrorism Strategy adopted by the General Assembly in 2006 are disclosed. Difficulties and problems that negatively affect the effectiveness of the UN fight against terrorism are considered.

Key words: *terrorism, countering terrorism, UN, Security Council, UN Institutional Reform, Global Counter-Terrorism Strategy, UN Global Compact for the Coordination of Counter-Terrorism Activities, Counter-Terrorism Committee, Counter-Terrorism Committee Executive Directorate, UN Counter-Terrorism Office.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.015

УДК 32.327

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,*

Россия, г. Владивосток

А.П. АЛЕХИНА

*бакалавр кафедры международных
отношений и права Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса, Россия, г. Владивосток*

КОНФУЦИАНСКИЙ ОБРАЗ ПРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Данная статья посвящена актуальной теме, в которой рассматривается духовно-культурный вклад философии Конфуция в становление не только китайской, но и мировой цивилизации. Авторы исследуют конфуцианский образ благородного мужа «цзюнь-цзы», а также дается оценка его актуальности в реалиях современного Китая и его восприимчивости современным китайским обществом. Люди издавна создают образ совершенства, эталона на которого все должны равняться, к которому все должны стремиться. Европейский человек создал себе гуманистический идеал совершенного человека в эпоху Возрождения. Философы и писатели того времени старались в своих работах описать как можно более подробно образ гармонического человека, примера и кумира для молодежи тех веков. Однако идеал был придуман еще задолго до этого в Древнем Китае, когда самой распространенной философско-этической системой являлось конфуцианство.

Ключевые слова: *конфуцианство, цзюнь-цзы, китайская философия, гармония, семья, сыновняя почитательность.*

Конфуцианство является одним из самых древних философских учений мира. Зародившись в VI веке до нашей эры, оно пронесло через столетия мудрость учителя Конфуция и на долгие годы стало основной философией всей китайской цивилизации. На протяжении своей истории Конфуцианство пережило как периоды взлета, так и темные времена почти полного забвения. Учение потерпело почти полнейший свой крах в период эпохи

Цинь (221-206 гг. до н.э.), официальной идеологией которой был легизм, когда по указу императора Цинь Ши-хуанди были жестоко казнены 460 конфуцианских ученых и сожжена вся конфуцианская литература. Интереснейшее древнее учение могло бы кануть в лету и навсегда исчезнуть из памяти людей если бы не преданность учеников Конфуция, которые буквально по крупицам и по памяти восстанавливали наследие одного из величайших мыслителей всего человечества. С начала же эпохи династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), и в последующие годы, учение Конфуция переживало свой расцвет. Важно заметить, что после смерти учителя Кун-цзы (孔子) из-за расхождения во взглядах его последователей и почти полного уничтожения конфуцианской литературы учение постоянно разделялось на несколько течений. Однако как бы оно не менялось, главными ценностями конфуцианства до сих пор остаются гуманность (жэнь) с ее принципами человеколюбия и сыновней почтительности к старшим и гармония (хэ 和), которая составляет дао («путь человека») Поднебесной, конкретизирующееся в пяти видах отношений: между правителем и подданным, отцом и детьми, мужем и женой, старшими и младшими братьями, друзьями и товарищами [1. С. 264]. Также примечательно, что в конфуцианстве узы семейные для любого китайца важнее, чем обязательства перед государством, поэтому во многих исторических документах можно встретить выражения по типу «государство – это одна большая семья» или «государство – это семья семей».

Невозможно переоценить духовно-культурный вклад Конфуция в становление не только китайской, но и мировой цивилизации. Ведь именно философское учение Кун-цзы (孔子) является огромным культурным пластом менталитета китайской нации. «Конфуцианство – это также и политика, и административная система, и верховный регулятор экономических и социальных процессов, – словом, основа всего китайского образа жизни, принцип организации китайского общества, квинтэссенция китайской цивилизации» [2].

Изучая историю конфуцианства, иногда бывает трудно себе представить как это уникальнейшее учение могло выжить под натиском стольких тягот. Пережив карающее пламя эпохи Цинь, (221-206 гг. до н.э.) оно, благодаря почтительности учеников Конфуция, возродилось из пепла сожженных конфуцианских трактатов великим фениксом в эпоху династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). С другой стороны, наверное, и невозможно представить конфуцианство без смуты и раздробленности, ведь именно в период междоусобной войны феодальных королевств, что из себя в прошлом и представлял Китай, и родился сам Конфуций.

Так, живя в атмосфере кризиса, учитель вывел гипотезу о том, что главное предназначение человека – это стремление к гармонии (хэ 和). Поэтому он создал образ «благородного мужа» – цзюнь-цзы (君子). Идеально-го гражданина, который обладал бы такими моральными качествами как

гуманность или человеколюбие (жэнь), сыновняя почтительность (сяо), преданность (чжун), справедливостью (и), а также чувство долга, которое выражало себя в соблюдении ритуала (ли), то есть норм поведения. «Благородным человеком» восхищались, его считали чем-то недостижимым, и к нему обязательно должен был стремиться каждый образованный человек. В «Лунь Юй» сказано: «Кун-цзы сказал: Благородный муж думает о девяти [вещах]: о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости спрашивать других, когда появляются сомнения; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу» [4].

По Конфуцию, только человек приближенный к образу цзюнь-цзы должен занимать пост государственной иерархии согласно своим способностям для поддержания гармонии и жизни всего государства. Именно эта идея вдохновляла китайцев, и даже в самые трудные времена позволяла им, как из источника, черпать силы для упорной борьбы.

Но то было в далекой древности, сейчас же современное общество живет в информационном мире, в реалиях глобализма и общей вестернизации. Неужели настолько древнее учение как Конфуцианство может чувствовать себя комфортно в современном Китае? Некоторые современные ученые-синологи считают, что Конфуцианство со своей концепцией «благородного мужа» не более чем призрак древности, монолитная статуя, застывшая во времени и напоминающая о былом величии давно ушедшей эпохи. Однако, проведя анализ социальных тенденций в современном китайском обществе и сопоставив их с конфуцианскими доктринами, можно увидеть, насколько глубоко интегрировано учение в повседневную жизнь китайцев.

Согласно записям в «Лунь Юй» основой гуманности, то есть человеколюбия является сыновняя почтительность. Ю-цзы сказал: «Мало людей, которые, будучи почтительными к родителям и уважительными к старшим братьям, любят выступать против вышестоящих. Совсем нет людей, которые не любят выступать против вышестоящих, но любят сеять смуту. Благородный муж стремится к основе. Когда он достигает основы, перед ним открывается правильный путь. Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – это основа человеколюбия» [4].

Китайская культура издревле отличалась особым отношением детей и родителей. Пока сыновняя почтительность у большинства народов является нормой морали и этикета, в китайской культуре она стала основой гармоничного общества. По мнению Конфуция отношения между отцом и сыном являются образцовыми как для семьи, так и для страны. То есть старший служит моральным примером для младшего, который чтит его

и повинуется ему. Именно благодаря такой идее в Китае сильно развит культ предков, причем не только живых, но и умерших. Также в Китае полагается, что родители являются не только источником жизни человека как индивида, но и как личности. Семейные узы составляют собственное «я» человека. Потеря семьи может иметь сокрушительный эффект на человека не только в эмоциональном отношении, но и в личностном.

Благодаря семье человек учиться гармонично сосуществовать с обществом, ведь это естественное состояние в семье – родители отдают все свои силы и все свое время на воспитание ребенка, соответственно ребенок, вырастая ухаживает за постаревшими родителями. Однако, в современном Китайском обществе роль предков заметно снизилась. Этому поспособствовало ряд факторов.

«Политика одного ребенка», демографическая политика Китая, активно проводимая в 80-х годах прошлого века и закончившаяся не так давно в 2015 году. Единственному ребенку в семье очень трудно содержать родителей и бабушек с дедушками. Это приводило к проблемам в семье и ссорам между родственниками, что нарушало гармонию.

Важно упомянуть, что данная политика также нанесла довольно сильный ущерб стране и стала причиной длительного демографического кризиса. Установлено, что из-за традиционного предпочтения в китайских семьях мальчиков женщины прерывали беременность, когда узнавали, что пол ребенка женский. Соответственно это привело к гендерному дисбалансу, появился даже термин, обозначающий холостых мужчин за 30 – шэн-нань «невысватанные мужчины» [3]. Как видно из примера, подтвердились конфуцианские доктрины – государство вмешалось в семью, что привело к дисгармонии.

Еще один фактор, повлиявший на ослабление традиционной связи между поколениями – это европейская культура. Теперь отношение в семье строится не на беспрекословном послушании главе семейства, а на равенстве между членами семьи. При решении бытовых или экономических проблем голос каждого родственника учитывается. Но несмотря на это будет ошибочно полагать, что в Поднебесной совсем утратилась культура уважения к предкам. Все эти изменения лишь означают, что современная китайская молодежь более не так зависима от родителей.

В Китае до сих пор актуальны такие знаки почтения к старшим как право высказываться первым, присаживаться, первым начинать трапезу. Конфуций считает, что недостаточно выражать свою почтительность родителям только материально и физически, необходимо именно уважать их. Поэтому при обращении к старшим обязательно используется определенная форма речи, а также им уделяется особая чуткость и внимание.

В современном китайском обществе традиционный семейный уклад более не так распространен и популярен, как раньше, но и нельзя также ска-

зять, что происходит деградация института семьи и культа предков. Китай – открытая страна, которая не живет в своем вакууме. Все эти изменения естественны и лишь отражают особенности исторического пути государства. Китайцы бережно относятся к своему прошлому и до сих пор почитают старших. Согласно конфуцианским идеалам «благородного мужа», считается, что интересы нации вытекают из семейного благополучия. Когда муж и жена находятся в согласии, дети преданны своим родителям, а братья и сестры любят друг друга, тогда и наступает гармония и социальная нестабильность уменьшается.

Еще одним важным качеством цзюнь-цзы является стремление к самосовершенствованию. «Благородный муж» никогда не останавливается на достигнутом. Он постоянно испытывает жажду к знаниям. Ведь знания обогащают человеческую душу, делают человека нравственно красивым. Цзы Ся сказал: «Углублять знания, закалять волю, пытливо расспрашивать, всесторонне обдумывать – все это основа человеколюбия» [4]. Конфуцианцы верили, что обучение способно дать определение добродетели и вывести на правильный путь, путь цзюнь-цзы. Однако под самосовершенствованием понимается не только изучение трактатов, но и в умении контролировать свои мысли и чувства, следить за своей речью, за своими движениями и даже за выражением лица. Ведь «благородный муж» никогда не сделает чего-то тщательно не подумав. Во всем должен строго соблюдаться ритуал.

Логично предположить, что из самосовершенствования вытекает и нужда в осуществлении своего человеческого назначения, то есть в самореализации. В конфуцианстве это прежде всего стремление к нравственному самосовершенствованию. Стремление к помощи людям, к распространению учения, к службе на благо государства – все это конфуцианская самореализация.

В современных реалиях торгово-промышленного общества эти понятия сильно трансформировались, но не изменили своей сути. Сейчас под самосовершенствованием понимается освоение каких-либо новых знаний и технологий, но не для того, чтобы духовно обогатить себя, а чтобы реализовать себя путем достижения успеха и повышения своего статуса. Человек теперь стремится к материалистическому успеху. Отныне самосовершенствование не связано с этической системой, а индивидуальные ценности доминируют в сознании людей.

Однако, абсолютно точно нельзя назвать современное китайское общество аморальным. Подобные метаморфозы опять же имеют естественную природу и являются неотъемлемой составляющей формирования рыночной экономики государства. И все-таки может показаться, что люди более не руководствуются конфуцианскими ценностями. Но это не так. Китайцы смогли гармонично подстроить под себя и под безостановочно меняющийся мир древнее учение, таким образом, чтобы конфуцианские методы старательной учебы работали для достижения новых целей.

Таким образом, изучив и проанализировав современные общественные тенденции Китая, а также сопоставив их с конфуцианскими ценностями «благородного мужа» цзюнь-цзы, можно сказать, что действительно, китайский народ глубоко связан с конфуцианской философией и что образ гуманистического идеала до сих пор является эталоном поведения и примером для стремления. Конфуцианство, не являясь религией, само по себе очень пластично и может подстраиваться под разные эпохи истории Китая, обогащаясь опытом общественных явлений. Именно поэтому оно и может чувствовать себя комфортно в современной среде. Благодаря конфуцианцам в китайском обществе появилось представление о назначении человека в этом мире и смысле жизни. А образ цзюнь-цзы сегодня, как и много веков назад, служит эталоном морали и помогает людям формировать понятия о добре и зле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антомонова Ю.А. Трансформация понятия «гармония» в истории конфуцианства // Вестник университета. 2012. № 10.
2. Васильев Л.С. История религий Востока. 8-е изд. М.: КДУ, 2006.
3. Дамы избегают кавалеров. Гендерный дисбаланс в Китае приводит к появлению «невостребованных» мужчин // <https://rg.ru/2021/03/04/gendernyj-disbalans-v-knr-privodit-k-poiavleniiu-nevostrebovannyh-muzhchin.html>.
4. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь Юй». М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the
Department of International Relations and
Law of the Vladivostok State University of
Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

A.P. ALEKHINA

*Bachelor of the Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF THE U.S. STRATEGIC COURSE IN THE POLITICAL PROCESS OF THE INDO-PACIFIC REGION

The article deals with an urgent topic – the building of the US foreign policy course in the Indo-Pacific region aimed at comprehensive global domination. Such course is based on the increasing geopolitical presence of the United States

in the region, including the military-political component. At the same time, the region-forming factor plays the key role in the formation of a new regional security architecture. The Pentagon's interest in the Indo-Pacific region is obvious. It is this region that is of paramount importance for the strategic plans of the military department. Due to the inextricable historical, cultural, and trade ties with the countries of the Indo-Pacific region, the United States declared itself a "Pacific nation," giving it the determination and the right to build a new configuration of international relations.

Key words: *USA, Indo-Pacific Region, National Defense Strategy, China, Russia.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА ДО И ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА 2017 ГОДА

Как и ожидалось, референдум на севере Ирака 25 сентября 2017 года подтвердил, что подавляющее большинство жителей Иракского Курдистана и прилегающих к нему территорий (свыше 90% принявших участие в референдуме при довольно высокой явке избирателей) выступают за независимость курдского региона. Причем голосовали не только курды, но и представители других этнических групп из числа местного населения (арабы, туркоманы, армяне, ассирийцы и др.). Референдум привел к углублению экономического кризиса в автономии: вслед за полным прекращением выплат зарплаты служащим региона Багдад, проведя военную операцию, лишил Эрбиль нефтяных месторождений в провинции Киркук, приносящих ему половину доходов от всего экспорта «черного золота». Проблем курдским властям добавили и свыше сотни тысяч беженцев, покинувших свои дома, расположенные на спорных территориях, после прихода туда иракских военных и шиитских ополченцев из аль-Хашид аш-Шааби. Несмотря на все это, есть и немалые перспективы экономического возрождения региона, который, разумеется, займет немало времени и будет зависеть от позиции властей и представителей всех народов его населяющих.

Ключевые слова: *Иракский Курдистан, Киркук, референдум, конституция, партии, экономика, бюджет, потенциал, нефть, газ.*

С 1991 года три провинции Ирака находятся под управление курдских политических сил – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического Союза Курдистана (ПСК). Безусловно, территория Иракского Курдистана в этот период то расширялась, то сокращалась – особенно после появления и стремительной экспансии «Исламского государства» (организация в России запрещена) в 2013-2014 гг. Поэтому развитие экономики на этом политическом ландшафте было подвержено различным внешним шокам. Тем не менее, с 2008-2009 гг. руководство Иракского Курдистана предприня-

ло ряд шагов, связанных с выстраиванием экономической автономии в рамках системы иракского народного хозяйства, что позволяет провести оценку успехов и неудач курдского автономного региона за 2008-2020 гг.

Необходимо напомнить, согласно действующей Конституции Ирака, регион Курдистан не только признается федеральной властью в качестве самостоятельного политико-правового субъекта (статья 117), но и обладает законодательной, исполнительной и судебной властью (статья 121). К предметам совместного ведения регионов и федеральной власти в Ираке относятся вопросы таможи, энергетики, формирование политики развития и политики в области распределения водных ресурсов (статья 114) [11]. Такие широкие рамки позволяют Иракскому Курдистану иметь собственный бюджет, осуществлять добычу и частичную переработку природных ресурсов, развивать транспортную и иную инфраструктуру.

Ключевым элементом в выстраивании автономной экономики Иракского Курдистана было освоение нефтяных месторождений и реализация нефтепродуктов на внешних рынках. Еще в 1972 году Мустафа Барзани утверждал, что «если я буду обладать нефтяными полями, я буду поставлять нефть в Америку». В 2007 году в региональный парламент был внесен законопроект о нефти, который был окончательно утвержден только в 2009 году. С этого времени, руководство Иракского Курдистана перестало опираться в управлении нефтяной отраслью на иракские нормативно-правовые акты: основной практикой привлечения зарубежных партнеров стало создание совместных предприятий в форме соглашений о разделе продукции (СРП). Хотя иракские политические силы справедливо отмечают, что такие соглашения по сути являются наследием колониального прошлого, автономии удалось привлечь ряд крупных корпораций к добыче нефти в Курдистане. В 2011 году было подписано соглашение между региональным правительством и корпорацией Exxon Mobile, крупнейшим игроком на глобальном рынке нефти. Согласно этому соглашению, раздел продукции касался в том числе двух месторождений, находившихся в провинции Kirkuk, юрисдикция над которой оспаривается властями в Багдаде и Эрбиле. В ответ на этой федеральное правительство Ирака прервало финансовые перечисления из общегосударственного бюджета в бюджет курдской автономии (возобновлено в 2013 году), что позволило Иракскому Курдистану обосновать необходимость следующего шага – перехода к полному контролю над добычей и транспортировкой нефти в ведение автономии. Так возник «курдский унилатерализм» в энергетической сфере, который заложил фундамент более активной внешнеторговой деятельности региона [29].

В рамках данной линии на привлечение инвесторов в форме СРП региональным правительством Иракского Курдистана были подписаны соответствующие документы с американской корпорацией Chevron и французским монополистом Total (2012 г.), а затем и с «Роснефтью» (2017 г.).

Уже на раннем этапе к нефтяным корпорациям добавились газовые – например, крупный трейдер Pearl Petroleum (2007 г., 2018 г.). Данная компания за 10 лет (2007-2017) инвестировала 1,26 млрд. долл. в развитие газоносных полей Хор Мор и Чемчемаль, что позволило довести добычу газа до уровня 3 млн. кубометров в год [12]. Аналогично, привлечение инвесторов сказало-сь и на уровне добычи нефти в Иракском Курдистане: если в 2009 году речь шла о 15 млн. баррелей в год, то в 2013 году объем добычи вырос до 78 млн. баррелей, а в 2015 году – до 210 млн. баррелей в год (рост более чем в 10 раз за 2009-2015 гг.) [27]. Всего, до 2014 года 47 зарубежных компаний из 17 государств подписали подобные соглашения с региональным правительством Курдистан, причем, согласно этим документам, они обязались инвестировать в добывающую инфраструктуру региона до 10 млрд. долларов [9]. Таким образом, за десятилетие до референдума 2017 года курдской автономии в Ираке фактически удалось создать полноценную нефтегазодобывающую отрасль со значительными объемами добычи, которая давала 60-80% ВВП региона.

Оборотной стороной развития одной отрасли стала определенная деформация экономики региона. По данным на 2015-2016 гг. в Иракском Курдистане сформировался значительный государственный сектор экономики, в котором занято до 70% экономически активного населения. С учетом безработицы на уровне 20-25%, региональные власти оказались основным работодателем для жителей автономии. Подобная ситуация характерна и для остальной части Ирака, где до 40% экономически активного населения работает в государственном секторе экономики, но ситуация в Курдистане из-за наличия нефтегазовых доходов оказалась намного более опасной с учетом внешних факторов, влияющих на развитие и функционирование региона. Более того, подобная пропорция занятых в госсекторе не характерна для региона в целом: в Иране в госсекторе занято 17% экономически активного населения, в Турции – 12%, в Иордании – 31%. Такое положение дел поставило социально-экономическое развитие Иракского Курдистана в прямую зависимость от меняющейся конъюнктуры на мировых энергетических рынках и колебаний в цене на нефть и газ [21].

Из-за столь обширного государственного сектора экономики Иракскому Курдистану не удалось направить значительные средства на создание необходимой инфраструктуры и реализацию программ долгосрочного развития: по данным Всемирного банка, бюджет автономии на 85% пополнялся из нефтяных доходов, а свыше 50% расходов бюджета – составляли зарплаты служащих и социальные выплаты [25]. Проще говоря, нефтяные доходы Иракского Курдистана на 60-70% «проедались», направлялись на текущее потребление населения.

Дополнительным фактором, осложнившим экономическое положение курдской автономии в Ираке, стала экспансия «Исламского государства»

в 2013-2017 гг. Переход значительной части нефтеносных полей под контроль исламских фундаменталистов обусловил прекращение с 2014 года перечислений из федерального бюджета в бюджет региона. Помимо этого, собственные ресурсы Курдистана пошли на создание боеспособных подразделений для борьбы с ИГ и на прием беженцев из других частей Ирака и даже Сирии. Поэтому в 2015 году региональное правительство было вынуждено сократить зарплаты в подведомственных организациях на 70%, провести сокращения служащих и общий секвестр регионального бюджета. На этом фоне значительно выросла роль неформального сектора экономики – прежде всего, нелегальных форм нефтедобычи и первичной нефтепереработки, а также коррупции в органах управления. Например, по самым приблизительным оценкам порядка 33 тысяч «мертвых душ» принято на работу на различные должности в Курдистане – с вероятным распределением зарплат между чиновниками [5].

В 2015-2016 гг. на фоне острого противостояния с «Исламским государством» региональное правительство курдской автономии пошло на увеличение добычи нефти и предпродажу еще не добытых объемов полезных ископаемых с существенной скидкой. Активная работа Министерства природных ресурсов Иракского Курдистана, включая займы под гарантии будущих объемов добычи, позволила привлечь свыше 3 млрд. долл. на покрытие дефицита бюджета автономии. Помимо этого, власти в Эрбиле смогли удержать инфляцию на уровне 3-4% за счет контроля над обменом валют и фиксации цен на некоторые группы товаров и услуг (за исключением цен на электричество), что обеспечило социальную стабильность в условиях роста безработицы и бедности (1).

Внешние заимствования в совокупности с сокращением бюджетных затрат позволили Иракскому Курдистану сохранить устойчивость экономики и повысить степень ее автономности в условиях продолжающегося противостояния с Багдадом. В то же время, социальные последствия затяжного кризиса еще только предстоит оценить. По оценкам Всемирного Банка, только в 2015 году подушное потребление в регионе упало на 14%, что намного выше, чем в иных регионах Ирака. По официальной статистике, доля лиц, находящихся за чертой бедности, выросла в 2015 году в 4 раза, а в районах, пострадавших от «Исламского государства» – еще больше (1).

В то же время, с точки зрения долгосрочного развития макроэкономическая ситуация в Иракском Курдистане оставалась достаточно сложной, поскольку активные заимствования на внешних рынках привели к значительному росту внешнего долга – до 75% ВВП автономии к 2015 году (17 млрд. долл.). Из-за сложных отношений с федеральным центром и политико-правового спора относительно нефтегазовых доходов, автономия не смогла выпустить международно-признанные облигации, что ограничило доступ Эрбиля к финансовым ресурсам. В подобных условиях не совсем ясны пер-

спективы расчетов Иракского Курдистана с кредиторами, поскольку оснований для резкого увеличения доходов региона пока нет (1).

Несмотря на значительные экономические сложности и дисбалансы, курдская автономия в Ираке сумела сохранить макроэкономическую стабильность и контроль над социально-экономическими процессами. Более того, Иракский Курдистан в условиях противостояния с «Исламским государством» оказался едва ли не единственным надежным «поставщиком безопасности», сумев не только подготовить вооруженные отряды для борьбы с фундаменталистами, но и использовать их для стабилизации социально-экономической и политической обстановки в соседних регионах Ирака. В 2014-2017 гг. под контроль регионального правительства в Эрбиле попала значительная часть провинций Киркук, Дахук и Ниневия, включая Мосульскую долину и город Синджар (Шингал). Эти территории считаются спорными, поскольку на них расположены анклав курдского населения, в том числе, курдов-езидов, согласно Конституции Ирака (статья 140) до 2007 года должны были пройти процедуры, которые бы определили дальнейший статус этих спорных земель, чего, однако, не произошло. С учетом обстановки и неспособности федерального центра обеспечить защиту этим территориям, президент автономии Масуд Барзани в июне 2014 года высказал в интервью мнение, что соответствующие положения Конституции Ирака «имплементированы и исполнены» [22]. Переход этих территорий под контроль курдской автономии позволил существенно нарастить объем добычи и экспорта нефти в обход портов южного Ирака – в 2017 году это показатель превысил 300 млн. баррелей в год [13].

Именно в таких условиях было принято решение о проведении референдума о независимости Иракского Курдистана. Необходимо отметить, что в январе 2005 года региональное правительство Курдистана уже проводило подобный референдум, на котором 99% проголосовавших высказались за независимость. Этот референдум не имел официального статуса, а результаты были затем использованы властями Курдистана для закрепления ряда норм в новой Конституции Ирака, принятой в октябре 2005 года. Иными словами, процедура референдума имела не только символическое значение (публичная фиксация многолетнего стремления курдов к созданию собственного государства), но и политическое и политико-правовое [26]. Решение о референдуме в сентябре 2017 года было принято на фоне роста политических амбиций Эрбиля после серьезных поражений «Исламского государства» от курдских вооруженных подразделений (пешмерге). Помимо этого, правящая Демократическая партия Курдистана столкнулась с кризисом легитимности: поскольку срок пребывания на должности президента автономии Масуда Барзани закончился еще в 2013 года, но новые выборы руководителя региона не проводились. Это дало толчок к росту протестных настроений: в мае 2016 года две крупные оппозиционные партии

«Патриотический Союз Курдистана» и «Горран» заключили соглашение о партнерстве и стали координировать деятельность своих фракций в региональном парламенте (42 депутата из 111). Поскольку у правящей ДПК было всего 38 депутатских мест, под угрозой оказалась вся конструкция власти в автономии – от команды Масуда Барзани требовался неожиданный и смелый ход, который смешал бы карты оппонентам. Именно таким политическим ходом стало объявление о проведении референдума о независимости в Иракском Курдистане [18].

Были ли экономические причины проведения этого референдума? Исследователи Ф. Шумер и Дж. Джозеф высказали точку зрения, что таких причин не было и референдум был проведен исключительно по политическим соображениям. По их мнению, в составе Ирака Курдистану были гарантированы преимущества, связанные с мирным развитием. Действительно, в 2013 году курдские провинции Эрбиль, Дохук и Сулеймания демонстрировали лучшие показатели по экономическому росту и показателям ВВП на душу населения среди других административных единиц Ирака. Более того, внешнеторговая деятельность Иракского Курдистана во многом достигла такого высокого уровня из-за заинтересованности региональных игроков в том, чтобы автономия оставалась в составе Ирака. Действительно, восстановление в 2013 году трубопровода Киркук-Джейхан не могло бы состояться, если бы турецкие власти не видели бы в этом инструмент давления на Эрбиль и механизм сдерживания амбиций курдов. В итоге, Ф. Шумер и Дж. Джозеф уверены: поскольку регион импортировал 80-90% товаров повседневного потребления, а его крупнейшими торговыми партнерами были Турция и Иран – экономические интересы Курдистана заключались в том, чтобы не обострять политические противоречия с соседями и извлекать выгоду из текущего положения, а не менять статус-кво [24].

Представляется, что ситуация была не столь однозначной. Во-первых, зависимость экономики Курдистана от иракских властей сильнее всего сказалась в тех отраслях, где власти автономии не имели полномочий, – в сфере монетарной и кредитной политики. Курдская автономия для борьбы с экономическими последствиями экспансии «Исламского государства» не могла прибегнуть к фискальным методам пополнения бюджета (из-за исходной низкой налоговой базы). В таких условиях, уход инвесторов или даже временная заморозка инвестиционных проектов обозначили перед властями автономии и невозможность полноценного использования кредитных инструментов международных организаций (таких как МВФ). Кроме того, из-за нахождения эмиссионных центров иракского динара вне сферы ведения Иракского Курдистана власти автономии не могли повлиять на экономическую ситуацию с помощью инструментов монетарной политики. Таким образом, при получении независимости Курдистан смог бы использовать сразу несколько финансовых инструментов для борьбы с экономическими кризисом (а не только секвестр бюджета).

Во-вторых, в регионе сформировалась моноориентированная и сравнительно автономная экономическая система. Проще говоря, в Иракском Курдистане отмечается классическая «голландская болезнь», при которой развитие нефтедобывающего сектора экономики в обязательном порядке влияет и на развитие политической сферы жизни. В современной политической науке считается доказанным, что наличие «голландской болезни» ведет, как минимум, к двум последствиям. Во-первых, тот политический режим, который контролирует добычу и экспорт нефти, становится более стабильным, а, значит, получает возможность вести более настойчивую политику – как внешнюю, так и внутреннюю. Во-вторых, неравномерность распределения нефтяной ренты ведет к росту конфликтности не только в рамках одного государства со сравнительно бедным населением, но и в соседнем с ним географическом ареале [23].

В случае Иракского Курдистана, второй фактор – рост конфликтности в условиях неравномерного распределения нефтяной ренты – несомненно, сыграл роль в решении властей автономии пойти на обострение противостояния с Багдадом. Именно этим объясняется жесткая риторика Масуда Барзани накануне референдума в отношении Ирака: «Это теократическое, сектантское государство. У нас своя география, земля и культура. У нас свой язык. Мы отказываемся подчиняться. [...] Парламент в Багдаде – не федеративный парламент. Это шовинистский, сектантский парламент. Доверие к Багдаду – нижу нуля» [7]. Что касается первого фактора – роста уверенности режима в Эрбиле в условиях стабилизации нефтяных доходов – тут взаимосвязь с референдумом не настолько прямолинейная, поскольку доходы автономии упали в 2014-2017 гг. из-за экономических последствий экспансии «Исламского государства» и противоречий с Багдадом относительно Киркука и нефтяных доходов.

В итоге, референдум о независимости Иракского Курдистана прошел в сентябре 2017 года без особенных происшествий: 92,7% проголосовавших высказались в поддержку независимости автономного региона. Это событие вызвало практически единодушное осуждение со стороны региональных (Сирия, Турция, Иран) и глобальных игроков (США, ЕС, Китай) – только Израиль и Россия высказались достаточно осторожно, сохраняя для себя возможности для дипломатического маневра. Даже Совет Безопасности ООН принял жесткое заявление о том, что последствия референдума будут «разрушительными» [8]. Не менее жесткой была реакция официального Багдада: губернатор Киркука был уволен, при негласной поддержке правительства нефтяные поля были заняты проиранской группировкой «Хашт-аш-Шаби» – это привело к приостановке транспортировки нефти из Киркука на север. Помимо этого, иракские власти утвердили пошлины для всех товаров, сделанных в Курдистане или ввозимых через Курдистан из Турции – на границе с автономией были устроены таможенные посты.

Из-за ощутимого давления внешних игроков и Багдада Эрбиль не пошел на провозглашение независимости по результатам референдума, что обусловило необходимость постепенной деэскалации напряженности с Багдадом и восстановления экономических связи внутри Ирака и с внешними партнерами курдской автономии.

Перезагрузка отношения Эрбиля и Багдада растянулась более чем на год. Только после смены руководства в Иракском Курдистане и провала на выборах в октябре 2018 года проамериканского премьер-министра Хайдера Аль-Абади возникли условия для переговоров федеральных властей и курдской автономии. В этих условиях внешним игрокам вновь понадобилась поддержка курдских политических сил для сдерживания политических противоречий в самом Ираке. В таких условиях курдские партии пошли на временный союз с проиранским блоком «Аль Фатх» и им удалось поспособствовать формированию правительства Адила Абдул-Махди, куда вошли умеренные иракские политики, которые, в основном, не настаивали на жесткой линии в отношении Иракского Курдистана. Интересно, что посредниками в переговорах между курдскими партиями и иракскими блоками «Аль Фатх» и «Ас-Сайирун», по всей видимости, были высокопоставленные иранские военные [1].

Активное участие ДПК и ПСК в иракских политических интригах привело к тому, что правительство Ирака стало постепенно снимать экономические ограничения для курдской автономии. В бюджете на 2019 год (принят в январе того же года) было закреплено, что федеральное правительство берет на себя содержание отрядов пешмерге и выплату зарплат служащим органов власти региона. Договоренность об этом между Эрбилем и Багдадом была достигнута еще в 2016 году, однако, объявление о проведении референдума фактически заморозило реализацию этой необходимой для курдской автономии меры. Помимо этого, ситуативная коалиция с проиранскими силами обеспечила Иракскому Курдистану дополнительные преференции: проиранская группировка «Хашт-аш-Шаби» отошла из западной части провинции Ниневия и части провинции Дияла, разблокировала добычу нефти в Киркуке и ее экспорт. Более того, достаточно комфортным для Эрбиля оказался компромисс по продаже нефти: автономия и взяла на себя обязательство передавать свыше 91 млн. баррелей в год в порту Джейхан в распоряжение государственной иракской компании SOMO (State Organization for Marketing of Oil). Но, при этом, невыполнение этого обязательства не накладывало никаких санкций на регион и давало федеральному правительству права прерывать финансирование отрядов пешмерге и зарплатного фонда служащих органов власти автономии [4]. Еще одной немаловажной уступкой Багдада стало снятие таможенных барьеров на границе с Иракским Курдистаном (за исключением границы провинций Дохук и Ниневия) и попытка унифицировать таможенные тарифы на основе сетки тарифов, установленных в автономии [6].

Передача нефти Багдаду в объеме 91 млн. баррелей нефти в год (250 тысяч баррелей в сутки) является вполне подъемной для Иракского Курдистана. Только добыча в провинции Киркук давала в 2017 году около 300 тысяч баррелей в день, а после возобновления добычи в конце 2018 года на уровне 50-60 тысяч баррелей в сутки, оставшийся дефицит вполне покрывался нефтью из других месторождений в курдской автономии [14]. По данным за 2017 год, Иракский Курдистан направлял в трубопровод Киркук-Джейхан в среднем около 400 тысяч баррелей в сутки, а в пиковые дни – до 700 тысяч баррелей [15]. Поскольку в 2019 году уровень добычи нефти в Иракском Курдистане вышел на уровень 400-500 тысяч баррелей в сутки, даже при полном выполнении обязательств перед Багдадом у Эрбиля оставалось в распоряжении порядка 150-200 тысяч баррелей в сутки [19].

В 2019 году начала возвращаться уверенность в экономическом будущем Курдистана. Строительные проекты, замороженные с 2014 года и в которые вложены миллиардные инвестиции, начали возобновляться. Добыча нефти достигла 450 000 баррелей в сутки. Объем торговли в регионе приближался к показателю в 19 млрд. долларов, что даже больше, чем в благополучные 2012 и 2013 годов. Затем последовала вспышка COVID-19, разрушившая эти надежды и опустошившая мировую экономику. Сейчас здоровье экономики Курдистана находится под угрозой удушья, и нет никакой гарантии, что она будет достаточно сильна, чтобы пережить многочисленные продолжающиеся глобальные кризисы, если правительство не проведет глубокие и радикальные экономические реформы, причем быстро. Курдистан, как и большинство нефтедобывающих регионов, в значительной степени зависит от доходов от продаж нефти. Сейчас 85% государственного бюджета Курдистана зависит от них, поэтому его восприимчивость к колебаниям нефтяных цен является фундаментальной экономической слабостью. Если цена на нефть останется ниже 50 долларов за баррель, то резко сократится не только основной доходный источник региона, но и его доля в федеральном бюджете [3].

В феврале 2020 года федеральные власти Ирака и Иракский Курдистан пришли к согласию по поводу федерального бюджета на 2020 год. В нем сохранились такие важные параметры как выплаты из иракского бюджета курдским ополченцам и региональным служащим, а также фиксированный объем нефти, передаваемый автономией, в общегосударственный фонд нефти. Однако, на фоне политического кризиса в Ираке, Эрбилю пришлось подтвердить договоренность по передаче части нефти компании SOMO. То есть, сформировался важный экономический принцип: не только Курдистан зарезервировал себе долю в доходах Ирака, но и Ирак зарезервировал себе долю в нефтяных доходах региона. В то же время, Эрбиль отложил исполнение обязательств по отношению к SOMO до конца затяжного правительственного кризиса в Ираке, то есть выгадал 2-3 месяца в 2020 году (порядка 40 млн. долларов) [16].

В марте 2021 года Иракский парламент 215 голосами из 329, что свидетельствует почти о полном консенсусе по данному вопросу, принял статью 11 законопроекта о федеральном бюджете, которая касается доли региона Курдистан, сообщают государственные СМИ. «Статья, которая была принята, была измененной версией [...], в которой Региональное правительство Курдистана передаст Багдаду доход в размере не менее 250 000 баррелей по цене SOMO» – сказал депутат коалиции «Надежда» Ахмад Хаджи Рашид. «Я поздравляю всех жителей Курдистана», – заявил журналистам вице-спикер иракского парламента Башир Хаддад. «Доля Курдистана составляет 12,67% бюджета», – отметил он. В сухих цифрах это составляет 11 триллионов 482 миллиарда иракских динар (или 7 миллиардов 745 миллионов долларов). Эрбиль сильно полагается на Багдад в своих средствах, но вопрос о нефти в обмен на бюджет был острым вопросом между обеими сторонами. Делегация КРП во главе с заместителем премьер-министра Курбадом Талабани несколько раз посещала Багдад, чтобы попытаться решить этот вопрос [2; 20; 17].

Компромисс между Багдадом и Эрбилем привел к оживлению экономики региона. По данным на 2019 год, было возобновлено порядка 60% «довоенных» инвестиционных проектов в сфере образования, здравоохранения, транспорта и совершенствования работы органов власти. Поступления из федерального бюджета позволили властям автономии начать выплату долгов перед подрядчиками – было выплачено порядка 50% от объема задолженности. Более того, в трех провинциях Курдистана были сформированы бюджеты развития и туда было направлено в совокупности свыше 250 млн. долларов в 2019 году [10].

Несмотря на некоторое оживление экономики региона, социально-экономическая ситуация остается достаточно тяжелой. Даже по официальным данным регионального правительства Курдистана, пока не удалось выйти на довоенные показатели по уровню бедности. По утверждениям региональных властей, в 2012 году уровень бедности составлял 3,5%, в 2014 – 12,5%, в 2018 – 5,5% [2]. С учетом неполноты официальной статистики, реальное положение дел, вероятно, ближе к средним показателям по Ираку – порядка 15-20%. В таких условиях сложно ожидать быстрого восстановления потребительского спроса – даже в условиях некоторого роста заработных плат.

В целом, по итогам референдума 2017 года стало ясно, что Иракский Курдистан пока не может сформировать независимую экономическую систему. Во-первых, это оказалось невозможным из-за внешнего давления, к которому Эрбиль чувствителен из-за ориентированности экономики автономии на экспорт нефти. Во-вторых, это оказалось невозможным из-за слабой развитости внутреннего рынка, низкой налоговой базы и невысокого потребительского спроса. Недостаточная «емкость» рынка Иракского Курдистана стала причиной того, что Эрбилю не хватило налогово-бюджетных

инструментов для борьбы с кризисом, а денежно-кредитные инструменты – остались в ведении федерального правительства Ирака. Иными словами, экономика Иракского Курдистана благодаря активной внешнеторговой деятельности к 2017 году стала в значительной степени автономной, но – не независимой. А, значит, не сформировалось достаточных экономических условий для провозглашения независимости региона.

Неполные данные за 2018-2019 год наглядно демонстрируют, что оживление экономики региона после восстановления народнохозяйственных связей с федеральным правительством Ирака и остальными регионами страны пока не носит системного характера – это скорее рост «с низкой базы». С учетом того, что экономика Иракского Курдистана существенным образом зависит от внешней конъюнктуры цен на нефть, это оживление можно считать обратимым. Региону требуются цены на уровне 50-60 долларов за баррель, что в условиях долгосрочной тенденции падения цен на нефть – далеко не гарантировано. Поэтому перед курдской автономией, как никогда, остро стоят вопросы диверсификации своей экономики – в первую очередь, перевода получаемых средств из нефтяной отрасли на развитие сельского хозяйства, городской и транспортной инфраструктуры, а также, возможно, простейшей нефтехимии и нефтепереработки. Помимо этого, перед регионом со всей очевидностью стоит задача развития частной инициативы, сокращения раздутого и малоэффективного государственного сектора экономики, что позволит не только сократить расходы регионального бюджета, но и снизить зависимость от Багдада.

Наконец, необходимо отметить, что проведение референдума о независимости в 2017 году в среднесрочной перспективе поспособствовало более глубокой интеграции Иракского Курдистана и остальной части Ирака, поскольку возникла не только совместная таможенная политика федерального центра и курдской автономии, но и общая внешнеторговая политика, при которой часть нефти Курдистана передается иракской государственной компании SOMO. По сравнению с 2012-2013 гг. уровень автономности экономической системы региона, скорее, уменьшился, на что несомненно повлияли боевые действия с «Исламским государством» и несколько лет, которые регион прожил с дефицитным бюджетом.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) The Kurdistan region of Iraq.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выборы после ИГИЛ. Сможет ли Ирак выйти из-под влияния Тегерана // <https://carnegie.ru/commentary/76623>.

2. Парламент Ирака принял статью о доле Курдистана в законопроекте о бюджете. 2021 // <https://riataza.com/2021/03/31/parlament-iraka-prinyal-statuyu-o-dole-kurdistana-v-zakonoproekte-o-byudzhete/>.

3. Экономика Курдистана нуждается в радикальных реформах. 2020 // <https://riataza.com/2020/04/02/ekonomika-kurdistana-gluboko-nuzhdaetsya-v-radikalnyh-reformah/>.

4. After Iraqi Kurdistan's Thwarted Independence Bid. 2019 // <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iraq/199-after-iraqi-kurdistans-thwarted-independence-bid>.

5. *Anaid A.* The nature of political economy challenges of the Kurdistan region of Iraq // *Iraqi Kurdistan's Statehood Aspirations*. Ed. by A., Anaid A., E.E. Tugdar. Palgrave Macmillan. Cham, 2019.

6. Baghdad officials finalize customs deal with Erbil. 2018 // <https://www.rudaw.net/english/business/19112018>.

7. Barzani on the Kurdish referendum: 'We refuse to be subordinates'. 2017 // <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/22/masoud-barzani-on-the-kurdish-referendum-iraq-we-refuse-to-be-subordinates>.

8. *Changfeng Z., Temitayo O.* Iraqi Kurdistan's Referendum for Independence: Causes and Impacts // *Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 6. № 2.

9. *Fidan C.B.* Turkish business in the Kurdistan region of Iraq. 2016 // <http://academicrepository.khas.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12469/424/Turkish%20Business%20in%20The%20Kurdistan%20Region%20of%20Iraq.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

10. Indicators signal Kurdistan Region's return to economic boom in 2019. 2019 // <https://www.rudaw.net/english/analysis/14042019>.

11. Iraq's Constitution of 2005 // https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005.pdf?lang=en.

12. Iraq's Kurdistan poised for bumper gas growth. 2017 // <https://www.reuters.com/article/us-kurdistan-dana-gas/iraqs-kurdistan-poised-for-bumper-gas-growth-idUSKCN1BF1SL>.

13. Iraq restarts some Kirkuk oil exports after year-long halt. 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan-oil/iraq-restarts-some-kirkuk-oil-flows-after-year-long-halt-sources-idUSKCN1NL12A>.

14. Iraq restarts some Kirkuk oil exports after year-long halt. // 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan-oil/iraq-restarts-some-kirkuk-oil-flows-after-year-long-halt-sources-idUSKCN1NL12A>.

15. Iraq: Baghdad and Kurds strike deal to resume Kirkuk oil exports. 2018 // <https://www.aljazeera.com/news/2018/11/iraq-baghdad-kurds-strike-deal-resume-kirkuk-oil-exports-181116170010040.html>.

16. Iraqi Kurdistan agrees with Baghdad on 2020 budget share: state media. 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-iraq-oil-budget/iraqi-kurdistan-agrees-with-baghdad-on-2020-budget-share-state-media-idUSKBN1ZZ0UG>.

17. Iraqi parliament approves Kurdistan's share of 2021 budget. 2021 // <https://www.kurdistan24.net/en/story/24197-Iraqi-parliament-approves-Kurdistan%E2%80%99s-share-of-2021-budget>.

18. *Kaplan M.L.* Foreign Support, Miscalculation, and Conflict Escalation: Iraqi Kurdish self-determination in perspective // *Ethnopolitics*. 2018. Vol. 18. № 1.

19. Kurdistan still to iron out new oil deal with Baghdad. 2020 // <https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-kurdistan/kurdistan-still-to-iron-out-new-oil-deal-with-baghdad-idUSKBN1ZM2TO>.

20. Kürdistan Bölgesi'nin Irak bütçesindeki payı belli oldu. 2021 // <https://www.rudaw.net/turkish/business/190420211>.

21. *Mohammadali Z.M., Abdulkhalig S.S.* Prospects and Challenges of Entrepreneurship Development in the Kurdistan Region of Iraq: An Overview // *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*. 2019. Vol. 7. № 2.

22. *Palani K. et al.* Strategies to Gain International Recognition: Iraqi Kurdistan's September 2017 Referendum for Independence // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. № 1.

23. *Ross M.L.* The Politics of the Resource Curse // *The Oxford Handbook of the Politics of Development*. Ed. by C. Lancaster, N. van de Walle. Oxford; Oxford University Press, 2018.

24. *Sumer F., Joseph J.* The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 45. № 4.

25. The Kurdistan region of Iraq – Reforming the economy for shared prosperity and protecting the vulnerable. Main Report. Washington, D.C.: World Bank. 2016 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/672671468196766598/pdf/106132-v2-main-report-P159972-PUBLIC-KRG-Economic-Reform-Roadmap-post-Decision-Review-05-30-16.pdf>.

26. The Kurdish referendum won't deliver independence – here's why it matters anyway. 2017 // <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/09/19/the-kurdish-referendum-wont-deliver-independence-heres-why-it-matters-anyway/>.

27. *Torelli S.M.* Kurdistan. An Invisible Nation. Edizioni Epoké. 2017.

28. *Voller Y.* Kurdish oil politics in Iraq: Contested sovereignty and unilateralism // *Middle East Policy*. 2013. Vol. 20. № 1.

MEHMET EMIN İKBAL DURRE

*Associate Professor
in the Department of Regional Science
of Moscow State Linguistic University (MSLU),
Moscow, Russia*

IRAQI KURDISTAN'S ECONOMIC POLICY BEFORE AND AFTER THE 2017 REFERENDUM

As expected, the referendum in northern Iraq on September 25, 2017 confirmed that the vast majority of residents of Iraqi Kurdistan and its surrounding territories (over 90 percent of those who took part in the referendum with

a rather high voter turnout) are in favor of the independence of the Kurdish region. Moreover, not only Kurds voted, but also representatives of other ethnic groups from among the local population (Arabs, Turcomans, Armenians, Assyrians, etc.). The referendum led to a deepening economic crisis in autonomy: after the complete cessation of salary payments to employees of the Baghdad region, having conducted a military operation, Erbil deprived the oil fields in the province of Kirkuk, which brought him half the income from all exports of “black gold”. More than a hundred thousand refugees who fled their homes located in the disputed territories after the arrival of Iraqi military and Shiite militias from al-Hashd al-Shaabi added problems to the Kurdish authorities. Despite all that, there are considerable prospects for the economic revival of the region, which, of course, will take a long time and will depend on the position of the authorities and representatives of all nations of its population.

Key words: *Iraqi Kurdistan, Kirkuk, referendum, constitution, parties, economy, budget, potential, oil, gas.*

DOI 10.35775/PSI.2021.73.9.017

УДК 32.327

И.С. АМИАНТОВА

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

ORCID ID: 0000-0003-1543-0815

А.В. БАКАРЮХИНА

*студент кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

СООТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЕРМАНИИ¹

Идентичность населения современной Германии представляет собой амбивалентный комплексный феномен, проявляющийся как на региональном, так и на общенациональном уровнях. Такая сложность обусловлена историческим развитием государства, которое долгое время не обладало культурной, языковой и пространственной целостностью, чей характер веками формировался под влиянием самостоятельных княжеств. Процессы социально-политической и культурной интеграции территорий привели к формированию общенациональной идентичности немцев. И с этим возникает вопрос о соотношении двух источников самоидентификации.

В данной статье рассматриваются такие категории, как региональная и общенациональная идентичности, историческая обусловленность их формирования, способы их проявления в настоящее время, делается вывод относительно соотношения 2-х идентичностей.

Ключевые слова: *региональная идентичность, национальная идентичность, Германия, племенные герцогства, немецкий язык, немецкие диалекты, немецкий менталитет, региональные стереотипы в Германии, Мартин Лютер, «культурная нация», национальное государство.*

Идентичность в Германии представляет собой комплексный феномен. С одной стороны, на протяжении долгого периода в истории существовали отдельные территории, население которого обладало высоким уровнем

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Интеграция и идентичность в глобальном мире: поиски баланса» № 100926-0-000.

самосознания; у него поэтому формировалась собственная идентичность, с другой стороны, со времен средневековья постепенно возникало национальное сознание, развивалась общенемецкая идентичность. Эта амбивалентность видна и сегодня. Языковое многообразие, культурные особенности регионов, собственные традиции и кухня являются неотъемлемой частью немецкой региональной идентичности. Цель данной статьи заключается в определении соотношения двух понятий: национальная и региональная идентичность в Германии.

О региональной идентичности в Германии. Региональная идентичность играет сегодня достаточно большую роль для немцев, несмотря на глобализацию и высокую мобильность как внутри Германии, так и в ЕС. Среди наиболее значимых формирующих ее факторов – история, язык и культурные особенности.

Углубляясь в историю Германии, можно понять, что региональная идентичность имела первостепенное значение для немцев. С момента обособления племенных герцогств в отдельное государство (Королевство Германия) в IX веке на территории проживало множество племен, говоривших на собственных языках и обладающих своими отличительными характеристиками. Необходимо понимать, что они, живя довольно обособленно друг от друга, не идентифицировали себя как нечто единое и общее. И вообще можно полагать, что путь к духовному объединению и т.н. «немецкой нации» был довольно затруднен по следующим причинам: во-первых, племена долгое время находились в составе Франкского государства, память о котором была еще свежа, и требовалось время, чтобы ее стереть; во-вторых, племена были довольно независимы и обладали высоким уровнем самосознания [9. С. 8]. Как указывают исторические источники, отсутствие гомогенности среди простого населения прослеживается в плоть до 17 века; в случае какого-либо спора в суде швабский и франкский крестьяне не смогли бы объяснить и понять друг друга в силу того, что каждый из них говорил на своем диалекте [9. С. 11]. Это касается и особенностей менталитета территорий: к этому времени появляются уже «автостереотипы» – представление о себе, о своем «Я» у различных территорий. Так, Швабия имела дурную репутацию и была прозвана «распутной», «неприличной» (нем. «unkeusch»), Бавария – «невоспитанной» (нем. «grob») и «пьянствующей» [6. С. 37-73].

С самого начала Германия не пошла по пути жесткой централизации власти и создания абсолютистской монархии (как это было в соседнем государстве – Франции). На протяжении большей части своей истории Германия воплощала в себе суть союза земель, обладала основными признаками федеративного государства. Это можно увидеть уже в Священной Римской империи германской нации, которая состояла из множества суверенных территориальных единиц (как, например, Маркграфство Бранденбург, Герцогство Саксония). Вплоть до создания Веймарской республики роль центральной

власти заключалась в общем координировании действий. Так в XVI веке развернувшаяся на территории Священной Римской империи имперская реформа не послужила укреплению власти верхушки управления государством; ее результатом стал консенсус между императором и территориями: невозможно как одностороннее усиление власти императора, так и лишение власти имперских сословий (представители таких чинов были правителями на территориях в Священной Римской империи и имели там территориальный суверенитет); будущее государства заключалось в совместной работе имперских сословий и императора. Последний был наделен статусом «*Primus inter pares*» – первый среди равных [9. С. 10].

Что касается языка, то по оценкам исследователей сегодня существуют около 20 групп диалектов, наибольшими из которых считаются баварский, берлинский, франкский, гамбургский, гессенский, кельнский, нижненемецкий (платтдойч), пфальцский, саксонский и швабский [5]. Образование немецких диалектов – это продукт естественного изменения языка. Такие изменения были, однако, в силу географии не везде одинаковыми. В результате второго передвижения согласных, которое наступает в VI–IX веках н.э. в пределах Альп и распространяется на север вплоть до «Линии Бенрата», язык дифференцируется, и возникают нижненемецкий и верхненемецкий диалекты. В последнем выделяется средненемецкая зона, которая является своеобразным переходом от юга, где передвижение согласных повлияло на язык определяющим образом, к северу, где передвижение согласных не имело никакой силы. «Раздробленность» территории, наличие множества княжеств, живущих довольно самостоятельно, недостаточная мобильность населения повлияли на то, что диалекты стали еще больше дифференцироваться. На сегодняшний день они, к сожалению, исчезают из повседневной жизни людей, что отчасти ведет к утрате региональной идентичности. На севере Германии литературный немецкий практически полностью вытеснил диалекты. На юге за ними, тем не менее, еще осталось влияние на повседневную разговорную речь. Так, в Баден-Вюртемберге выдвигался очень популярный слоган «Мы можем все. Кроме литературного немецкого» („Wir können alles. Außer Hochdeutsch“) [17]. Туда, где диалекты забываются, приходят т.н. региолекты, занимающие промежуточное положение между диалектами и литературным языком. Согласно социальному опросу, проведенному Институтом немецкого языка в Мангейме, каждый второй утверждает, что он может говорить на одном из немецких диалектов, хотя частота его употребления очень разная [8] (1). Несмотря на то, что в некоторых регионах диалект утрачивает свое влияние в повседневной жизни, в таких землях, как Бавария или Баден-Вюртемберг, он по-прежнему имеет большое значение. Здесь можно провести такую корреляцию: согласно опросу среди немецкого населения, в этих землях самоидентификация с федеральной землей преобладает над самоидентификацией с целым государ-

ством. 25 процентов населения Баварии определяет себя в первую очередь как баварцев (17 процентов – как немцев); 32 процента населения в Баден-Вюртемберге идентифицируют себя непосредственно с этой федеральной землей (23 процента с Германией в целом) [14].

Что касается менталитета и характера – категорий, напрямую связанных с понятием «идентичность», то здесь также имеются различия в зависимости от региона. Исследователи Йенского университета проанализировали данные более 70.000 участников социального опроса, целью которого было определить, какие черты характера присущи жителям того или иного региона. Очевидно, что во всех регионах живут совершенно разные, не похожие друг на друга по характеру люди. Однако удалось все же выявить определенные тенденции. Так, по результатам анализа люди, живущие в южных федеральных землях, представляются более открытыми и общительными нежели жители северного региона. Так же и с уровнем доброжелательности: в северной части Германии она выражена меньше, чем в южном регионе. Это соответствует стереотипу о том, что северные немцы более холодные в отношениях с людьми, а южные, наоборот, очень теплы в общении. А вот уровень сознательности, как показывают данные, выше в северной Мекленбург-Передней Померании, чем в южном Баден-Вюртемберге. В южных землях уровень нейротизма ниже, чем в северных. Это значит, что люди, проживающие на юге, более спокойные и уравновешенные в отличие от людей на севере Германии, чьи результаты анализа указывают на повышенную тревожность. Это также соответствует стереотипу о благодушном характере южан [12. С. 14-15].

Как видно из исследования, существует довольно значительная корреляция между действительностью и стереотипами. Несмотря на то, что они являются упрощенными и обобщенными представлениями, они ориентируют людей в межгрупповом общении, работая по схеме «свой-чужой». Ряд ученых включают стереотипы в общую совокупность компонентов, формирующих региональную идентичность. Представляется необходимым рассмотреть более детально, какие стереотипы о регионах еще существуют.

Юг Германии отличается, по мнению одного из ведущих новостных порталов Business Insider, старательностью, успешностью и даже небольшой самонадеянностью своих жителей. Объясняется это тем, что исторически в этом регионе процветали частные мелкие фермерства, что позволяло жить достойно достаточно широкому кругу населения, а не маленькой группе людей [3]. Такого же мнения и социолог Бруно Хильденбранд, высказывающий мнение о том, что южные немцы более склонны брать ответственность за происходящее в их жизни, чем северяне, чьи ментальные установки сложились, прежде всего, под влиянием того, что им приходилось работать на юнкеров (помещиков). Из-за этого у них, по словам ученого, слабо развивался институт общественной инициативы [18]. Как уже

говорилось, северные немцы более закрытые и холодные. Они обладают сухим юмором. Согласно стереотипам, в Швабии живут очень трудолюбивые и бережливые люди, что можно объяснить тем, что регион в прошлом был бедным, и поэтому людям приходилось обходиться с деньгами очень осторожно. Проживающие в районе Рейна немцы очень открытые, веселые и общительные. Они любят устраивать праздники. Свидетельством тому являются проходящие в этом регионе ежегодные карнавалы [11].

Уникальная история регионов Германии, их языковые особенности, местные традиции и кухня (дирндль, ледерхозен и белая колбаса в Баварии, пфальцский лебервурст или лабскаус на севере Германии и многое другое) формируют у немцев региональную идентичность. Несмотря на это, большинство населения (31 %) все же идентифицируют себя напрямую с государством (лишь 13% ставят идентификацию с регионом на первое место). Хотя региональная идентичность на протяжении большей части истории Германии преобладала над общенациональной, последняя на сегодняшний день определяет идентичность немцев.

Об общенациональной идентичности в Германии. Как было уже сказано, самодостаточность племенных герцогств и федеративный путь выстраивания государства повлияли на то, что у населения Германии долгое время отсутствовало чувство национального единства. Последнее возникало постепенно со времен Высокого средневековья как нечто второстепенное, новое и незнакомое.

Как ни странно, в центре формирования общей немецкой идентичности стоит немецкий язык. Кристаллизация общего и понятного для всех языка – в первую очередь письменного – происходит сначала в элитных кругах. Это связано, прежде всего, с развитием письменной коммуникации в политическом поле. Здесь необходимо упомянуть канцелярии советов в городах Эгер (нынешний Хеб) и Нюрнберг, а также канцелярию саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого, которые внесли большой вклад в создание всеобщепонятимого диалекта немецкого языка [9. С. 10].

Немаловажную роль сыграл Мартин Лютер. Его относят к тому небольшому числу деятелей, которые оказали непосредственное воздействие на формирование современного немецкого языка. Мартин Лютер видел свою задачу в том, чтобы устранить разрыв между диалектами южан и северян, создать такую языковую форму, которая бы была понятна обоим категориям населения. Это ему удалось сделать в переводе Библии. При этом он ориентировался на 2 критерия: канцелярский язык и язык в народе. Что касается первого, то язык, используемый в саксонских канцеляриях, особенно в канцелярии саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого, лег в основу «нового» немецкого [13. С. 7-8]. Объяснить это можно следующим образом: его канцелярия состояла в переписке с чиновниками канцелярии эрцгерцога Австрийского Максимилианом I, и это требовало создания универсальных

форм выражения, лишенных специфических диалектных слов, грамматических особенностей региона [7]. Другое объяснение, почему Лютер выбрал именно саксонскую форму диалекта, заключается в том, что данная территория с конца X века активно подвергалась колонизации со стороны немецких племен и была в итоге населена людьми, происходящими из разных регионов и говорящими на различных диалектах. Естественным продуктом совместного проживания был язык, который включал в себя элементы как нижненемецкого, так и южнонемецкого диалектов. Однако, можно сказать, что Лютер заимствовал только внешнюю форму канцелярского языка, подвергая критике стремление канцелярии к постоянному изменению синтаксиса и грамматических форм, а также к составлению длинных и запутанных предложений с замысловатыми словами. Как уже было сказано, другим компонентом был язык, используемый в народе, из которого он взял общепотребимые понятия, словосочетания и устойчивые выражения [13. С. 9]. Лютеровский перевод Библии стал очень популярным среди населения. В 1520-х годах было выпущено порядка 10.000 экземпляров. Для южных и западных немцев к ним специально прилагался глоссарий, объясняющий непонятные слова. С приобретением широкой популярности, слова, используемые в переводе Библии, вошли в оборот речи и в южных регионах [7].

Без сомнения, можно говорить, что Мартин Лютер тем, что он оказал огромное влияние на «унификацию» немецкого языка, внес также вклад в формирование чувства национального единения. Произошла эмансипация немецкого от латинского языка, на котором говорили и писали образованные слои населения. В связи с этим немецкий язык становился в центр общественной и культурной жизни, тем самым объединяя общество.

Размышляя дальше о формировании чувства национального единства у немецкого населения, необходимо разделять 2 понятия: нация через культурное или государственное определения (*Kulturnation und Staatsnation*). В случае Германии первое предшествовало второму. В эпоху Просвещения стали разрушаться прежние традиционные связи между сословиями, происходила эмансипация человека, и в этой связи были необходимы новые источники самоидентификации. В середине XVIII века в образованном слое населения зарождалось национальное самосознание [2. С. 51]. Оно базировалось прежде всего на общем языке, традициях, а также на воспоминании о таких великих исторических фигурах, как Лютер и Гуттенберг. Такая нация не имела определенно установленных границ [16]. Один из мыслителей, отстаивавших идею «культурной нации», был знаменитый немецкий поэт и философ Фридрих Шиллер, который посвятил ей стихотворение «Немецкое величие». В одном из его фрагментов говорится следующее: «Немецкая империя и немецкая нация – это две разные вещи. Величие немцев никогда не основывалось на главенстве их фюрстов (князей). Находясь в стороне от политики, немец сформировал свои собственные ценности, и даже ког-

да империя пала, честь немецкого народа осталась непоколебимой. «...» Она суть нравственное величие, она живет в культуре и в характере нации, которая не зависит от ее политической участи» [1] (2). Другим известным теоретиком данной идеи является немецкий мыслитель и историк культуры Иоганн Готфрид Гердер, который говорил, что развитие человечества происходит за счет развития культуры и духа отдельных наций, каждый человек может полноценно развиваться только внутри своего языка и культуры и что он выполняет при этом свое предназначение, развивая нацию, в которой он родился [2. С. 51]. Зародившись изначально в элитных кругах, данные идеи, с ростом образованного слоя населения во второй половине XVIII века, приобретают все бóльшую популярность и становятся общественно резонансными, способствуя дискуссиям и разговорам о сущности немецкой идентичности.

Мысли о национальном единстве, основанном на языковой и культурной общности населения, начинают приобретать политический характер в связи с французской оккупацией во время Освободительной войны против Наполеона (1813-1815) и получают все бóльшее внимание со стороны общественности в ходе ее мобилизации. Так образуется национальное движение. Катализатором того, что оно так быстро становилось популярным, является, во-первых, переломное в общественно-политической жизни время: распад Священной Римской империи германской нации и навязывание Наполеоном нового государственного строя, что означало разрушения привычных для данной общества связей и представлений об организации общественно-политической жизни. Во-вторых, национальное движение приобрело особое значение также потому, что оно ориентировалось на ценности прошлого и таило надежду на светлое будущее. В-третьих, его популярность обуславливается тем, что в начале XIX века интенсивно развивается общий немецкий рынок, происходит увеличение производства книг и журналов, во многих городах основываются читательские клубы и другие общественные объединения (например, гимнастическое движение Фридриха Людвиг Яна), а также городские музеи, которые являлись продуктом общественной инициативы. Это все, с одной стороны, еще больше объединяло немцев и, с другой стороны, ускоряло распространение идеи о национальном единстве [1]. Патриотическое движение требовало, в первую очередь, право на самоопределение немцев и, соответственно, образование единого преемственного Священной Римской империи германской нации государства из на то время существовавших партикулярных княжеств. Оно добилось этого в 1871 году, когда образовалась Германская империя, *национальное государство*, заменившее собой «культурную нацию».

На протяжении истории происходили переломные моменты, которые меняли как идентичность, так и менталитет населения. Такие трагические события, как Первая мировая война, приход к власти национал-социалистов

и Вторая мировая война, оказали сильное воздействие на самоидентификацию немцев. Еще десятилетия после окончания войны они слабо идентифицировали себя с Германией. По сравнению с другими европейскими нациями у них практически отсутствовало национальное самосознание, которое только позже начало к ним возвращаться [10]. Воссоединение ГДР и ФРГ, экономическое процветание Германии, эффективное правительство, нацеленное на благосостояние граждан, участие в международных спортивных соревнованиях и т.д. – все это повлияло на то, что население смогло снова идентифицировать себя с государством. Через что же определяют немцы себя сегодня? Какие национальные нарративы существуют в Германии?

В 2014 году группой ученых проводилось исследование «Deutschland postmigrantisch», целью которого было выявить, как население Германии себя сегодня определяет, через что оно себя идентифицирует и какие у него основные ценности. Исследование особенно актуально, т.к. оно включает в себя эмпирические данные о людях с миграционным прошлым. Как оно показало, население Германии на вопрос, с каким историческим событием оно себя связывает, больше не идентифицирует себя с ужасами национал-социализма и чувством вины из-за холокоста, ассоциируя себя с падением Берлинской стены и воссоединением ГДР и ФРГ, что представляет собой положительную идентификацию. Что касается качеств, которые население связывает с Германией, то среди них выделяется пунктуальность, порядок, трудолюбие, нацеленность на достижения и эффективность, а также демократия, свобода, безопасность, дружелюбность и открытость миру. Это доказывает, что население обладает позитивным представлением о себе. Подавляющее большинство людей идентифицирует себя с Германией и чувствуют свою принадлежность этой стране. 85,1 процентов населения соглашались с утверждением «я люблю Германию»; для 45,6 процентов важно, чтобы другие воспринимали их как немцев, и 81,8 процентов определяют себя как таковые. Примечательно, что население с миграционным прошлым показывает также тесную связь с этой страной, идентифицирует себя с ней [2]. Были выявлены следующие критерии принадлежности к немецкой идентичности: на первом месте находится способность говорить по-немецки («за» – 96,8%), на втором – наличие гражданства Германии («за» – 78,9%), на третьем – способность говорить на немецком языке без акцента («за» – 40,8%), на четвертом – отказ носить хиджаб («за» – 37,8%), на пятом – наличие немецких корней («за» – 37,0%) [4. С. 25-27]. Из этих данных видно, что самоидентификация с Германией определяется скорее не через этническую, а через гражданскую принадлежность. Тот факт, что приблизительно треть населения отрицает возможность ношения хиджаба в рамках немецкой идентичности показывает амбивалентное отношение к людям с миграционным прошлым. Исследование показывает, что, несмотря на высокую степень открытости и принятия, мусульманская община не включена полностью в социально-политическое поле Германии.

Итак, процесс формирования национального самосознания и общей идентичности у немцев протекал довольно медленно. Со времени Высокого средневековья постепенно начинают появляться «связующие звенья», объединяющие многочисленные княжества и население: возникает и обретает популярность общеупотребимый диалект немецкого языка, а именно Hochdeutsch, активно используется готический архитектурный стиль, который немцы заимствуют из французской культуры и адаптируют на свой лад. Немного позже начинает интенсивно развиваться литература, и возникает такое описывающее немцев понятие, как «страна поэтов и мыслителей», или «народ поэтов и мыслителей» (das Land/das Volk der Dichter und Denker). Пик своего развития вышеупомянутый процесс достигает в XIX веке, когда происходит политическая мобилизация широких масс населения, готовых отстаивать идеи национального единства. Исторические события первой половины XX века имели огромное влияние на идентичность и менталитет немцев. Большой частью современной культуры немцев стала т.н. «культура памяти» (нем. Erinnerungskultur), не позволяющая забыть трагедию времени Второй Мировой войны. На сегодняшний момент они имеют положительное представление о своем Я, определяют себя как трудолюбивые, открытые, пунктуальные и любящие порядок. Большинство населения (как с миграционным прошлым, так и коренное) идентифицирует себя с Германией и в равной степени любит ее.

Идентичность немцев включает в себя как региональную, так и общенациональную идентичности. Они, однако, не входят в противоречие друг с другом, т.к. идентичность представляет собой всегда комплексный, многокомпонентный феномен. Несмотря на то, что исторически самоидентификация с регионом проживания была выше, сегодня она выражена не одинаково сильно во всех регионах и федеральных землях Германии. Большинство, согласно опросу, определяют себя прежде всего, как граждан ФРГ, и лишь треть от их числа идентифицируют себя через свою принадлежность к региону или земле. В таких землях, как Гамбург, Бавария, Баден-Вюртемберг очень большой процент населения, непосредственно связывающих себя с культурой своей малой родины. Примечательно, что в новых землях Германии (т.е. те, которые были в составе ГДР) постепенно развивается региональная идентичность. Политики видят большое препятствие в этом на пути к укрупнению федеральных земель [15]. Хотелось бы подчеркнуть еще раз, что в Германии идентификация происходит не по этническому, а по гражданскому критерию. Однако тот факт, что у немцев в связи с миграционными потоками возникает чувство страха перед «чужим», «незнакомым», подтверждает наличие целостной общенациональной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Bach C.* Wie sich die deutsche Nation erfand. Vom Zusammenhang von Kultur- und Staatsnation im 19. Jahrhundert. Die Politische Meinung, Nr. 536.

Konrad-Adenauer-Stiftung. 2016 // <https://www.kas.de/de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/wie-sich-die-deutsche-nation-erfand>.

2. Berg R. Selbmann R. Grundkurs deutsche Geschichte. Ein Lehr- und Arbeitsbuch für die Kollegstufe in Bayern. Band 1: 1800-1918. Cornelsen Verlag Hirschgraben. Frankfurt am Main. 1986 // <https://www.businessinsider.de/politik/deutschland-besteht-eigentlich-aus-fuenf-nationen-2016-6/>.

3. Business Insider. Deutschland besteht eigentlich aus fünf völlig unterschiedlichen Nationen. 2019 // <https://www.businessinsider.de/politik/deutschland-besteht-eigentlich-aus-fuenf-nationen-2016-6/>.

4. Foroutan N., Canan C., Arnold S., Schwarze B., Beigang S., Kalkum D. Deutschland postmigrantisch I. Gesellschaft, Religion, Identität. Erste Ergebnisse. Berliner Institut für empirische Integrations- und Migrationsforschung. Berlin. 2014.

5. Frank M. Dialekte: Welche es gibt und was ihre Merkmale sind. Online Focus. 2019 // https://praxistipps.focus.de/dialekte-welche-es-gibt-und-was-ihre-merkmale-sind_112792/.

6. Gotthard A. Vormoderne Lebensräume. Annäherungsversuch an die Heimaten des frühneuzeitlichen Mitteleuropäers. Historische Zeitschrift 276 (2003).

7. Heine M. Für die Bibelübersetzung mussten Schafe sterben. Welt. 2016 // <https://amp.welt.de/sonderthemen/luther-2017/article159059526/Fuer-die-Bibeluebersetzung-mussten-Schafe-sterben.html/>.

8. Krenn K. Dialekte in Deutschland: 7 Fakten zur Mundart. Agrarheute. 2021 // <https://www.agrarheute.com/land-leben/dialekte-deutschland-7-fakten-mundart-543297>.

9. Künzel W., Rellecke W. Geschichte der deutschen Länder. Entwicklungen und Traditionen vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Aschendorff Verlag GmbH & Co. KG, Münster. 2005.

10. Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg. 1945 und heute: Folgen des Zweiten Weltkriegs // <https://www.lpb-bw.de/kriegsende-1945undheute>.

11. MSN. Dirndl, Snobs und Currywurst – die zwölf gängigsten Bundesländer-Klischees. 2014 // <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/other/dirndl-snobs-und-currywurst-die-zwoelf-gaengigsten-bundeslaender-klischees/ss-BB5bpcI#image=12>.

12. Obschonka M., Wyrwich M., Fritsch M., Gosling S., Rentfrow J., Potter J. Von unterkühlten Norddeutschen, gemütlichen Süddeutschen und aufgeschlossenen Großstädtern: Regionale Persönlichkeitsunterschiede in Deutschland, Psychologische Rundschau. 2018.

13. Pauls G. Einfluss der Luther-Bibel auf den deutschen Sprachgebrauch. Sir Karl-Popper-Schule Wiedner Gymnasium, 2017.

14. Shz.de. Umfrage: Deutsche mögen Deutschland am liebsten. 2016 // <https://www.shz.de/deutschland-welt/panorama/umfrage-deutsche-moegen-deutschland-am-liebsten-id14850311.html>.

15. Tagesschau. Künftig nur noch sieben statt 16 Länder? 2009 // <https://www.tagesschau.de/inland/laenderneugliederung102.html>.

16. Thierse W. Die Kulturnation. Deutschlandfunk Kultur. 2005 // https://www.deutschlandfunkkultur.de/die-kulturnation.982.de.html?dram:article_id=153113.

17. Wasserrab J. Eine Deutschlandreise fürs Ohr. Deutsche Welle // <https://www.dw.com/de/eine-deutschlandreise-fürs-ohr/a-4230751>.

18. Welt. Warum die Süddeutschen «besser» sind. 2008 // <https://www.welt.de/wissenschaft/article1842940/Warum-die-Sueddeutschen-besser-sind.html>.

I.S. AMIANTOVA

*PhD in Political Sciences, Associate Professor
at the Department of Political Analysis
and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

ORCID ID: 0000-0003-1543-0815

A.V. BAKARYUKHINA

*Student, Department of Political
Analysis and Management, Peoples'
Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia*

THE CORRELATION OF REGIONAL AND NATIONAL IDENTITIES IN GERMANY

The German identity today represents an ambivalent complex phenomenon, which appears on both a regional and national level. This complexity is conditioned by the historical development of the state, which for a long time had no cultural, linguistic and dimensional integrity and whose nature is formed for centuries under the influence of independent stem duchies. The processes of sociopolitical and cultural integration of the territories led to the formation of a national identity of the Germans. And this raises the question of the relationship between the two sources of self-identification.

This article examines such categories as regional and national identities, the historical conditionality of their formation, the ways of their manifestation at the present time, and concludes about the ratio of 2 identities.

Key words: *regional identity, national identity, Germany, stem duchies, German language, German dialects, German mentality, regional stereotypes in Germany, Martin Luther, "cultural nation", national state.*

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ИЛИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ СООБЩЕСТВО?

Определение Европейского союза (ЕС) представляется сложным, поскольку его нельзя отнести к федерациям, подобно Соединенным Штатам Америки или к классическим международным организациям, как ВТО или ООН. В связи с этим возникает вопрос, как можно определить ЕС – как институт, стоящий над всеми странами Европы (наднациональный) или как объединение для сотрудничества между государствами ЕС (межправительственный). Цель данной статьи – ответить на вопрос, каким интеграционным сообществом ЕС является сегодня.

Для того чтобы классифицировать ЕС, необходимо определить понятия «наднациональный» и «межправительственный». Затем, будут рассмотрены некоторые из основных европейских институтов с точки зрения их состава и компетенции по отношению к государствам ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, европейская интеграция, Европейская Комиссия, Совет министров, Суд Европейского Союза.

Сущность «наднационального» и «межправительственного». Для понимания к какому типу интеграционных сообществ относится ЕС, необходимо определить содержание понятий «наднациональный» и «межправительственный». Одной из основных характеристик наднациональности является передача национальных компетенций наднациональному институту [1. С. 180]. При этом, по мнению, некоторых исследователей учреждение наднациональных институтов ограничивает суверенитет государств-участников [3. Р. 301]. Наднациональная организация, основанная на автономном правовом порядке, отличается от классических межправительственных объединений, таких как ООН или ВТО. В то же время нельзя отождествлять такие организации с государствами. Наднациональные организации не обладают изначальным суверенитетом. Еще одной особенностью является главенствующее положение закона, принятого наднациональными институтами органи-

зации. Наднациональное право приоритетнее национального. В случае нарушения наднациональных норм страной-участницей против нее применяются санкции. Таким образом, наднациональность существует тогда, когда полномочия наднациональной организации, закрепленные международными договорами, и разработанные ею нормы и правила являются обязательными для каждого отдельного государства-участника. Кроме того, созданные в рамках организации институты являются автономными по отношению к национальным органами власти.

Межправительственный подход характеризуется несколькими моментами. Наиболее важным аспектом, отличающим его от наднационального, является сохранение суверенитета. В соответствии с ним не существует никакой передачи национальных компетенций наднациональным институтам. Реализация суверенитета остается за национальными органами власти [8. Р. 17]. Достижение общих интересов является обязанностью национальных сил. Кроме того, не существует отдельного правового порядка, по правилам которого должны «играть» участники организации, а в случае несоблюдения опасаться санкций. Отсутствует также и высший правовой институт, который следил бы за соблюдением договоров. В лучшем случае имеет место добровольное подчинение арбитражному суду. Наднациональные институты, которые формируются в рамках интеграционной организации, играют роль гарантов взаимных общений между странами, то есть, что государства будут «исполнять свою часть сделок» [4. Р. 24]. Процесс принятия решений в межправительственных отношениях основан на принципе единогласия, а не на решениях большинства.

Характеристика институтов ЕС. Европейский совет. Европейский совет является классическим межправительственным институтом. В него входят главы исполнительной власти государств-участников ЕС. Его решения принимаются на основе консенсуса. Основной задачей создания Европейского совета стало продвижение европейской интеграции с помощью привлечения усилий совместного характера среди стран-участниц ЕС. Данный институт формирует общий политический курс, выявляет проблемные и приоритетные направления развития организации. На его заседаниях принимаются наиболее важные для ЕС решения. Европейский совет не обладает правотворческими полномочиями. При этом, являясь одним из основных институтов в структуре ЕС, формально не несет ни перед кем какой-либо ответственности [2. С. 252-254]. Фактически Европейский совет представляет собой верховный орган управления ЕС, находясь на высшей ступени институциональной иерархии.

Совет министров. Совет ЕС является одним из главным органом ЕС, принимающим решения. Иерархически Совет подчинен Европейскому совету, хотя юридически такие отношения не зафиксированы. В связи с чем данный институт во многом является определяющей силой развития всей организации. Совет министров не является прямо избранным органом ЕС,

а косвенно определяется выборами в странах-участниках. Совет – один из основных органов управления по определению общей политики и принятия решений. Решения, принятые министрами в Совете, являются обязательными для правительств, которые они представляют. Практически любое решение институтов ЕС должно получить одобрение Совете министров. Тем не менее, в ряде областей институт должен совместно принимать нормативно-правовые акты, например, по утверждению бюджета ЕС.

Данный институт в первую очередь представляет политику и интересы стран-участников. «Центральными игроками в межправительственной политике являются национальные руководители государств-членов, которые договариваются друг с другом об общей политике» [5. Р. 8]. С точки зрения правил голосования, Совет не может, по большей части, проводить политику без того, чтобы страны-участники, не выступили единым фронтом, поэтому решение против воли отдельных участников невозможно. Нельзя не отметить то, что в его деятельности наблюдается постепенная смена системы голосования с консенсуса на квалифицированное большинство [6]. Тем не менее, пока одна из черт наднациональности не выполняется. Структура Совета явно межправительственная, однако полномочия наднациональные.

Парламент ЕС. Европейский парламент избирается всеми гражданами Европейского союза. Он представляет интересы европейских граждан через избранных напрямую представителей. Основной задачей евродепутатов является представление интересов граждан по отношению к другим институтам ЕС. Места в парламенте распределены не по национальностям, а по партиям или политическим группам. Структура парламента ЕС не сильно отличается от структуры национального парламента. На европейском уровне парламент выполняет все задачи национального парламента. Данный институт напрямую легитимирован гражданами ЕС и находит место для каждой политической ориентации граждан ЕС в формировании политического мнения. Однако главным и решающим отличием от национальных парламентов является отсутствие у Парламента ЕС права инициативы. Таким образом, единственный прямо избранный орган ЕС не может сам формулировать и принимать законы. Парламент является консультативным и контролирующим органом и поэтому может лишь косвенно оказывать решающее влияние на путь ЕС. Поскольку Европейский парламент не имеет широких полномочий в правотворческой сфере, не может сам создавать законы, обязательные для всех стран-участников, поэтому его следует рассматривать скорее, как межправительственный институт с точки зрения его полномочий, но как наднациональный по своей структуре.

Европейская комиссия. Комиссию можно рассматривать как своего рода правительство ЕС. Она характеризуется своей независимостью от национальных правительств, поскольку ей не разрешается получать указания от национальных правительств. Основная задача – представлять и обеспечивать соблюдение интересов ЕС. Она тесно сотрудничает с парламентом,

участвует в его заседаниях и должна обосновывать свои решения перед парламентом. Главной функцией является право инициативы. Только Комиссия может вносить законодательные предложения и контролирует их реализацию после утверждения парламентом. Комиссией осуществляется постоянное взаимодействие с группами интересов, а также с различными комитетами ЕС. Существуют также контакты между Комиссией и национальными парламентами и правительствами стран. С точки зрения исполнения европейского законодательства, Комиссия является «хранителем договоров». В случае выявления нарушений со стороны правительства, оно может возбудить уголовное дело в Суде ЕС после предварительного предупреждения.

Однако положение Комиссии трудно определить. Она избирается национальными правительствами и утверждается ими, но она должна служить не этим правительствам, а интересам ЕС. В то же время, она может принуждать правительства, призывая их к соблюдению сформированной ею политики, и в конечном итоге обеспечить ее соблюдение с помощью санкций. Таким образом, хотя Комиссия и избирается национальными государствами, она стоит над ними и независима от них, поэтому ее можно назвать наднациональным институтом.

Суд Европейского Союза. Судебный орган организации состоит из самого Суда ЕС, Суда первой инстанции и Трибунала гражданской службы. Основной задачей Суда является обеспечение одинаковой интерпретации законодательства ЕС в каждой стране, чтобы не было разных решений по одним и тем же юридическим спорам или вопросам права. Суд отвечает за равное толкование законодательства ЕС всеми национальными судами. При этом он также может выступать в консультативном качестве по просьбе национального суда. Основной задачей является мониторинг национальных государств, чтобы убедиться, что они выполняют свои обязательства по обеспечению соблюдения законодательства ЕС. В частности, это касается исков о нарушении, которые могут быть поданы как Комиссией, так и государством-членом. Суд ЕС является высшей инстанцией во многих областях. В вопросах, касающихся ЕС, он имеет преимущество перед любым национальным судом. Таким образом, этот институт, безусловно, следует считать наднациональным, поскольку «организации, созданные на наднациональном уровне, обладают юрисдикцией над конкретными областями политики в пределах территории стран-участниц» [5. Р. 8]. Суд ЕС охватывает своей юрисдикцией все сферы деятельности ЕС и тем самым создает собственную правовую базу для членов и сотрудников Европейского Союза.

Выводы. Что такое ЕС, наднациональная или межправительственная организация? Классификация ЕС в основном зависит от точки зрения. Если рассматривать основные институты как таковые, то это наднациональные и межправительственные институты. Европейская комиссия является наднациональным институтом, она подотчетна только ЕС, руководит политикой ЕС, проводит в жизнь его решения и разрабатывает законодательство. Евро-

пейский парламент также можно охарактеризовать как наднациональный, в том смысле, что он представляет и отражает интересы и политические ориентации граждан ЕС. Суд также следует считать наднациональным. Он стоит выше всех судов ЕС, его решения являются обязательными и окончательными. Европейский совет и Совет ЕС следует рассматривать как межправительственные институты, которые в первую очередь заботятся о национальных интересах стран-участниц. Они же являются определяющей силой в развитии ЕС. Их члены являются сотрудниками не ЕС, как в случае с Комиссией, а национальных правительств. В большинстве случаев решения принимаются на основе консенсуса, а не по схеме большинством голосов. Тем не менее, оценивая структуру институтов, можно заметить перевес в пользу наднациональности.

Иная перспектива формируется при рассмотрении компетенций и связанного с ними развития, и дальнейшего развития Европейского Союза. По вопросу о том, кто задает направление развития Союза, следует сказать, что это делает межправительственный Совет ЕС, поскольку «большие сделки являются определяющими моментами европейской интеграции» [5. Р. 12]. Хотя Комиссия разрабатывает законопроекты, она делает это на основе руководящих принципов, установленных Советом ЕС, и, таким образом, не является классическим органом исполнительной власти. «При проектировании системы ее роль в изменении договора остается второстепенной» [7. Р. 251]. Парламент имеет только контрольную и консультативную функцию, Суд оказывает только косвенное и никакого прямого влияния на развитие Союза.

Разработка политической повестки дня находится в руках Совета ЕС, а будущее ЕС, таким образом, определяется межправительственным институтом. Тем не менее, Комиссия оказывает непосредственное влияние на повседневную политику страны, поскольку в своих актах она устанавливает критерии, которым должны следовать национальные правительства при определении национальных законопроектов. То же самое относится и к роли Суда. Через свои постановления он может объявлять национальные законы нарушающими законодательство ЕС и таким образом также оказывать влияние.

Таким образом, с одной стороны, в ЕС есть явные наднациональные элементы, поскольку он стоит выше государств-участников. Однако, с другой стороны, эта наднациональность распространяется не на все сферы политики. В конечном итоге весь ЕС зависит от решений высших межправительственных институтов. Это дает ЕС легитимность в формировании европейской политики. Исходя из сказанного, Европейский Союз можно охарактеризовать как интеграционное сообщество смешанного типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Мещерякова О.М.* Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета. Диссертация на соискание д.ю.н. Москва, 2010.

2. Чувальская И.П. Механизм ответственности государств-членов по праву европейского Союза // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6.

3. Hay P. Federalism and Supranational Organizations. Patterns for New Legal Structures. Urbana: University of Illinois Press, 1966.

4. Moravcsik A. The Choice for Europe. Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Cornell University Press, 1998.

5. Sandholtz W. and Stone Sweet A. European Integration and Supranational Governance. New York: Oxford University Press, 1998.

6. Treaty of Lisbon: Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community // Official Journal of the European Union // <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:FULL:EN:PDF>.

7. Wessels W. Das politische System der Europäischen Union. Auflage, Wiesbaden.

8. Wright Deils S. Understanding intergovernmental relations: public policy and participants' perspectives in local, state and national governments. Duxbury Press, 1978.

R.Sh. KUDASHEV

*Post-graduate student of Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE EUROPEAN UNION: A SUPRANATIONAL OR INTERGOVERNMENTAL INTEGRATION COMMUNITY?

The definition of the European Union (EU) is difficult, since it cannot be attributed to federations, like the United States of America, or to classical international organizations, like the WTO or the UN. This raises the question of how the EU can be defined – as an institution standing above all European countries (supranational) or as an association for cooperation between EU states (intergovernmental).

The purpose of this article is to answer the question of what kind of integration community the EU is today. In order to classify the EU, it is necessary to define the concepts of «supranational» and «intergovernmental». Then, some of the main European institutions will be considered in terms of their composition and competence in relation to the EU states.

Key words: *European Union, European integration, European Commission, Council of Ministers, Court of Justice of the European Union.*

аспирант кафедры международных отношений Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Внешиеполитический курс ФРГ на современном этапе определяется рядом факторов, связанных с глобальными переменами, произошедшими в политике как во второй половине XX века, так и после событий 2014 года. К важнейшим из них, как известно, относятся окончание «холодной войны», распад социалистического лагеря и Советского Союза, объединение западной и восточной Германии в единое государство, а также участие Германии в санкционном режиме против РФ. Перед ФРГ, как и перед другими европейскими странами, встали задачи: усиление в условиях глобализации своей политической роли в Европейском Союзе, чтобы успешно противостоять растущей конкуренции в области экономики и внешней политики, наращивание военного сотрудничества в политической парадигме ЕС-НАТО (как инструмент обеспечения безопасности и обороны Европейского Союза). Таким образом, в данной статье будет рассмотрена современная внешняя политика Федеративной Республики Германии.

Ключевые слова: *республика, внешняя политика, экономика, приоритеты, политика мира.*

Федеративная Республика Германия представляет собой государство, которое расположено в центральной Европе. Страну отличает выгодное географическое положение: ФРГ имеет выходы к Северному и Балтийскому морю, что способствует развитию экономики страны; граничит с такими странами, как: Дания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Франция, Швейцария, Австрия, Чехия, Польша. Федеральный канцлер ФРГ Гельмут Шмидт подчеркивал стратегическое положение своей страны следующими словами: «Наша важнейшая роль есть и будет – быть хорошими соседями. Это особенно сложно, когда соседей так много» [2]. Если анализиро-

вать сложившуюся на сегодняшний день ситуацию, то можно отметить ее противоречивость. Одной из причин основания Европейского союза было ограничение послевоенной Германии. Но, произошедший экономический рост Германии после Второй мировой войны, совпал с уменьшением влияния Франции на международной арене. Это привело к тому, что система, предназначенная для пользования немецкой экономикой не только в интересах данного государства, но и других европейских стран, фактически стала инструментом лоббирования интересов ФРГ. Долгое время существовали три наиболее значительные экономические силы: США, Европейский Союз и Япония, при этом безусловным лидером в Евросоюзе являлась Германия, благодаря интеграции с другими странами ЕС и большому внутреннему рынку сбыта продукции. Это стало возможным ввиду принятия «четырёх свобод Евросоюза»: свободное движение товаров, свободное движение труда, свободное движение услуг, свободное движение капитала. Немецкая экономика обеспечивает 4,8 миллионов рабочих мест в других странах ЕС. По данным Международного Валютного Фонда на 2016 год, ФРГ занимает четвертую строчку в мире по номинальному значению ВВП.

В данный момент Германия проводит политику усиления своих лидерских позиций в Европейском союзе (политической и экономической областях). Отчасти это стало возможным благодаря тому, что с 2014 года начали применяться предусмотренные Лиссабонским договором правила голосования квалифицированным большинством в Совете ЕС. Эти правила были выработаны для того, чтобы малые страны ЕС (число которых кардинально выросло входе расширения) не смогли навязать свою волю крупным государствам. По новым правилам доля голосов большой четверки увеличилась с 35,6% до 53,5%, в том числе формальное влияние Германии практически удвоилось – с 8,9% до 16 % [3].

Главным при этом является выражение внешнеполитического вектора Германии. Правительством в ходе собственных инициатив иницируются необходимые изменения международных отношений. Аспект экономических, технологических, социальных и экологических осложнений ведет к необходимости осуществления политики безопасности в будущем. Правительством прилагаются усилия, которые способствуют развитию и применения ряда действенных стратегий и инструментов, предотвращающих кризис и мирным способом, регулирующих конфликты. Важным направлением работы правительства также является дальнейшее развитие международных отношений, при этом основой является цивилизованность и равноправие, принимаются различные меры, ведущие к ограничению вооружений и разоружению [3].

Со второй половины XX века развитие отношений со странами, представляющими Центральную и Восточную Европу (восемь из них в 2004 году стали странами-членами Европейского Союза), является приоритетным на-

правлением внешней политики Германии. ФРГ входит в Европейский союз, представляет собой неотъемлемую часть данного объединения. Это служит примером, какую пользу может принести интеграционный процесс для обеспечения национально-государственных интересов. Из вышеупомянутого можно сделать вывод о том, участие ФРГ в Европейском Союзе способствует укреплению политических и экономических позиций этой страны. С 2014 года начали применяться предусмотренные Лиссабонским договором правила голосования квалифицированным большинством в Совете ЕС. Эти правила были выработаны для того, чтобы малые страны ЕС (число которых кардинально выросло в ходе расширения) не смогли навязать свою волю крупным государствам. По новым правилам доля голосов большой четверки увеличилась с 35,6% до 53,5%, в том числе формальное влияние Германии практически удвоилось – с 8,9% до 16% [1].

Место и роль военного фактора и их определение представляло собой существенную проблему в ходе формирования международной политики данного государства. Федеральным правительством используются представленные в Амстердамском договоре инструменты и механизмы, освещающие совместную внешнюю политику и политику безопасности с целью получения Европейским союзом дееспособности в сфере международных отношений, при этом важным является дальнейшее развитие Западноевропейского союза на основе данного договора. Дальнейшему укреплению и использованию подлежит совместная внешняя политика и политика безопасности для роста дееспособности Европейского союза в цивилизованном предотвращении различных конфликтов и мирном их урегулировании. ОБСЕ представляет собой единственную общеевропейскую организацию безопасности. Федеральным правительством в этой связи осуществляется выдвижение инициатив для усиления правового базиса Организации, при этом важным является обязательно мирное урегулирование конфликтов в зоне ОБСЕ [4. С. 177-195].

Если вести разговор в целом об особенностях европейской внешней политики Германии, то выражением Германской европейской политики является безоговорочная поддержка углубления процесса интеграции, Сильной стороной германской политики в отношении ЕС является ориентация германо-французских отношений на ЕС, а также тесные связи с более мелкими государствами-членами. Готовность Германии к компромиссу и эффективному усилию способствовало преодолению многочисленных блокад в процессе принятия решений и в ключевые этапы в жизни ЕС. (В качестве примера можно привести списание долговых обязательств Греции, расширение ЕС благодаря вступлению малоразвитых с экономической точки зрения стран, как Болгария и Румыния; что повлекло за собой дополнительную нагрузку на бюджет Евросоюза, следовательно, и Германии).

Исторически, в качестве основных и важнейших неевропейских партнеров Германии можно назвать США и РФ. Основой тесных и дружественных

отношений с США являются совместные ценности и общие интересы. Сейчас основным предметом внимания является конфронтация в отношениях между Германией и США. Для этого имеется несколько предпосылок. Однако, между этими игроками мировой политики остаются общие интересы. Например, как США, так и Германия преследуют свои геополитические интересы в Африке. Это обусловлено наличием ресурсов полезных ископаемых и целью не допустить присутствия в Африканском регионе РФ и Китая.

Также, своеобразным камнем преткновения между ФРГ и США стал вопрос о продлении санкций против РФ и июле, когда по сути предполагалась приостановка строительства газового потока «Северный поток-2», что уже несет определенную опасность для национальной безопасности Германии. К еще одной причине конфронтации в отношениях США и ФРГ можно отнести срыв рассмотрения соглашения по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) между Евросоюзом и Америкой, ответственность за который, фактически несет Германия.

Уже сегодня ситуация складывается таким образом, что Германия имеет достаточно высокие производственные мощности, которые превышают ее внутренний спрос. Таким образом, наличие достаточно большого рынка экспорта обуславливает стабильность во многих сферах страны. Это означает, что немецкому правительству нужно будет искать новые рынки. Российская Федерация представляет собой достаточно большой рынок для экспорта. Поэтому, вне зависимости от результатов санкционной политики, страна будет заинтересована в нормализации отношений с Россией.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что во внешней политике Германии выделяется несколько векторов, непосредственным образом направленные на усиление интеграционных процессов в рамках ЕС. Представленный анализ показал, что на современном этапе ФРГ представляет собой – высокоразвитую страну, которая играет важное значение в мировой политике. Германия делает безуспешные попытки в перехвате внешнеполитической инициативы, особенно в некоторых вопросах, которые касаются решения европейских проблем [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Кавешников Н.Ю., Матвеевский Ю.А.* Европейский союз: история, институты, политика. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
2. *Кинелев В.Г.* Образование, воспитание, культура в истории цивилизации. М.: ГИЦ ВЛАДОС, 1998.
3. *Федоров В.П.* Существует ли германский вопрос? // Германия. 2015: в 2 ч. / под ред. В.Б. Белова. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. Ч. 1.
4. *Шишков В.В.* Перспективы образования неоимперских центров в арабо-мусульманском мире: политологический анализ // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 4.

5. Maull H.W. Deutsche Außenpolitik: zwischen Selbstüberschätzung und Wegducken [German Foreign Policy: between self-protection and to blend into the background]. GIGA Focus Global, 2014. No. 1.

A.L. MERKULOV

*PHD of International Relations, Nord-West
Institute of Management – branch of the
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Saint-Petersburg, Russia*

FOREIGN POLICY OF THE FRG IN THE PRESENT STAGE

The foreign policy course of Germany at the present stage is determined by a number of factors connected with global changes that occurred in the mid-1980s and early 1990s. both on the world stage and in Germany itself. The most important of these, as we know, include the end of the cold war, the disintegration of the socialist camp and the Soviet Union, the unification of western and eastern Germany into a single state. The FRG, as well as other European countries, faced the tasks of overcoming the consequences of the split caused by the long-standing conflict between East and West, as well as finding a solid place in the context of globalization in order to successfully resist growing competition in the field of economy and foreign policy.

Thus, this article will consider the modern foreign policy of the Federal Republic of Germany.

Key words: *republic, foreign policy, economy, priorities, policy of peace.*

*аспирант кафедры государственного
управления и национальной безопасности
факультета национальной безопасности
института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Россия, г. Москва*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются особенности и перспективы геополитического моделирования в разных плоскостях общественных отношений и измерениях международного взаимодействия. Особый акцент сделан на геополитическом моделировании в образовательной сфере, которая является эффективным инструментом реализации стратегии «мягкой силы». На примере России разработана геополитическая модель образовательного пространства национального государства, основу которой составляет многополярный подход, неразрывно связанный с производством разнообразия, в рамках которого становится возможной реализация управляемого и наблюдаемого гомеостата, предложенного Титовым В.Б.

Ключевые слова: *образовательное пространство, государство, геополитическая модель, управляемый гомеостат, многополярный подход, институциональный механизм.*

Особенности и отличительные черты развития современного социума, экономических систем и политических взаимодействий обуславливают продвижение всех наук к синтезу, к созданию новых кросс-предметных макродисциплин и многомерных моделей [9. Р. 98-125]. В этом ключе геополитика и ее методологическая основа моделирования процессов самоорганизации и общественного развития приобретает важное значение не только для предметных теоретических исследований, геополитические подходы становятся необходимыми и для практической деятельности, связанной с управлением сложными цивилизационными сдвигами, которые находят свое проявление в масштабе всей планеты или же в рамках отдельных государств, а также их региональных объединений.

В практической плоскости применение геополитического моделирования дает возможность исследовать систему межгосударственных отношений, выделяя в ней свой собственный аспект – обусловленность экспансии государств пространственными характеристиками последних. Причем геополитический анализ, наряду с географическим, оперирует также экономическими, информационными, военными и другими «пространственными» характеристиками, позволяя выявлять закономерности, обуславливающие расширение влияния стран и их объединений, в том числе и в этих «пространствах» [10. Р. 56-62]. И хотя в настоящее время декларируется постепенный переход от геополитики противостояния к геополитике взаимозависимости, в реальности восстанавливается методологическая база узаконивания захвата территории других государств, определенных сфер и систем отношений, установления прямого или опосредованного контроля над ними.

Необходимо отметить, что в современном мире постепенно снижается значение силовой политики, фактора военной мощи. Наряду с этим параметры экономического роста и расширения рынков сбыта, природных ресурсов, рабочей силы и международной логистики становятся определяющими в поведении государств и мировой политики в целом. Однако переход от географического детерминизма к его политико-экономическому перевоплощению вызывает формирование и развитие новых форматов и средств контроля над территориями по примеру «правительств-марионеток», торговых санкций и экономической изоляции, «цветных» революций, локализации источников ресурсов [8. Р. 43-65].

Именно на основе упомянутых геополитических концептов соответствующие идеи вроде «большого назначения Германии как центра Европы», «Британской империи, над которой никогда не заходит Солнце» [3. С. 76-78] и др. благодаря политикам и СМИ постепенно надежно укореняются в массовом восприятии, в мышлении политических деятелей, внедряются в соответствующие национальные доктрины и логику международных отношений.

В данном контексте необходимо отметить решающую роль образовательной системы, национального образовательного пространства, которые выступают практически идеальными проводниками обозначенных идей, посылов и установок в сознание современной молодежи. Актуальность данной проблематики усиливается тем фактом, что целенаправленное развертывание процесса интернационализации и глобализации высшего образования в мире продолжается уже более четверти века. За это время существенно изменилось понимание целей, приоритетов, механизмов и инструментов развития, практических последствий и ожидаемых результатов [1. С. 122]. В последние годы интернационализация высшего образования на мировом уровне все больше воспринимается как своеобразный «локомотив» развития не только системы подготовки кадров, но и всего общества в целом, как эффективный инструмент приумножения лидерского потенциала государств [2. С. 32-34].

С учетом вышеизложенного, очевидно, что разработка геополитической модели образовательного пространства, как неотъемлемого элемента мировой системы, приобретает особую актуальность и значимость. Кроме того, практическая ценность данной проблематики многократно возрастает в связи с тем, что экспорт образовательных продуктов и услуг, привлечение иностранных студентов, переманивание ученых и исследователей превращается в эффективный инструмент «мягкой силы» тех государств, которые могут воспользоваться последствиями интернационализации и глобализации образовательной среды.

Таким образом, проводимое исследование является попыткой решить важную научно-прикладную задачу и заполнить существующий на сегодня методологический пробел в предметной области геополитического моделирования.

Степень научной разработанности рассматриваемой тематики непосредственно связана с повышенным интересом и ростом внимания к геополитическим аспектам современности, научно-методические аспекты которых детально анализируются в различных публикациях, которые относятся к политическому, социологическому, экономическому и собственно геополитическому знанию.

Ознакомиться с новаторским подходам исследователей, которые рассматривают тенденции развития глобальных цивилизационных, этнокультурных и геополитических процессов можно в трудах таких авторов как: Cederman L.-E., Watson K, Cheng Chak Hung Jack, Chiu, Ching-Wai, Lustick Ian S., Tetlock Philip E., Елацков А.Б., Мармазова Т.Р., Киселев С.Г. и др.

Геополитические интенции цивилизационных концепций на рубеже XX-XXI, которые фиксируют взаимную зависимость культурно-исторических характеристик стран, вектора развития научного и образовательного пространства, в том числе России, а также направления географического развертывания государственных интересов активно изучаются Розиным М.Д., Рябцевым В.Н., Свечкаревым В.П., Ивановым А.В., Dallen J. Timothy, Abdel-Latif, Hany; El-Gamal, Mahmoud.

В России активно разрабатывают данную тематику такие известные и достаточно влиятельные центры как Российский институт стратегических исследований, Институт Европы, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт диаспоры и интеграции.

Однако комплексных работ, в которых рассматривались бы механизмы геополитического моделирования в разных сферах, образовательной, экономической, информационной, общественной деятельности, проводилась бы формализация методологической базы, основных принципов и составляющих элементов геополитических моделей на сегодняшний день крайне мало.

Принимая во внимание вышеизложенное, цель статьи заключается в осещении ключевых аспектов геополитической модели образовательного пространства национального государства на примере России.

Итак, прежде всего, акцентируем внимание на том, что, разрабатывая геополитическую модель образовательного пространства на уровне от-

дельно взятой страны необходимо учитывать, что в современных условиях пространство перестает быть объективной данностью, его необходимо воспринимать в качестве такого, которое, социально конструируется, а каждое событие в свете геополитических экстреналий приобретает четко выраженный смысл. Этот геополитический смысл не целесообразно воспринимать как *ultimo ratio* события, но в большинстве случаев он оказывается в достаточной степени ясным и полезным для составления прогноза относительно дальнейшего развития ситуации [7. Р. 115-121].

Кроме того, геополитическая модель дает возможность исследовать каким образом пространство можно инструментализировать, а также фокусирует внимание на способах его интерпретации и реконструкции.

На сегодняшний день в научном сообществе исследователи выделяют следующие полюсные модели международной системы: монополярная модель, модель «баланса сил»; модель гибкой биполярной системы; модель жесткой биполярной системы; модель универсальной системы; модель иерархической системы; модель «единичного вето» [5. Р. 103-105; 6. Р. 909-923].

По мнению автора, в качестве основы геополитической модели образовательного пространства России целесообразно использовать многополярный подход, который неразрывно связан с производством разнообразия, в рамках которого становится возможной реализация управляемого и наблюдаемого гомеостата, предложенная Титовым В.Б. [4. С. 61-63].

Многополярность может быть постигнута как процесс, в котором совместно и не бесконфликтно реализуются две глобальные тенденции развития системы образования, определяющие настоящее и будущее. Одна из них направлена в сторону универсальной стандартизации всех процессов и процедур, составляющих и элементов обучения, поддерживаемая тенденциями интеграции и интернационализации; другая – в сторону предоставления пространства для культурного разнообразия на основе национальной специфики, идентичности и уникальных особенностей государств. Последняя часто проявляется в виде партикуляризации как защитной реакции на унифицирующее воздействие глобализации и в данном случае наилучшим решением для развития национальных образовательных пространств является как раз, управляемый и наблюдаемый гомеостат.

По мнению автора, использование в рамках геополитической модели образовательного пространства наблюдаемого и управляемого гомеостата позволит выйти за рамки жестких альтернатив в понимании стандартизированной глобализации и реактивной партикуляризации. Наблюдаемый и управляемый гомеостат способен охватить как глобальные, так и локальные, универсалистские и партикуляристские аспекты, и сделать это совершенно естественно, руководствуясь логикой транскультурных обменов и национальных интересов. Благодаря ему тенденции глобализации, так же, как и желание специфичности и партикулярности будут учитываться в век-

торе развития национальной системы образования на основе синтеза интересов всех субъектов, представляющих страну.

Особенностью и несомненным достоинством использования наблюдаемого и управляемого гомеостата в образовательной системе России является то, что он позволит обезвредить влияние нестабильных или непредсказуемых факторов внешней среды, ослабить давление стандартизированных глобальных процедур, которые противоречат или не в полной мере отвечают национальным интересам.

Итак, опираясь на ключевые аспекты концепции наблюдаемого и управляемого гомеостата Титова В.Б., а также формализуя структурные элементы геополитической модели, к числу которых относятся: стратегия, технологии, эффективность, равенство, устойчивость, государственные органы, бизнес, международные организации, можно формализовать геополитическую модель образовательного пространства России, цель которой заключается в определении параметров ключевого вектора развития отечественной системы образования, создании ее позитивного международного имиджа, а также выделении конкретных этапов перехода от нынешнего состояния к перспективному, которое будет отвечать принципам и приоритетам глобального рынка образовательных товаров и услуг, мировым тенденциям проведения научных исследований и разработок, с учетом национальных традиций и особенностей. Схематическое изображение модели представлено на рис. 1.

Рис. 1. Геополитическая модель образовательного пространства России

Как свидетельствует рис. 1 в геополитической модели образовательного пространства России предусмотрен четко выраженный внутренний и внешний контур.

Внешний контур геополитической модели включает в себя международные и глобальные организации, международные институциональные единицы, ТНК, работающие в научно-образовательной сфере.

Внутренний контур представлен институциональным механизмом, который на практике позволяет реализовать ключевые идеи наблюдаемого и управляемого гомеостата. На рис. 2 изображена детализированная схема основных участников институционального механизма.

В рамках разработанной модели с институциональной точки зрения предусмотрено, что перечнем вопросов в сфере реализации национального интереса в процессе интеграции системы образования России в глобальное пространство, могут заниматься как отдельные субъекты, так и их объединения. Также отличительной чертой наблюдаемого и управляемого гомеостата, который реализуется благодаря институциональному механизму, является четкая идентификация внешнеполитических интересов России в развитии и продвижении своего образовательного продукта на международные рынки.

Рис. 2. Перечень участников внутреннего институционального механизма геополитической модели образовательного пространства России

Принципиальное отличие геополитической модели образовательного пространства России, которая базируется на гомеостате Титова В.Б. от гомеостата У.Р. Эшби заключается во-первых в том, что гомеостат Титова В.Б. – наблюдаемый, а во-вторых в том, что внешние механизмы развития национальной образовательной системы интегрируются с внутрисистемными механизмами и процессами, которые имеют место в научно-образовательном пространстве страны, что в итоге позволяет синхронизировать международные стандарты и национальные интересы благодаря четко работающему алгоритму, а наличие нормы, которая должна быть равна вариативности и которая должна быть больше и равна вариативности позволяет делать систему образования национального государства более гибкой.

Таким образом, резюмируя результаты проведенного исследования, можно отметить следующее.

Геополитическое моделирование позволяет с достаточной степенью достоверности и очевидности отразить происходящие процессы трансформации и модификации в разных пространствах и плоскостях развития общества, которые часто меняют свою направленность, и усилиями политических игроков, на сравнительно неизменных географических «площадках» создают порой сложные комбинации. Главным достоинством правильно разработанной и обоснованной геополитической модели является повышение операциональности, благодаря чему становится возможным быстро и точно анализировать конкретные ситуации, которые происходят в данный момент времени, для нужд политической практики и на этой основе прогнозировать дальнейшее развитие событий.

С учетом вышеизложенного, можно с уверенностью констатировать тот факт, что геополитическая модель позволяет четко идентифицировать не только сложившееся на данный момент времени соотношение сил между различными составными частями и акторами геополитической структуры мира, но и выявить ключевые причины, а также векторы экспансии государств через призму глобальной геостратегии.

В статье предложена геополитическая модель образовательного пространства России, которая базируется на концепции наблюдаемого и управляемого гомеостата Титова В.Б., позволяющего ликвидировать любые отклонения, вызванные действием внешних факторов, а также защитить национальное образовательное пространство от негативного влияния извне. Наблюдаемый и управляемый гомеостат дает возможность национальной системе образования сформировать способность вовремя меняться, адекватно приспосабливаясь к новому состоянию среды, подключаться к глобальным событиям и пользоваться преимуществами межстранового сотрудничества, в тоже время постоянно снижая свою зависимость от внешнего, глобального окружения и ослабляя его давление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бейзеров В.А.* Глобализация как основной фактор развития высшего образования // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 5 (122).
2. *Зияева Ш.К.* Аспекты глобализации образования // Интернаука. 2021. № 20-3 (196).
3. *Мармазова Т.Р.* Формирование новой геополитической структуры мира в условиях плюрализма моделей мироустройства // Вестник МНЭПУ. 2019. Т. 1.
4. *Титов В.Б.* Способна ли культура устойчивого развития стать человеческой? // Государственная служба. 2012. № 3.
5. *Baris Gulmez Seckin.* East, west, north, south: international relations since 1945 // Global affairs. 2016. Volume 2. Issue 1.
6. *Dittmer J.* Playing geopolitics: utopian simulations and subversions of international relations // GeoJournal. 2015. Vol. 80. Number 6.
7. *Nguyen Nicole.* On geopolitics and education: Interventions, possibilities, and future directions // Geography compass. 2020. Volume 14. Number 9.
8. *Panke Diana.* Towards an increasing regionalization of international politics? An analysis of external competencies of regional international organizations // Global affairs. 2021. Volume 7. Number 1.
9. Pawar Manohar International Consortium for Social Development: Members' Views and Future Directions // The international journal of community and social development. 2021. Volume 3. Issue 2.
10. *Veal Charlotte.* Embodying vertical geopolitics: Towards a political geography of falling // Political geography. 2021. Volume 86.

A.V. MAKAROV

Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

GEOPOLITICAL MODEL OF THE EDUCATIONAL SPACE OF THE NATION STATE

The article examines the features and prospects of geopolitical modeling in different planes of public relations and areas of international interaction. Special emphasis is placed on geopolitical modeling in the educational sphere,

which is an effective tool for implementing the “soft power” strategy. Based on the example of Russia, a geopolitical model of the educational space of the nation state has been developed, the basis of which is a multipolar approach, inextricably linked with the production of diversity, within which it becomes possible to implement the controlled and observed homeostat proposed by V.B. Titov.

Key words: *educational space, state, geopolitical model, controlled homeostat, multipolar approach, institutional mechanism.*

ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССОТРУДНИЧЕСТВА В УКРАИНЕ

После украинского кризиса дистанция в отношениях между Россией и Украиной увеличилась. Настоящая статья посвящена одному из аспектов взаимодействия России и Украины в гуманитарной сфере, исследовано понимание «мягкой силы» в России не только на основе трудов российских и зарубежных ученых, но и на основе российских официальных публичных документов и выступлений правительственных лидеров, проанализированы основные направления деятельности и цели представительства Россотрудничества в Украине и перспективы развития будущих отношений между Россией и Украиной. В конечном итоге автор заключает, что гуманитарные связи между Россией и Украиной являются наиболее прямым проявлением нынешних российско-украинских отношений. Тем не менее, даже в контексте напряженных отношений между Россией и Украиной, представительство Россотрудничества в Украине по-прежнему является эффективным инструментом и платформой для реализации внешней политики России и применения «мягкой силы», и по-прежнему имеет положительный потенциал для улучшения отношений между Россией и Украиной.

Ключевые слова: *Россия, Украина, «мягкая сила», Россотрудничество, публичная дипломатия.*

Гуманитарная деятельность является одним из важных направлений деятельности России на международной арене, а также одним из основных направлений политики России в отношении Украины. Сегодняшние крупные державы соревновались не только в традиционной экономической, военной и других областях, но и в «привлекательности, убедительности собственной модели развития и способности достигать своих внешнеполитических целей» [10]. В международном сообществе присутствует необъективная и несправедливая информация о России и речи о «российских угрозах». Так что по-прежнему важно показать миру настоящую Россию, сформировать среду дружественного международного общественного мнения, благоприятную

для России. Сохранение истории и повышение статуса культуры России в мире все еще остаются актуальными задачами.

После того, как США внедрили концепцию «мягкой силы» в свою внешнюю политику, преимущества, которые она принесла Соединенным Штатам, привлекли экспертов и ученых к обсуждению концепции «мягкой силы» в политической науке.

В 1990 году американский ученый Джозеф Най упомянул термин «мягкая сила» с точки зрения традиционных сил (power) в своей статье «мягкая сила». В отличие от традиционных сил (power), «мягкая сила» («soft power») воплощается в способности влиять (привлекать) на то, что хотят другие страны, полагаясь на нематериальные ресурсы власти (культура, идеология, система ценностей и ресурсов для проведения политики) для достижения желаемого результата без принуждения [36. С. 166-167; 37. С. 94-109].

Понимание «мягкой силы» в России отличается от определения Джозефа Ная: «Воздействие» – это основное предпочтение для понимания «мягкой силы», что отражено в публичном выступлении президента «Россия и меняющийся мир», «мягкая сила» объясняются как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [24]. Это иллюстрирует важность противодействия несправедливым сообщениям о России в информационном пространстве западными странами, а также создания положительного международного имиджа России и ее права высказываться.

Указ президента (от мая 2012 года) «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» заложил основу для развития российской публичной дипломатии и «мягкой силы». В основном отражается, что, во-первых, создание привлекательной политической ценности. В рамках усиления направления международных гуманитарных отношений защищаются права человека, права и интересы соотечественников за рубежом и т.д. Во-вторых, формирование культурной привлекательности. Укрепление положения русской культуры и роль русского языка в мире. В-третьих, укрепление связи с гражданским обществом и содействие международной гуманитарной помощи. В качестве публичного дипломатического ресурса НПО укрепляют свое взаимодействие с общественностью и второстепенную дипломатию между экспертами и учеными. В-четвертых, использование информационного пропагандистского пространства является гарантией поддержки внешней политики и улучшения положительного международного имиджа России [29]. Эти направления станут важной ресурсной базой «мягкой силы» для достижения Россией своих внешнеполитических целей.

«Мягкая сила» – это инструмент решения внешнеполитических задач, правовой статус, который был подтвержден во внешнеполитических документах «Концепции внешней политики Российской Федерации» (в 2013

и 2016 гг.). Его ресурсы включают «гражданское общество, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [15; 30]. Это отражает внимание России к «мягкой силе» и важность вкладываемых в дипломатию сил.

В интервью Министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «мягкая сила» задумана для того, чтобы продвигать свою культуру, свой язык и традиции, а взамен получать знания о том, как живут другие народы и другие цивилизации» [8]. Так что, «мягкая сила» России означает создание механизма понимания.

Таким образом, мы можем обнаружить, что понимание «мягкой силы» в России имеет следующие характеристики: во-первых, «мягкая сила» будет реализована посредством дипломатии или традиционного дипломатического дополнительного канала; во-вторых, цель политики «мягкой силы» вращается вокруг усиления влияния, создания механизма понимания и поддержки России международным сообществом; в-третьих, «мягкая сила» – это инструментарий, а культура – один из важных ресурсов. Она будет реализована с помощью информации, образования, культуры, помощи и других возможных технологий на платформе публичной дипломатии.

Сегодня фактические выгоды, которые может принести «мягкая сила», заставили все страны уделять больше внимания и вклада в «мягкую силу». В рамках публичной дипломатии как вспомогательного инструмента для реализации «мягкой силы» были достигнуты плодотворные и идеальные результаты.

Деятельность публичной дипломатии инициируется страной в интерактивном диалоге с обществом другой страны, который оказывает влияние на общество или правительство другой страны [19]. Целевая аудитория может быть разделена на две категории, а именно в традиционной области «гражданским» [34], и в современной области с целью обеспечения национальной безопасности «государственные и органы лица» [34]. В России основные направления публичной дипломатии включают не только «ряды спонсируемых правительством культурных, образовательных и спортивных проектов, но также международное вещание, международную помощь, а также цифровую дипломатию и дипломатию данных» [35].

«Мягкая сила» будет реализована активистами, участвующими в деятельности публичной дипломатии. В рамках механизма (системы) взаимодействия публичной дипломатии, через неправительственные организации и другие институты (инструменты), участвующие в деятельности публичной дипломатии, для установления контактов с иностранным обществом с целью формирования «мягкой сил» (концепции) и создания собственной привлекательности [4]. Например, Россотрудничество активно участвует в деятельности публичной дипломатии, и внося активный вклад в реализации «мягкой силы».

Полное наименование Россотрудничества – «Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству», которого учреждение и правовой статус могут быть определены в Указе Президента России «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества». После переименования и слияния сфера деятельности Россотрудничества было расширено, и оно не только стало преемником «Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации» но и федеральным органом исполнительной власти, для помогающего МИД РФ в реализации внешней политики [31]. Так что, работа Россотрудничества основана на руководящих принципах национальной политики.

Члены-страны СНГ всегда занимали важное место во внешней политике России. Анализируя «Концепцию внешней политики Российской Федерации», политика России в отношении стран СНГ в основном отражается в следующих аспектах: во-первых, сотрудничество со членами-странами СНГ в «гуманитарной, научной, образовательной и культурной сферах» и «защищать общее культурное и историческое наследие»; во-вторых, оказание поддержку соотечественникам в данном регионе. В образовании, языке, обществе, труде, гуманитарной и других сферах. Защищайте права и интересов соотечественников [18]. В то же время, данный политический курс, также, является основой для направления работы представительства Россотрудничества в Украине.

Россотрудничество, входящее в состав МИД РФ, открытие зарубежные представительства в соответствии с правами, предоставленными Указом Президента России от 6 сентября 2008 г. № 1315. На сегодняшний день Россотрудничество имеет всемирную сеть и регистрируется в 80 странах мира [25], и в ближайшем будущем планирует открыть больше представительств в некоторых странах [26].

Филиалом Россотрудничества, открытого в Украине, является «Российский центр науки и культуры в Киеве», правовой статус которого основан на двустороннем соглашении между главами двух государств от 27 февраля 1998 года «соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров» [28]. В 2018 году тогдашний президент Порошенко начал процесс разрыва с Россией в таких областях, как экономическое, военное, информационное, энергетическое и другое сотрудничество [21], так что данное соглашение – одно из немногих действительных соглашений между Россией и Украиной на сегодняшний день. Сегодня в Украине только «Российский центр науки и культуры в Киеве» включен в список зарубежных представительств на официальном сайте Россотрудничества [27].

Работа Российского центра науки и культуры в Киеве завершается при поддержке российских государственных учреждений и сотрудничестве с неправительственными организациями. Анализируя деятельность Российского центра науки и культуры в Киеве, можно выделить следующие основные направления текущей деятельности: популяризация русского языка, историко-культурные тематические мероприятия, связь с соотечественниками, социальная дипломатия, образование и наука [27]. Тематические мероприятия, связанные с историей, культурой и языком, по-прежнему остаются наиболее активными.

Популяризация русского языка. Язык – это не только средство передачи культуры, но также может сблизить людей, говорящих на разных языках. Когда иностранные граждане овладевают иностранным языком страны, они берут на себя инициативу, чтобы больше узнать о культуре страны и даже связать планирование жизни (учебу и работу) с этой страной. Продвижение русского языка в «Российском центре науки и культуры в Киеве» происходит в основном в форме обучения на курсах русского языка для людей с разными потребностями (он-лайн и оф-лайн) и проведение мероприятий, таких как в «День русского языка» местные жители из всех слоев общества приняли участие в мероприятии перед памятником русскому поэту Пушкину [5].

Историко-культурные тематические мероприятия. Это осуществляется в рамках Указа Президента «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [32]. Россия также является страной с богатой историей и культурным наследием. Мероприятия, посвященные истории и культуре, не только позволяют внешнему миру понять Россию, для укрепления взаимопонимания между народами, но и позволяют зарубежным соотечественникам сохранять свою культурную самобытность.

Показ историко-культурных мероприятий осуществляется посредством проведения мероприятий, концертов, выставок, кинопоказов, публикации тематических репродукций и т.д. Наиболее известные юбилейные мероприятия, такие как «Наше наследие» «Главная страница Деятельность Культура», «День славянской письменности и культуры». В 2016 году в Украине вышла книга «Русские в истории Украины», посвященная выдающимся деятелям российской истории, культуры, науки и образования, которые жили и работали в современной Украине [11]. Последний о истории конкурс «Славянская азбука и ее распространение», также проводится он-лайн, и в рамках мероприятия победители получают щедрые призы в Евро [7].

Связи с соотечественниками. Это часть национального плана «Госпрограмма», который также включает международное гуманитарное сотрудничество и содействие международному развитию. Помощь соотечественникам не только позволит им укрепить связи с Россией, но и станет лучшими выразителями русской культуры. В России насчитывается около 30 миллио-

нов соотечественников в мире [7], и работа с соотечественниками привлекла внимание правительства России. «Российский центр науки и культуры в Киеве» реализует программу совместно с другими государственными и неправительственными организациями. Помимо проведения некоторых традиционных мероприятий, таких как история и культура, и приглашения молодежи посетить Россию, самое главное – это обеспечивает удобный канал для эмиграции зарубежных соотечественников в Россию в рамках национального плана «Госпрограмма» [25].

Образование и научная деятельность. Во время «холодной войны» программа экспортного образования использовалась в основном как один из инструментов для развития политической элиты других стран и создания благоприятной среды международного общественного мнения.

Сегодня «Российский центр науки и культуры в Киеве» не только проводит курсы русского языка, но и регулярно проводит различные конкурсы и научные конференции в рамках этой деятельности. Это «средством формирования позитивного образа Российской Федерации, инструментом российского влияния в мире» [16].

В рамках «Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом» [17] через платформу «Education in Russia» и «Russia.Study» Россотрудничество совместно с Минобрнауки России отбираются абитуриенты, которые получают возможность бесплатного обучения в российских вузах. Экспортное образование и продвижения русского языка является основной площадкой для продвижения ценностей российской мягкой силы.

По статистике, более 50% иностранных граждан, получающих высшее образование в России, несомненно они из стран СНГ, в том числе из Украины. Этот показатель составляет 51,6% в учебном году 2018-2019 [24], 53,0% в учебном году 2017-2018 и 53,4% в учебном году 2016-2017 [2]. В топ-5 стран по общему количеству студентов из стран СНГ входят Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Украина. В 2020 году количество студентов из Украины останется пятым по общему количеству студентов из стран СНГ, и общее количество украинского студента увеличилось если по сравнению с предыдущим годом [23]. Более того, «Украина – один из самых активных участников в платформе дистанционного обучения «Образование на русском», «Русский как государственный», «Универсариум», открытой в России в 2018 году» [12]. Таким образом, российское образование, наука и культура по-прежнему привлекательны для людей из Украины.

Нынешняя сложная среда для «Российского центра науки и культуры в Киеве» все еще существует в Украине, и эти последствия в основном связаны с ограничениями и санкциями правительства Украины в этой области. Если по сравнению с другими членами странами СНГ, текущая деятельность значительно сокращена.

В 2012 году «Российский центр науки и культуры в Киеве» организовал мероприятия «200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года» в 13 странах мира, а также провел мероприятия, посвященные памяти героев Великой Отечественной войны и защите историко-культурного наследия в двух городах Украины (в 2012 г. 26 сентября в Киеве и 5-7 октября 2012 г. в Кировограде) [9]. В двух мероприятиях приняли участие министры и высокопоставленные должностные лица двух стран, что свидетельствует о важности и консенсусе двух стран в отношении общего исторического и культурного наследия. Но эти теплые отношения сильно изменились после 2014 года.

В 2015 году Верховная Рада Украины объявила 259 голосов за принятие закона «О внесении изменений в некоторые законы Украины о защите информационного телерадиопространства Украины» [6], затем «культурный черный список культуры» Украины повлиял на российских физических лиц, юридических лиц, учреждений и т.д. [20], работающих в этой области, и отказал от русскоязычного звукового производства (фильмы, песни) и бесшумного печатного производства (книги, журналы), относящейся русской культуре, даже активно внедряется в некоторых регионах Западной Украины, таких как Волынская область (недалеко от Львова) и Львовской области [22], а также Российские культурные учреждения и их персонал в не были защищены в Киеве от преследований и нападений со стороны экстремистов и игнорировались украинскими властями [33]. Все это негативно повлияло на российско-украинское сотрудничество в гуманитарной сфере. Не так давно, в 4 апреля этого года, санкции Украины против России во имя безопасности были распространены на гуманитарные учреждения. Просто потому, что Тараса Шевченко – российско-украинский поэт, названный Российским центром науки и культуры в Киеве [14]. Это несовместимо не отвечает интересам Украины, которая внесла «массово переделывать и переписывать национальную историю» [3].

Политизация исторической проблематики Украины связана с ее собственным внутренним развитием. В последние годы Украина не только не смогла достичь существенных результатов в сфере внутреннего образования, медицинских и правовых реформ или даже застопорилась, но и экономические реформы не улучшили качество жизни жителей [38].

Так что, эта антироссийская политика Украины будет в большей степени направлена на отвлечение внимания украинского народа и общественности к внутренним вопросам, привлечение внимания международного сообщества к текущим проблемам Донбасса и Крыма, а также получению военной и экономической поддержки от западных партнеров.

Даже в условиях напряженности «Российский центр науки и культуры в Киеве» может кое-что сделать: во-первых, расширение внимания на выражение «мягкой силы» и коммуникационную платформу. Сегодня люди при-

выкли стилю жизни к традиционным интернет-СМИ Facebook и YouTube, но новый интернет-СМИ приносят людям интересный жизненный опыт, например, Тик-Ток (Tik Tok). Также, может в полной мере использовать функцию прямой трансляции платформы для взаимодействия с аудиторией и использовать характеристики платформы для популяризации исторического и культурного наследия России. Интересный контент в сочетании со слухом, 15-60 секунд короткого видео позволяют зрителям смотреть в любое время и в любом месте. Кроме того, могут проводиться тематические мероприятия для приглашения людей со всего мира к участию, например, чтение русских стихов или приглашение публики в России для участия в российских фотоконкурсах по достопримечательностям; во-вторых, развитие международного партнерства. Укреплять связи с украинскими местными гражданскими организациями и местными транснациональными компаниями, а также поддерживать участвующих партнеров посредством создания механизма награждения; в-третьих, молодежные обмены в рамках стран СНГ. Приглашать украинскую молодежь, интересующихся Россией, для визита России, посещения исторических и культурных достопримечательностей и краткосрочных визитов в российские вузы и т.д.; в-четвертых, взаимодействие с общественностью. Приглашение местных соотечественников, а также отдельных лиц и молодых людей, которые интересуются Россией, для регулярного взаимодействия онлайн и офлайн. Потому что они будут лучшими посланцами в продвижении российской истории и культуры.

Подводя итог, можно сказать, что одним из результатов ухудшения отношений между двумя странами после украинского кризиса стало ограничение деятельности филиала Россотрудничества в Украине, что также является самым прямым проявлением негативного воздействия на культурные отношения между двумя странами. На фоне напряженности и сложных отношений между двумя странами сегодня деятельность филиала Россотрудничества в Украине в основном сосредоточена на языке, образовании, культуре и истории. Поддержка зарубежных соотечественников по-прежнему считается одной из важных задач. Хотя интерактивная и удаленная деятельность дополняет способ человеческого взаимодействия, все же необходимо разрабатывать новые ресурсы и методы. В долгосрочной перспективе «Российский центр науки и культуры в Киеве» по-прежнему остается эффективной платформой для эффективного проведения внешней политики и использования мягкой силы России в Украине, и у него все еще есть потенциал для улучшения российско-украинских отношений в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арефьев А.Л.* Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник. Министерство науки и высшего образования Российской Федера-

ции. Выпуск 17 (2020). М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020.

2. *Арефьев А.Л.* Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Выпуск 16. М.: Центр социологических исследований, 2019.

3. *Братчик А.С.* Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1.

4. *Бурлинова Н.* Иванченко В. Грибкова Д. Российская публичная дипломатия в 2017 году. М.: Издательство «Центр поддержки и развития общественных инициатив – «Креативная дипломатия», 2018.

5. В Киеве отметили День русского языка // ТАСС // <http://tass.ru/obshchestvo/8666503>.

6. Верховная Рада Украины приняла Закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины о защите информационного телерадиопространства Украины». 05 фев. 2015 // Верховная Рада Украины // <https://www.rada.gov.ua/ru/news/page/news/Novosty/Soobshchenuya/103350.html>.

7. Второй Международный конкурс исторической живописи // Исторически парк // <https://ipark.bg/ru-RU/Events/Details/74/meropriyatiya-konkursjivopis>.

8. Глава российского МИД дал интервью Тине Канделаки // КП // <https://www.kp.ru/online/news/4016893/>.

9. Двухсотлетие победы России в Отечественной войне 1812 года: 1812-2012 // Общественный совет // <http://www.sovet1812.ru/2012/rossotrudnichestvo.pdf>.

10. *Девятков А. Шакиров О.* «Мягкая сила» в ногу со временем // ЦСР // <https://www.csr.ru/ru/news/myagkaya-sila-v-nogu-so-vremenem/>.

11. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2016 год // Россотрудничество // <https://20.rs.gov.ru/uploads/document/file/11297/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202016.docx>.

12. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2018 год // Россотрудничество // <https://20.rs.gov.ru/uploads/document/file/11228/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf>.

13. За пределами России сейчас проживает около 30 миллионов наших соотечественников // Интерфакс // <https://www.interfax.ru/interview/131938>.

14. Зеленский ввел в действие санкции против Россотрудничества и компании «Волга-Днепр» // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11066493>.

15. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 // ФМП МГУ // <https://fmp.msu.ru/anthology/countries/item/1629-kontseptsiya-vneshnej-politiki-rossijskoj-federatsii-2013>.

16. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644>.

17. Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом // Российский центр науки и культуры в Анкаре // <https://tur.rs.gov.ru/uploads/document/file/254/Концепция%20продвижения%20российского%20образования.pdf>.

18. Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД РФ // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248.

19. Лукин А.В. Публичная дипломатия. 2013 // Международная жизнь // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831>.

20. Минкультуры Украины составило список российских артистов, угрожающих нацбезопасности // ТАСС // Минкультуры Украины составило список российских артистов, угрожающих нацбезопасности <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2103812>.

21. Петр Порошенко подписал указ о прекращении Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и РФ // ТАСС // <https://tass.ru/info/5571791>.

22. «Радикализация электората»: как регионы Украины запрещают «русскоязычный культурный продукт». 22 дек. 2018 // RT // <https://russian.rt.com/ussr/article/586084-ukraina-russkiy-yazyk-zapret>.

23. Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году // Study in russia // <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/>.

24. Россотрудничество // Официальный веб-сайт // <https://rs.gov.ru/ru/contacts>.

25. Россотрудничество готовится открыть 20 «Русских домов» в некоторых странах // ТАСС // <https://tass.ru/politika/12302683>.

26. Россотрудничество // Российский центр науки и культуры в Киеве // <https://ukr.rs.gov.ru/ru/contacts/inworld>.

27. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г. // <https://www.mn.ru/politics/78738>.

28. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров // МИД РФ // https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-282/47073.

29. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 605 // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269>.

30. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Правительство России // <http://government.ru/docs/all/109255/>.

31. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020/page/1>.

32. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 // Президент России // <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf>.

33. Украина отказала российскому культурному центру в безопасности. 6 июня 2018 // ИЗВЕСТИЯ // Украина отказала российскому культурному центру в безопасности // <https://iz.ru/752121/aleksei-zabrodin-dmitrii-laru/ukraina-otkazala-rossiiskomu-kulturnomu-tcentru-v-bezopasnosti>.

34. Юдин Н.В. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2.

35. Natalia T. Dmitry R. Russia's Public Diplomacy: From Soft Power to Strategic Communication // Journal of Political Marketing. 2021. Vol. 20. № 1.

36. Nye J.S. «Soft Power» // Foreign Policy. Twentieth Anniversary. 1990. № 80.

37. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. № 1.

38. Torbakov I. Why can't Ukraine make it over the revolutionary hump? 26 дек. 2019 // Eurasianet // <https://eurasianet.org/perspectives-ukraines-unfinished-revolution>.

SHEN SHAN

Ph.D. student, Lomonosov Moscow State University, School of world politics, Moscow, Russia

ROSSOTRUDNICHESTVO SOFT POWER TOOL IN UKRAINE

After the Ukrainian crisis, the distance between Russia and Ukraine has increased. This article is devoted to one of the aspects of interaction between Russia and Ukraine in the humanitarian sphere, the understanding of “soft power” in Russia is investigated not only on the basis of the work of Russian and foreign scientists, but also on the basis of Russian official public documents and speeches of government leaders, the main directions of activities and goals are analyzed. representative offices of Rossotrudnichestvo in Ukraine and prospects for the development of future relations between Russia and Ukraine. Ultimately, the author concludes that humanitarian ties between Russia and Ukraine are the most direct manifestation of current Russian-Ukrainian relations. Nevertheless, even in the context of tense relations between Russia and Ukraine, the Rossotrudnichestvo office in Ukraine remains an effective tool and platform for the implementation of Russian foreign policy and the use of soft power, and still has a positive potential for improving relations between Russia and Ukraine.

Key words: *Russia, Ukraine, «soft power», Rossotrudnichestvo, public diplomacy.*

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЗАДАЧАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Что первично, нацеленность государства на экономические проекты, рост прибыли отечественных компаний, либо долгосрочные политические цели, для достижения которых возможно использовать экономические рычаги? Данный вопрос рассматривался многими видными отечественными и зарубежными исследователями. Актуальность данного вопроса исторически возростала с развитием мирохозяйственных связей. Еще острее он поднимается в условиях мирового кризиса, вызванного совпадением сразу двух мировых тенденций: падением стоимости нефти и мировой пандемией COVID-19.

В данной статье рассматривается взаимосвязь отечественной экономической дипломатии и внешней политики в советский период и на протяжении последних десятилетий. Такой подход позволяет, по мнению автора, лучше понять опыт отечественной экономической дипломатии, определить ее особенности в прошлом и настоящем, разработать и сформулировать практические положения по повышению эффективности системы мер, направленных на взаимодействие государства и деловых кругов в целях достижения максимального эффекта при осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: *экономическая дипломатия, внешнеторговая деятельность, государственная поддержка экспорта, экономическое развитие, реальный суверенитет, практический опыт.*

В различные исторические периоды во внешней политике могли превалировать дипломатико-политические, военные, экономические методы ведения дел, применялись и применяются пропагандистские технологии, ведутся информационные войны. Классическая дипломатическая система зародилась на заре Нового времени в городах-государствах Апеннинского полуострова. Эта система «основывалась на выделении внешней политики в самостоятельную отрасль государственного управления и на взаимоотношениях светских суверенных правителей» [2. С. 5].

После Второй мировой войны в мировой политике закрепилось осознание бесперспективности военных методов достижения экономического и политического превосходства. Появились новые инструменты и организации, позволяющие достигать тех же целей при помощи так называемой «мягкой силы» [3. С. 47]. В этот период особенно усилились информационные войны. Создание общественных организаций, которые пропагандируют ценности западной культуры и стало, по мнению С.В. Ткаченко, одним из приемов информационной войны, стремясь оказывать влияние на внутреннюю политику стран пребывания [9. С. 10].

Также С.В. Ткаченко утверждает, что победа в информационном противостоянии с СССР позволила странам коллективного Запада поставить экономику нашей страны в уязвимое и зависимое положение, в котором уход от сырьевой зависимости крайне затруднен [9. С. 105-106]. Безусловно, зависимость от цен на энергоносители имеет место в современной отечественной экономике. В 2006 г. академик РАН А.А. Кокошин писал: «Зависимость России от экспорта сырья достигла критического уровня, что представляет собой угрозу для национальной безопасности и суверенитета страны. Не снижая (а в ряде случаев и увеличивая) объемы поставок сырья, следует целенаправленно, год за годом, изменять структуру российского экспорта в пользу промышленных товаров и услуг, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Одновременно необходимо добиваться большей степени переработки сырья, улучшать структуру топливного баланса» [5. С. 60]. Из этого следует, что особенно важно проведение гибкой политики поддержки российских компаний как неэнергетического, так и энергетического секторов. Однако при этом рост отечественной экономики «должен обеспечиваться прежде всего за счет наукоемкой промышленности и базирующейся на высоких технологиях сфере услуг» [5. С. 59], а также развитого сельского хозяйства страны.

В этой связи значимость экономической дипломатии как части внешней политики государств сильно возросла.

В отечественной и зарубежной научной мысли можно выделить два подхода к пониманию экономической дипломатии и ее задачам: сторонники первого подхода – в их числе И.А. Орнатский [8] и И.Д. Иванов [4], назовем их «политиками», отмечают неразрывность экономических и политических инструментов и целей, фактически ставя во главу угла политическую целесообразность, сторонники второго, «экономисты» – например, Е.А. Лихачев [6; 7] и Д.А. Дегтерев [1], – выделяют широкое использование политико-дипломатических средств для достижения преимущественно экономических целей, ставя во главу угла экономические цели. В исследованиях «экономистов» содержится следующее определение: «Экономическая дипломатия – это использование международных политических инструментов (дипломатии) для достижения экономических целей, и в таком виде она существовала

всегда, так как древние цивилизации занимались коммерцией и торговлей» [10. С. 2-3], здесь во главу угла фактически ставятся экономические цели, достигаемые дипломатическими инструментами.

Рассмотрим взгляды представителей каждого из направлений. Видение истории, ключевых целей и задач экономической дипломатии с точки зрения «политиков» представлено в работах И.А. Орнатского [8]. Он детально описывает различные инструменты экономической дипломатии, организационно-штатные структуры зарубежных дипломатических структур, работу международных организаций, подробно анализирует организацию работы на зарубежных рынках и вовлеченные в нее государственные органы. К реальным участникам процесса И.А. Орнатский относит не только внешнеполитические ведомства, но также министерства экономического профиля (промышленности и сельского хозяйства), науки, безусловно, разведслужбы. Описывая устройство политической системы США, исследователь отмечает, что «поощрение американского экспорта – ... одна из основных задач дипломатов экономического профиля» [8. С. 26]. Посольства США анализируют «сведения, касающиеся рынков сбыта для конкретных товаров и возможностей проникновения на них американской продукции» [8. С. 28].

В качестве одной из основных задач экономической дипломатии И.А. Орнатский называет «всемерное содействие разрядке, наполнение ее конкретным материальным содержанием» [8. С. 7]. Экономическим интересам он отводит роль стабилизатора системы международных отношений, а экономическую дипломатию представляет элементом большой дипломатической политики. Развитие взаимной торговли и научно-технических связей, которые способствуют не только экономическим результатам, но и расширяют «материальную базу политики мирного сосуществования» И.А. Орнатский называет в числе важных элементов улучшения отношений с буржуазными государствами [8. С. 240]. Среди основных задач дипломатических служб буржуазных государств этот исследователь отмечает стремление к внешнеэкономической экспансии финансистов, предпринимателей и монополий этих стран. Развивающиеся государства фактически рассматриваются И.А. Орнатским как арена столкновения империалистических держав и социалистического блока. Такое понимание отражает, с одной стороны, идеологию своего времени, с другой, реальную экономико-политическую картину описываемого в работе периода (20-70-е гг. XX века).

Взгляды «экономистов» относительно особенностей современной отечественной дипломатии представлены в работах А.Е. Лихачева. Он подробно анализирует деятельность российских министерств экономического блока [6. С. 147-168], рассматривает как изменившиеся реалии многосторонней экономической дипломатии, так и те, которые остались неизменными. Так, несмотря на все большее увеличение числа членов международных экономических организаций, постановления, принимаемые ими, по-прежнему от-

ражают, в первую очередь, мнение наиболее сильных держав, обладающих многочисленным квалифицированным аппаратом, участвующем в выработке различных мер, например, на площадке ВТО. После принятия решений наименее сильные страны также страдают от невозможности их имплементации в силу отсутствия финансовых ресурсов и специалистов в области законодательства и правоприменения [6. С. 67]. Особую роль, как отмечает исследователь, в начале 2000-х гг. имела работа по сближению России и ЕС, а также интеграционная дипломатия на постсоветском пространстве.

Как сторонник подхода «экономистов» к определению целей и значения экономической дипломатии А.Е. Лихачев отводит ей роль важнейшего инструмента, используемого для достижения преимущественно экономических целей государства и отечественного бизнеса. По его словам, «под экономической дипломатией в широком смысле слова можно понимать средство реализации внешнеэкономической политики государства и официальную деятельность по осуществлению задач этой политики, имея в виду экономические интересы государства, предприятий и предпринимателей, непосредственно причастных к внешнеэкономическим отношениям» [7. С. 4]. Следующее определение формулирует Д.А. Дегтерев: «Экономическая дипломатия являет собой совместную деятельность государства, общественных и деловых кругов по содействию отдельно взятым национальным компаниям во внешнеэкономической сфере (микроэкономическая дипломатия), а также продвижению общенациональных экономических интересов на международной арене посредством участия в международных экономических переговорах (макроэкономическая дипломатия) с опорой на инструменты и институциональные структуры современной дипломатии и внешнеэкономического комплекса» [1. С. 9].

А.Е. Лихачев отмечает важнейший прикладной характер экономической дипломатии как рычага «укрепления международной конкурентоспособности страны, получения выгод и конкурентных преимуществ на мировом рынке» [7. С. 4]. Он подчеркивает, что «наибольшее распространение приобрели активные формы экономической дипломатии, включающие политико-дипломатическую поддержку и лоббирование отечественного экспорта, многочисленные взаимосвязанные меры по улучшению условий доступа национальных компаний на зарубежные рынки (прежде всего торгово-политические меры), использование многосторонних и региональных организаций для продвижения собственных интересов, целенаправленное воздействие на партнеров с применением финансовых, ресурсных и иных средств оказания давления» [7. С. 4].

В целом, исследования А.Е. Лихачева дают детальное представление о практике работы в области экономической дипломатии в России начала 2000-х гг. При их сравнении с работами советских ученых становится заметно смещение акцента с политических вопросов формирования блоковой системы и переплетения политических вопросов с мерами эконо-

мического сотрудничества к вопросам утилитарного характера экономической дипломатии.

Как мы видим, в определении понятия «экономическая дипломатия» и в формулировании ее задач можно констатировать наличие двух базовых подходов и некоторых вариаций внутри них. Приверженность курса к одному из данных подходов служит основой целеполагания не только во внешнеэкономической деятельности, но, прежде всего, в развитии внутренней экономики и социальной сферы. Так, выбор политической целесообразности в определении курса может служить достижению политических и военных целей в ущерб распространению новых технологий и соответственно в ущерб внутреннему социально-экономическому развитию в условиях изоляции от общемировых трендов. При реализации подхода «экономистов» основной акцент делается на контролируемое сближение с мировой экономикой путем создания максимально благоприятных условий в работе за рубежом отечественных компаний. Такой подход позволяет обеспечивать инновационную диффузию, что не может не сказаться положительно на социально-экономическом развитии страны, однако может поставить экономику в зависимое положение от мировых кризисов и конъюнктуры внешних рынков.

Академик И.Д. Иванов дал следующее определение экономической дипломатии: «Экономическая дипломатия представляет совокупность организационно-правовых инструментов и действий во внешнеэкономической сфере с опорой на национальные интересы и скоординированное взаимодействие государственных и негосударственных структур в целях обеспечения устойчивого развития страны и ее безопасности в условиях глобализации» [4. С. 4].

Полагаю, что каждый из двух базовых подходов достаточно обоснован и логичен, однако его актуальность в большей степени зависит от политической модели и реалий, присущих конкретному историческому периоду. Так, во время «холодной войны» наблюдается явное превалирование «политиков» как в отечественных научных школах, так и на практике. С отказом от социалистической модели развития в нашей стране взгляды и политика «экономистов» стали находить более широкое распространение, обуславливая прикладной характер экономической политики. Более того, задача по расширению рынка сбыта и объемов несырьевого неэнергетического экспорта горячо поддерживается отечественными деловыми кругами и описывается как остро необходимая исследователями, в связи с чем в нашей стране она ставится на государственном уровне. Задача по достижению высоких показателей экспорта в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, была поставлена в 2018 г. Президентом России (1).

Опираясь на работы ведущих ученых, а также руководствуясь собственным опытом практической работы в различных акторах экономиче-

ской дипломатии (в государственных органах, в государственном агентстве по продвижению торговли и в бизнесе), полагаю возможным определить экономическую дипломатию как важную часть внешней политики государства, призванную обеспечить максимально благоприятные условия для внешнеэкономической деятельности и торговли, а также как инструмент влияния для достижения политических целей. Различного рода преференции в отношении одних контрагентов и создание затруднений в работе других контрагентов, использование имеющихся преимуществ могут выступать как меры влияния и помогать в реализации внешнеполитических задач.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона, 2010.
2. Зонова Т.В. Современная дипломатия: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2007. № 4.
3. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 5. Вып. 3.
4. Иванов И.Д. Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия. М.: РОССПЭН, 2001.
5. Кокошин А. А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006.
6. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: Экономика, 2006.
7. Лихачев А.Е. Экономическая дипломатия России в условиях глобализации: дис. ... докт. экономических наук. М., 2006.
8. Орнатский И.А. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения, 1980.
9. Ткаченко С.В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011.
10. Yakor M., Bergeijk van P. Economic Diplomacy, Trade and Developing Countries. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2011 // https://www.researchgate.net/publication/241764421_Economic_Diplomacy_Trade_and_Developing_Countries.

A.A.NARYSHKIN
Ph.D. Politics, Moscow, Russia

THE MAIN APPROACHES TO THE TASKS OF ECONOMIC DIPLOMACY IN THE DOMESTIC SCIENTIFIC LITERATURE

What is more important the state's focus on economic projects or domestic company's profits growth or probably achievement of long-term political goals? This issue has been considered by many prominent Russian and foreign scholars. Historically international economic relations rise the importance of this issue. It rises even more sharply in the context of the global crisis caused by the coincidence of two global trends at once: the oil prices fall and the global COVID-19 pandemic.

This article reviews the relationship between domestic economic diplomacy and foreign policy in the Soviet period and over the past decades. This approach allows to understand better the experience of Russian economic diplomacy, to define it in the past and present, to develop and determine practical points for improving efficiency of its measures aimed at interaction between the state and business in order to achieve better results in foreign economic activity.

Key words: *foreign policy, economic diplomacy, economic development, practical experience.*

КРАУДФАУДИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УСТОЙЧИВОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ

В данной статье рассматривается краудфандинг как инновационный механизм привлечения внебюджетных средств для осуществления развития региональной экономики в Китае. Целью является выявить положение краудфандинговых технологий в Китае и их роль и потенциальные возможности в развитии регионов. Рассматриваются как сильные стороны, так и вызовы, с которыми сталкивается этот механизм в Китае, его китайская специфика и перспективы. Хотя сейчас развитие краудфандинговых технологий в Китае несколько замедлилось, у них есть хороший потенциал, однако, для этого необходимо четко определить наиболее благоприятные сферы финансирования.

Ключевые слова: *инвестиции, региональное развитие, Китай, краудфандинг, правовое регулирование, инновации, малый бизнес.*

В современном мире, где изменения в сфере научно-технического развития происходят очень быстро, государство уже не может взять на себя все задачи по инвестированию в развитие регионов страны. С другой стороны, развитие инновационных технологий привели к усилению частного сектора и малого бизнеса. Растут возможности индивидуального вовлечения в процессы финансирования и инвестирования. Одним из таких механизмов может стать краудфандинг. Изначально краудфандинг рассматривался как способ сбора небольших сумм на частные проекты. Сейчас этот механизм зачастую используется государством для облегчения процесса инвестирования в региональное развитие. В Китае этот способ только начинает применяться. Целью данной статьи является выяснить текущее положение краудфандинговых технологий в Китае и их роль и потенциальные возможности для развития регионов.

Аргументами в пользу применения краудфандинговых технологий для развития региона в Китае можно считать следующее: во-первых, это актуаль-

ность применения «народного финансирования» по отношению к предприятиям малого и среднего бизнеса. Малый и средний бизнес составляет более 97% от общего числа предприятий в Китае и обеспечивает занятость 80% населения [1]. При этом практически 100% предприятий малого и среднего бизнеса в Китае являются частными компаниями [3]. Очевидно, что компании малого и среднего бизнеса являются одной из основных движущих сил экономики страны и основой благополучия среднего класса Китая. Однако, несмотря на быстрый рост таких компаний, они также сталкиваются с рядом проблем, и одна из наиболее значимых – недостаточное финансирование и трудности с получением кредитов и займов в банках [2]. Именно поэтому правительство Китая всячески поддерживает идеи крауд-финансирования развития таких компаний. В контексте развития малого бизнеса в Китае наиболее очевидно применить технологии краудлендинга (P2P).

Во-вторых, краудлендинг в Китае – это единственная модель, в которой есть институциональное участие. Институциональные инвесторы взаимодействуют с платформами P2P-кредитования и сотрудничают с ними. К концу 2017 года 212 P2P-кредитных платформ получили инвестиции от государственных компаний [5]. Таким образом, мы сталкиваемся с характерным для Китая подходом, когда в классические негосударственные проекты оказываются вовлечены бюджетные деньги. С одной стороны, такие проекты показывают положительную динамику с точки зрения развития экономики региона, с другой – они теряют свой внебюджетный смысл. Тем не менее, именно благодаря Интернет-технологиям, с каждым годом растет участие негосударственных кредиторов.

В-третьих, это удобство систем крауд-платформ для краудфандинга на основе вознаграждений, как так они не взимают комиссионных сборов с реципиентов, но получают прибыль от онлайн-маркетинга и рекламных услуг. Кроме того, они, как правило, позволяют сохранить все собранные средства вне зависимости от того, была ли собрана целиком заявленная сумма кампании или лишь ее часть. Это дает более широкие возможности для использования платформ.

Тем не менее, существует и ряд ограничений. Китайский рынок краудфандинга, хоть и самый большой, сейчас характеризуется низкими темпами роста. Это связано с тем, что Интернет-грамотность неравномерно распределена по регионам страны. Китайское общество имеет ограниченное представление о краудфандинге, и существует множество недоразумений относительно его использования и связанных с ним рисков и преимуществ. Это замедляет процесс использования крауд-технологий на благо развития менее развитых провинций (Ганьсу, Синцзян, Гуаньси), где, как раз, наблюдается критический недостаток бюджетных средств на финансирование проектов малого бизнеса, высоких технологий и сельского хозяйства.

Кроме того, в Китае в общественном сознании сильно размывается понятие краудфандинга. Этому во многом способствуют крупные компании (Alibaba, Tencent, JD), которые имеют собственные крауд-платформы для маркетингового тестирования новых разработок. Такие крауд-платформы работают в сфере краудфандинга на основе вознаграждения. Это способствует не целям социально-экономического развития региона, а обогащению крупного бизнеса. Однако активная вовлеченность компаний имеет и положительные стороны, связанные с возможностью бескомиссионного пользования платформами.

Еще одна сложность – отсутствие четкого правового регулирования для многих инновационных механизмов финансирования. Правовая среда краудфандинга в Китае все еще незрелая и находится в стадии разработки. Существуют трения между крауд-технологиями и действующими законами и постановлениями [4]. Самую большую проблему отсутствие четкого правового регулирования представляет для краудинвестинга. Развитие краудфандинга на основе акционерного капитала в Китае страдает от неопределенности, отсутствия легализации и жесткого порога для инвесторов. Следовательно, с точки зрения количества инвесторов, краудфандинг на основе акций является наименее популярной моделью краудфандинга по сравнению с другими моделями.

На эффективность использования краудфандинга как модели финансирования влияет множество факторов. Безусловно, имеет значение заинтересованность потенциальных потребителей в проекте, поэтому важно выявить ту область применения крауд-технологий, где они могут быть действительно эффективными.

В целом можно отметить что, хотя китайский рынок краудфандинга быстро развивается, такое стремительное развитие контрастирует с реальностью, где, с одной стороны, существует все еще достаточно неразвитая система регулирования, а, с другой, достаточно легко получить кредиты на физическое лицо. Эти факторы, вероятно, ограничат дальнейший рост. Говоря о наиболее перспективных отраслях для крауд-компаний, то для Китая – это в первую очередь креативные индустрии, инновационные технологии, предприятия малого бизнеса в сфере розничной торговли и услуг и сельское хозяйство.

Краудфандинг как инновационный механизм привлечения внебюджетных средств для осуществления развития региональной экономики в Китае пока что не применяется широко, хотя потенциально действительно может сыграть важную роль в региональном развитии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. SME's Account for over 60% of China's GDP, Beijing Mulls Inclusion of Loans as MLF Collateral. China banking news // <http://www.chinabankingnews.com>.

com/2018/06/22/smes-account-60-chinas-gdp-beijing-mulls-inclusion-loans-mlf-collateral/.

2. *Tang Y.K.* The influence of networking on the internationalization of SMEs: evidence from internationalized Chinese firms // *International Small Business Journal*. 2011. Vol. 29. No. 4.

3. *Wang J.G., Xu H., Ma J.* Financing the Underfinanced: Online Lending in China / J.G. Wang, H. Xu, J. Ma, Y. Zhang, Z. Chen. Springer-Verlag Berlin: Heidelberg, 2015.

4. *Xia E.* [夏恩君], *Li S.* [李森], *Zhao X.* [赵轩维] Crowdfunding abroad: literature review and prospect [国外众筹研究综述与展望] / 夏恩君, 李森, 赵轩维 // *Technol Econ*. 2015. Vol. 34 (10).

5. *You C.* Recent Development of FinTech Regulation in China: A Focus on the New Regulatory Regime for the P2P Lending (Loan-based Crowdfunding) Market // *Capital Markets Law Journal*. 2017. Vol. 13 (1).

GO SYUNHAO

*Master's Student of the Northwestern Institute
of Management of the Russian Academy of
National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia*

CROWDFUNDING TECHNOLOGIES IN CHINA'S SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT

This article considers crowdfunding as an innovative mechanism for attracting extra-budgetary funds for the development of the regional economy in China. The aim is to identify the position of crowdfunding technologies in China and their role and potential opportunities in the development of regions. We consider both the strengths and challenges that this mechanism faces in China, its Chinese specifics and prospects. Although the development of crowdfunding technologies in China has slowed down somewhat now, they have good potential, but for this it is necessary to clearly identify the most favorable areas of financing.

Key words: *investment, regional development, China, crowdfunding, legal regulation, innovation, small business.*

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В ИСТОРИОГРАФИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

По мотивам рецензии на статью Смирновой Юлии Валерьевны «Современная историография перестройки», опубликованной в журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений». 2021. Том 11. № 9.

Понятие «перестройка», вошедшее в научный лексикон и отражающее события в СССР с 1985 по 1991 год, по истечении уже более тридцати лет по-прежнему не только вызывает научный интерес. Но и наука, (историческая, политологическая и прочие), ее представители еще не сформировали о перестройке системы знаний и представлений. Нет и теории, которая бы оформила хотя бы основные научные параметры перестройки. Этот, видимо, будет оформлено потом. Но перестройка наделила ученых фантастическим чувством, одних – благодарности, других – негодования. В связи с возможной публикацией издательством «Наука сегодня» в журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений» 2021. Том 11. № 9 статьи Смирновой Ю.В. «Современная историография перестройки» есть возможность не только прокомментировать достоинства и недостатки этой статьи, но и предложить в этом контексте авторскую версию интерпретации главных и второстепенных проблем, освещаемых в историографии темы российскими и зарубежными исследователями. В результате наших рассуждений и нашего анализа имеющегося материала мы приходим к простому выводу: в России современной, в ее городах и весях живут и сейчас миллионы тех, для которых перестройка все еще является самой важной и реальной историей, а истолкование ее – существенной задачей их повседневной жизни и ближайшего будущего.

Ключевые слова: перестройка в СССР, историография перестройки.

1. Предпосылки к развернутому и более детальному анализу. Перестройка сегодня не остается в точном соответствии со своим историческим оригиналом в сознании и памяти поколения 20-х гг. 21 века. Или мы оши-

баемся! Тем не менее, ее существо до такой степени переполнено силой ее реальных идей и мифов, что невольно соглашаешься с теми, для кого «Великая Отечественная война и горбачевская перестройка остаются двумя самыми востребованными сюжетами прошлого, если речь заходит о попытках измерить состояние исторической памяти современных россиян. Я ставлю вопрос об оправданности самого понятия «поколение перестройки» – и отвечаю на него утвердительно. Общим знаменателем этого поколения – и одновременно последним из череды «больших мифов», определявших историческое сознание российского и советского общества в XX веке – стала идея возвращения к «истинному социализму» [2]. Получается так для некоторых групп исследователей, что перестройка также дала возможность обращаться с научным знанием на какой-то новой для того времени методологической основе, позволила утверждать и заявлять об альтернативной историографии в СССР [10]. Насчитывая сотни научных статей на английском [20] и русском языках, перестройка оставила широкую дорогу для самых невероятных ее интерпретаций и компиляций самого исторического процесса под названием «перестройка» той или иной группой исследователей или государственных и политических фигурантов [11]. Есть основания говорить о том, что с введением новых документов и данных [18], можно расширить и уточнить многие аспекты того процесса.

И в этом именно контексте статья Смирновой Ю.В. – бесспорно является актуальной, если иметь в виду даже только историю самого явления перестройки в СССР и историографическое ее осмысление.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [6; 7; 8; 9; 13; 14; 16; 17].

Однако проблему перестройки в СССР нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Структура исследования, мы бы сказали, если не ошибаемся, вне строгой и жесткой конструкции: но в ней есть логика осветить сначала теоретические постулаты перестройки, потом хронологически выстроенные события, процессы, действия держателей власти и общественных структур, представленные российскими исследователями, потом те же элементы процесса перестройки в изложении зарубежных авторов. Наиболее приемлемым автор статьи посчитал нужным разделить текст статьи на отдельные разделы: введение; ход и результаты исследования; причины и предпосылки Перестройки; начало Перестройки, Хронология; современная отечественная историография Перестройки; зарубежная историография Перестройки; заключение. Оправдана ли такая структура? Согласимся с тем, что это авторская позиция и видение изучаемой темы. Автор имеет на этот счет право и главное, может предложить свой угол зрения и свой стиль, и мето-

дику анализа и освещения. Заметим, что мы бы прибегли к другой версии структуризации такой статьи, с большим доверием и с большей уверенностью в расчете на ожидаемый от этого эффект использовали структуру уже имеющихся в научном обороте статей и аналитических исследований.

Тема и оглавление статьи – «Современная историография перестройки» – сразу же настраивает читателя на то, что автору хотелось бы предложить в своем анализе чрезмерность исторического процесса, неординарность перестройки, или то, что вошло в научный и повседневный оборот под этим термином. А историографический срез восприятия этого явления и процесса, его природы и сущности, его последствий – это всего лишь соразмерная форма сознательного отражения всего того, что смыкалось в самых непримиримых противоречиях короткой эпохи финального периода доживания СССР, его материального каркаса, былой мощи.

2. Тяжеловесность проблематики перестройки: нет одной ее причины. История перестройки сродни тяжеловесной эпопеи, но которая все же могла вдохнуть жаркое дыхание и надежду к обновлению, веры в предписанный той же историей исход к лучшей жизни. Определяя ключевые закономерности и противоречия, нашедшие отражение в историографии, вводя их в качестве цели своего исследования, автор статьи уже не мимоходом связывает слова о перестройке в СССР с переживаемыми от этого процесса настроениями, ощущениями, с надеждами, ожиданиями и ужасами разрушительного исторического движения от одной к другой форме существования. Можно критически отнестись к умозаключениям и предвзято оценить утверждения Смирновой Ю.В., когда автор, обращаясь к историографии отечественных и зарубежных исследователей, спешит заявить – «ключевые закономерности историографического процесса освещения Перестройки связаны с утверждением во многих работах глобального аспекта значения этого исторического события для развития мира и России». Не есть ли это преувеличение роли и значения этой самой «перестройки», ставшей не столько реакцией на логику движения глобальных процессов. Но, прежде всего, отражением и продолжением ужасной раздвоенности советской системы?

Автор ищет ответы и на такого рода «неопределенные» и еще не определившиеся в историографии вопросы. И в этом поиске есть шанс быть перспективным направлением в исследовании этой темы подмеченное автором наблюдение, вынесенное из историографии, суть которого в том, чтобы рассматривать перестройку в качестве отдельного исторического процесса. И больше того – именно выделение перестройки в самостоятельный и отдельный исторический феномен можно и даже следует рассматривать важным и продуктивным подходом для определения ключевых закономерностей и противоречий процесса перестройки.

Статья Смирновой Ю.В. включает в себя историографический анализ 32 исследований, 23 из которых принадлежат российским исследователям

и остальные – это работы зарубежных авторов, написанных на английском языке. Основная масса этих работ – научные статьи, традиционного для такого жанра объема, стиля написания, и традиционного для них источникового обеспечения и событийного описания. Анализируемые в статье работы и приведенные в «списке литературы» стали достоянием научного анализа от самого начала перестройки (90-е гг. XX в.) до самых «свежих» выпусков, датируемых концом 20-х годов XXI века. Желательно было бы, чтобы автор статьи хотя бы кратко указал на динамику научного интереса к данной теме и в рассматриваемый период. И не остановился на констатации только того, что «в условиях глобальных изменений и кризисных явлений возобновился повышенный интерес научного сообщества к исследованию опыта управления социально-экономическими трансформациями для анализа успехов и ошибок. Среди наиболее изучаемых страниц мировой истории не ослабевает интерес к Перестройке в СССР, которая изменила мир».

Допускаем, что этот массив материалов и данных, почерпнутых в историографическом багаже, позволил автору статьи прийти к главному выводу. Суть его выражена в статье в следующих терминах: «перестройка не достигла того, на что рассчитывала. Перестройка была последней попыткой решения накопившихся экономических и социальных проблем, а также способом спасти положение СССР как внутри страны, так и за ее пределами. Несмотря на эту попытку реструктуризации, переоценки и преобразования социализма, перестройка не оставила шанса на дальнейшее существование СССР. Однако, она дала шанс перейти на новую ступень демократического развития страны и общества».

Введенные в научный оборот, предьявленные историографией теории революции элит, теории модернизации, их возведение в ранг базовых, но и не универсальных теорий, о чем говорит Смирнова Ю.В. – все это лишь, как нам представляется, прелюдия того величественного слияния в перестройке большой мощи встретившихся в короткий исторический период потоков. Вот и рубеж 20 и 21 века для Российской империи (теперь уже советской) завершался трагедией распада. Но он уже рисовал контуры самой совершенной трагедии, переходящей в финальный акт предчувствия обновления.

Автору статьи с недюжинным нетерпением, свойственным для творческих натур, постигающих секреты процессов и их анализа другими исследователями, углубляется в объяснения причин и предпосылок перестройки. Еще раз, и в который раз, сравнительно-познавательный метод не ниспровергает академическую трактовку перестроечного процесса. В обороте рассуждения: идеологи потребления, срез социокультурных ориентаций российского общества, берущих начало еще в доперестроечную эпоху, пересечение и наложение причинно-следственных связей перестройки в СССР и третья волна демократического транзита в мире и с событиями

в самой стране в предыдущие эпохи и времена. Все, консерваторы и либералы, выдвигали одну за другой концепции обновления и перемен, ждали перемен, связывали их с перестройкой и гласностью. Обо этом пространно, в деталях пишет Ю.В. Смирнова, легко оперируя именами, работами известных и не очень известных, и авторитетных ученых, но популярных интерпретаторов, протекающих под лозунгом перестройки процессов. Обращаясь к исследователям, автор статьи сопровождает свои умозаключения утверждениями, по которым выходит, что от политики «перестройки» ожидалось ясное, понятное обществу определение новых целей и задач, «нового курса», не только КПСС. Что и высшая власть в СССР в целом (а на республиканском уровне тем более, стоило бы подчеркнуть) [5]) оказались, по существу, «деидеологизированными», лишенными четкой общественно-политической программы действий. Со ссылкой на историка Д.В. Маслова автор статьи в очередной раз ставит вопрос – «была ли концепция» реформ. И приходит к противоречивому выводу: с одной стороны, в 1985 году высшее руководство представляло себе лишь общие контуры реформ, не имея выверенной по этапам и механизмам программы действий; с другой - и сторонники, и оппоненты Горбачева в большинстве своем признают существование определенного ценностного комплекса, ставшего начальным ориентиром «перестройки». Разумеется, что после таких умозаключений, а они не ушли с пространства дискуссии и полемики, равным образом можно утверждать, что эти самые сторонники и оппоненты М.С. Горбачева может быть и не признают этого самого комплекса ценностей за стратегией перестройки. И самой стратегии не было.

Никто, кажется, не знал образа обновления, его черт и характеристик, и куда обновление и перестройка должны привести, чем завершиться. Никто тогда не мог укротить демона перестройки. Вышедшая в 1988 г. книга известного для того времени советского ученого, публициста, профессора Ф.М. Бурлацкого с предельной ясностью показывает жизненный и социально-политический драматизм при недостатке стратегического видения происходящего: «эта книга вдохновлена теми переменами, которые происходят в нашей стране. Новое мышление. Технологическая революция. Революционные реформы. Таковы идеи, которые автор пытается отразить в книге. Конечно, она носит эскизный характер, многое еще в ней построено на диалоге, потому что многое еще не определилось. Ни одно из суждений не претендует на окончательность; они являются предметом размышлений, дискуссий и споров» [1].

Эскизный вариант суждений, их неопределенность, дискуссии и споры – это удел научного и теоретического ремесла. В политике – вещь опасная, вредная и угрожающая. Бурлацкий и такие как он, будучи тогда выразителями блеска и сверканий от слов, увлекались этим словесным сверканием сами и увлекали им политиков. Политики только в этом дискурсе слышали

музыку блестящих слов, или притворялись, что не находили в них предчувствия гибели непостижимого в процессе перестройки и не допускали объяснений, того, что страна и общество, государство накануне заката.

В содержании рассматриваемой нами статьи много места отводится характеру самой перестройки, попыткам в прошлом и сегодня определить ее природу и характер. Тут мы бы сослались на работы С.В. Величко, которые Смирновой Ю.В. серьезно проштудированы и включены в анализ процесса перестройки. Полагаем, также указать на тот факт, что исследователь С.В. Величко считает, что перестройка, ее специфика и особенности – это более «бархатный», мирный характер ее протекания и влияния, чем политические конфликты начала и середины XX века [3]. Им также выделены в этом процессе два этапа развития перестройки (1985-1991 гг.). Этот этап совпадает с эпохой преобразований М.С. Горбачева, с концепцией демократического социализма. Описание этого периода у авторов носит описательный характер, популяризацию перестроечных идей. Для пущей важности вводится в научный оборот текущий материал, статистика, но нет четкой классификации различных политических движений. Их оценка противоречива. С середины 1990 гг. начинается отход от коммунистических идей, набирает обороты идея многопартийности, господствуют надежды о превращении России в демократическую страну за короткий период. Еще есть надежда, что социализм в СССР – это гуманный демократический строй «с человеческим лицом».

Второй период, отмеченный в историографии, берет начало в 1992 году и до наших дней. Характерными чертами периода являются – отход от формационной теории, популярность теории модернизации, революции элит. Отечественные историографы ищут тесную связь с зарубежными коллегами и исследованиями.

Самого серьезного внимания заслуживает обращение Смирновой Ю.В. ее солидарность с теми исследователями, которые опираются на теорию «революции элит». Но и С.В. Величко развивает эту теорию через описание и анализ изменений и перемен в структурах партийной и советской номенклатуры. По его мнению, будто бы эта категория элиты захотела упрочить свое положение через юридическое оформление и присвоение общенародной государственной собственности. Эти подвижки в сознании этой самой номенклатуры берут начало еще в 60-80 гг., что, по мнению Д.Е. Фрумкина, и с ним согласна Ю.В. Смирнова, объясняют вялое сопротивление наступающему в стране капитализму и своеобразным ему отношениям. Величко С.В. интерпретирует термин «революция элит». Ему вторит исследователь Д.Е. Фурман. В их представлениях советская элита полностью потеряла веру в официальную идеологию марксизма. И поэтому начала перестройку. В этом преломлении и в этой перелицовке элиты группа исследователей и Ю.В. Смирнова тоже, видят содержание термина – «революция элит».

Широко растиражированная в историографии теория элит не лишена серьезных недостатков в объяснении сложности самого перестроечного про-

цесса. Среди ее множества недостатков, ее «ахиллесова пята» в том, что она сводит весь процесс к борьбе за власть «в верхах». И этой теорией не учитывается многообразие других факторов, определяющих логику перестройки, влияющих на ее характер и природу. Теория элит как бы за скобки выводит роль массовых общественных движений, нарастание социально-экономического кризиса и прочие явления и процессы. Не исключено, что теория элит прикрывает всей силой аргументов и доводов совсем иное содержание элитных интересов по ходу перестройки. Как бы не вышло, что теория элит должна трансформироваться в теорию контрэлит. Или квазиэлит, поставивших перед собой и обществом совершение действия по природе своей связанных не с революцией, а с контрреволюцией. Контрреволюцией, отвергнувшей социализм, и утвердившей, возвратившей российское общество к той системе отношений и ценностей, с которыми она рассталась в революционную эпоху 1917 года.

Кстати, многие другие характерные для теории элит негативные черты тоже представлены в историографии. И они находятся в сфере анализа и учитываются рядом исследователей, которые противопоставили, или, вернее, дополнили теорию элит, теорией общественного консенсуса и действия [12], и теорией модернизации. Так, в частности, известный ученый Согрин В.В. на основе теории модернизации выделил в деятельности М.С. Горбачева тоже два периода: первый (1985-1987 гг.) – это модернизация «сверху»; второй период (1987-1991 гг.) – желание найти поддержку «снизу» и попытку соединить социализм с политической демократизацией и рыночной экономикой [15]. Такого объединения не выдержала советская система. Распад СССР был неизбежен, – констатирует автор данной статьи.

Но в этом контексте был в свое время поставлен исследователем В.В. Согриным и другой вопрос, о чем заявляет также Величко С.В. – насколько совместима модернизация с сохранением национальных основ вступающих на ее путь цивилизаций. Отвечая, как бы на этот теоретический парадокс и казус, исследователь Барсенков А.С. попытался совместить сильные стороны теории модернизации и теории революции элит, и для этого сосредоточился среди прочего, на представлениях партийно-государственной элиты разных уровней (СССР, его республик), на эволюции их сознания и поведения. Смирнова Ю.В. резонно в этом контексте заявляет, что и уже исследователь Величко С.В. обращает внимание на то, что ни та, ни другая теории не могут быть универсальными и тем более единственными в описании и объяснении причин, содержания и последствий перестройки. Понятно, что теория и практика перестройки могла бы быть раздвинута в познании и понимании при консолидации ученых всех направлений и стран. Отсюда, естественно, и обнадеживающе может быть принята информация, что многие аспекты теоретического и прикладного порядка перестройки стали предметом изучения зарубежных исследователей.

Автор данной статьи, Смирнова Ю.В., справедливо замечает в своем исследовании, что зарубежные исследователи на первых порах в основном призывали перестройку в СССР. Так, исследователь Н. Робинзон [19] еще в 1991 году, анализируя происходящее в СССР, предложил не два, а три периода (этапа) в эволюции процесса перестройки (от избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС до Пленума ЦК КПСС в феврале 1988 г.). На этом этапе главное – это экономические преобразования с сохранением лидирующей роли КПСС. Партия по-прежнему – авангард; второй период – начало в 1988 году, это период реформы избирательной системы, выборов народных депутатов СССР. И завершение этапа – первый съезд народных депутатов. Содержание этапа – реформы представительных институтов власти. Партия по-прежнему стоит во главе, но уже формируется оппозиция во главе с Б.Н. Ельциным. Третий этап – это противостояние М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, от первого съезда народных депутатов и до XXVIII съезда КПСС включительно. На этом отрезке происходит отмена статьи 6 Конституции СССР, партия становится жертвой острой внутривластной борьбы.

Актуальными, но так и не объяснимыми остаются вопросы, возникшие и в связи с проблематикой перестройки, что нашло отражение в историографии темы. Эти проблемы касаются роли и масштаб влияния на процессы лидеров, политических функционеров. Речь в данном случае шла и продолжает будироваться ее текстуальность вокруг роли М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Автор статьи находит нужным сказать по отношению к М.С. Горбачеву: «он хотел дать социализму шанс выжить и развить, а не «закрывать» его; не свергнуть, а спасти его от краха под растущим давлением собственной неэффективности. Однако произошло иначе, и поэтому, вопреки своим намерениям, Горбачев в конце концов способствовал краху государственной социалистической системы как мало кто другой». Дискуссия и споры на этот счет, точно будут продолжаться. Уж больно привлекательной останется тема роли личности в истории. И тут не будет скорой победы тех или других, радетелей или ниспровергателей этой самой роли личности. Пока что видим тот процесс, при котором никакой плотной разумом не преградить исторического потока. Камень истории скатывается и становится лавиной. Обращаясь с темой роли личности в контексте изучаемой проблемы и Ю.В. Смирнова выделила эту проблему, связав ее не только с М.С. Горбачевым, Б.Н. Ельциным, но и с Дэн Сяопином, с китайской версией перестройки, которая оказалась все же успешной, если ее сравнивать с российским аналогом. Ничего другого по отношению к Дэн Сяопину и сказать будто бы нечего, кроме того, что в нем обнаружился, к счастью китайцев, самый сильный и самый уверенный человек – это человек единой мысли. Такие люди всю приобретенную и накопленную ими энергию и мощь, силу влияния и воздействия, волю и интеллект обращают в одном, единственном направлении. Так ими создается напор, который редко кем может быть

предотвращен и сдержан. Дэн Сяопин оказался тем человеком-политиком, кто не смотрел ни налево, ни направо, а прямо и вперед.

В СССР-России не оказалось тогда лидера, который бы смотрел только вперед, в одном единственном направлении. Автор статьи нашел возможным сказать и оценить М.С. Горбачева по-своему, укрепляя свое видение и понимание этой политической фигуры ссылками на коллег-исследователей: «В истории советского руководства Горбачев был единственным, кто пытался дать народу все, что его предшественники пытались отнять у них: выбор. Даже если последствия этого выбора противоречат истинным целям этого лидера, следует признать, что он предпочел дистанцироваться от мрачной модели типичного советского лидера».

3. Заключение. Статья Смирновой Ю.В. о многом не поведала. Но кое-что из нее нам удалось уяснить. Тем самым мы ее уже рекомендуем к публикации. Предлагаем к публикации хотя бы потому, что она позволяет уяснить, что и после 70 лет СССР, и после 6 лет правления этой страной и системой М.С. Горбачевым (март 1985 – август 1991 гг.) и таким же типом управленцев – и страна, и ее правящая верхушка, и ее лидеры, и лидер достигли «низшей точки политической жизнеспособности». Казалось многим, что страна уже вконец растерзана, разъедена своими неурядицами и неустроенностью, а ее вожди и управленцы (квазиэлита) к тому же разъединены своими нервными выходками, пессимистичным самоотречением от государственной власти и государственного управления ради власти над материальными активами страны. Но тогда, как нам кажется, именно тогда в духовном лоне российского общества, в ее духовном развитии внезапно наступило столь характерное для нее вдохновение к преодолению. Это одно из тех мгновений самопознания и самоспасения, которое сообщило история перестройки. Возможно это и есть закономерность, искомая автором данной статьи, созидаемая историческим процессом. И в этом только непреходящая ценность драматизма перестройки. И что постепенно открывается, но еще не открыто полностью ходом развития, в том числе историографией и историками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1989.

2. *Ватлин А.В.* поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // <http://gefter.ru/archive/10299>.

3. *Величко С.А.* Перестройка в СССР (1985-1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // <https://cyberleninka.ru/article/n/perestrojka-v-sssr-1985-1991-gg-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-istoriografii/viewer>.

4. *Иванов В.* Глава субъекта российской федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов) в 2 т. М.: 2019.

5. *Медведев Н.П.* «Новые» на Старой площади: Кремлевско-провинциальные истории. М.: Республика, 1978.

6. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 3.

7. *Николенко А.А.* Русская локальная цивилизация: этапы и основные характеристики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 7.

8. *Полищук В.У.* Россия – Украина. Невыученные уроки истории // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. № 3.

9. *Пряхин В.Ф.* История и перспективы российской демократии в контексте международного опыта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 4.

10. *Самородов Д.* Альтернативная историография в СССР. 80 г. 20 века // <https://proza.ru/2019/02/09/1556>.

11. *Сафронов А.* Взгляды на перестройку: Байбаков, Гайдар и другие // <https://vestnikburi.com/vzglyady-na-perestrojku-bajbakov-gajdar-i-drugie/>.

12. *Слизовский Д.Е., Рузанов С.А., Олейников Д.И.* Общественно-политическое движение в России (1991-1999 гг.): актуальность, подходы исследования // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики права. 2016. № 3-4 (4-5).

13. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Содружество независимых государств: новые актуальности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 1.

14. *Смирнова Ю.В., Токарева Е.А.* Повседневная жизнь москвичей в начале 1990-х или крушение мечты советского обывателя // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 8.

15. *Согрин В.В.* Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11.

16. *Сомов А.А.* Идея «истинного государя» в отечественной социально-политической мысли советского периода // Вопросы политологии. 2021. № 6.

17. *Сунь Вэньсянь.* Обзор новоузенских событий в Казахской ССР 1989 года // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 2.

18. *Perestroika in the Soviet Union: 30 Years on Documents show extraordinary achievements, Spectacular missed opportunities* // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB504/>.

19. *Robinson N.* The Party is sacred to me: Gorbachev and the place of the party in soviet reform, 1985-1990 // Discussion Paper Series. Russian and Soviet Studies Centre, University of Essex. 1991. № 10.

20. *Ryazanov V.T.* History of perestroika in the USSR: fading of illusions and lessons for modern Russia // https://www.researchgate.net/publication/325572584_History_of_perestroika_in_the_USSR_fading_of_illusions_and_lessons_for_modern_Russia.

D.Y. SLIZOVSKIY

*PhD in History and Politics, Professor at the
Peoples' Friendship University of Russia
(PFUR), Moscow, Russia*

PERESTROIKA IN THE USSR IN HISTORIOGRAPHY: CURRENT PREFERENCES

The concept of “perestroika”, which entered the scientific lexicon and reflects the events in the USSR from 1985 to 1991, after more than thirty years, still not only arouses scientific interest. But science (historical, political science, and others), its representatives have not yet formed about the restructuring of the system of knowledge and ideas. There is also no theory that would formalize at least the basic scientific parameters of perestroika. This one, apparently, will be issued later. But perestroika gave scientists a fantastic feeling, some-gratitude, others-indignation. In connection with the possible publication by the publishing house “Science Today” of the article by Smirnova Yu.V. “Modern historiography of perestroika”, there is an opportunity not only to comment on the advantages and disadvantages of this article, but also to offer in this context the author’s version of the interpretation of the main and secondary problems covered in the historiography of the topic by Russian and foreign researchers. As a result of our reasoning and our analysis of the available material, we come to a simple conclusion: in modern Russia, in its cities and villages, there are still millions of those for whom perestroika is still the most important and real story, and its interpretation is an essential task of their daily life and the near future.

Key words: *perestroika in the USSR, historiography of perestroika.*

НАШИ АВТОРЫ

Алехина Алевтина Павловна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (alekhina.alevtina@vvsu.ru).

Амиантова Ирина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (amiantova_is@rudn.ru).

Аствацатурова Мая Арташесовна – доктор политических наук, профессор, профессор Хэйлунцзянского института иностранных языков, КНР, г. Харбин; директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета, Россия, г. Пятигорск (maya.astv@gmail.com).

Бакарюхина Александра Вячеславовна – студент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (1032183310@rudn.ru).

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, Россия, г. Москва (belov2006s@yandex.ru).

Го Сюнхао – магистрант Северо-Западного Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург (voprospolitolog@yandex.ru).

Дубровина Ольга Васильевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Дубровина Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, координатор Национального союза политологов России, Россия, г. Москва (dubrovinaov@list.ru).

Залысин Игорь Юрьевич – доктор политических наук, профессор Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, Россия, г. Москва (izal@rambler.ru).

Зорин Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, член Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, член Общественной палаты РФ, Россия, Москва (zorin@iea.ras.ru).

Конько Сергей Григорьевич – аспирант направления политических наук и регионоведения Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск (skonko@mail.ru).

Кудашев Руслан Шамилович – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (da-b0ss@yandex.ru).

Макаров Алексей Владимирович – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности факультета национальной безопасности института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (am555@yandex.ru).

Маматкобилов Турсунмурод – кандидат политических наук, доцент Академии Министерства Обороны Республики Узбекистан, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Меркулов Андрей Львович – аспирант кафедры международных отношений Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург (a.merkulov.spb@gmail.ru).

Мехмет Эмин Икбаль Дюрре – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), Россия, г. Москва (durreikbal@gmail.com).

Михайленко Александр Николаевич – доктор политических наук профессор, заведующий кафедрой международной безопасности и внешне-политической деятельности России факультета национальной безопасности института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Нарышкин Андрей Александрович – кандидат политических наук, Россия, г. Москва (andr-naryshkin@yandex.ru).

Нормуратова Махлие Кушалиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Академии Министерства Обороны Республики Узбекистан, Республика Узбекистан г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Осипов Александр Владимирович – кандидат политических наук, судья Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону, Россия, г. Ростов-на-Дону (leninsky.ros@sudrf.ru).

Павшукова Анастасия Юрьевна – аспирант факультета международных отношений и мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (a.pavshukova@mail.ru).

Плотников Василий Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела Сибирского государственного университета путей сообщения, Россия, г. Новосибирск (voprospolitolog@yandex.ru).

Ровчак Павел Юрьевич – аспирант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (3579119@gmail.com).

Славин Борис Станиславович – студент направления подготовки «Международные отношения» Сибирского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск (voprospolitolog@yandex.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор РУДН, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Стаценко Оксана Станиславовна – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Суслонов Павел Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, консультант отдела этноконфессиональных отношений и организации работы по профилактике экстремизма Департамента внутренней политики Свердловской области, доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета, доцент кафедры теологии Уральского государственного горного университета, Россия, г. Екатеринбург (dr.suslonow2010@yandex.ru).

Третьяков Антон Валерьевич – директор Департамента внутренней политики Свердловской области, заместитель председателя межведомственной комиссии по профилактике экстремизма в Свердловской области, Россия, г. Екатеринбург (antontretyakov@yandex.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Чемшит Денис Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (stacenkooksana@mail.ru).

Шевелёва Юлия Романовна – стажер Национального исследовательского института развития коммуникаций, Россия, г. Москва (sheveleva.yur@yandex.ru).

Шэнь Шань – аспирант кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (695905040@qq.com).

Цветкова Ольга Викторовна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tsvetkovaov@mail.ru).

Эгембердиев Асилбек Калмаматович – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (infokginfo@mail.ru).

OUR AUTHORS

ALEKHINA A.P. – Bachelor of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

AMIANTOVA I.S. – PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

ASTVATSATUROVA M.A. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Heilongjiang Institute of Foreign Languages, China, Harbin; Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Studies of Pyatigorsk State University, Russia, Pyatigorsk

BAKARYUKHINA A.V. – Student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

BELOV S.I. – PhD, senior researcher, Philosophy Department, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.

CHEMSHIT A.A. – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of «Political Science and International Relations», Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

CHEMSHIT D.A. – Candidate of Political Sciences, Docent of Faculty “Theory and History of State and Law”, Law institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

DUBROVINA O.V. – Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and Political Management, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DUBROVINA O.YU. – PhD in Political Science, Associate Professor, Coordinator, National Union of Political Scientists of Russia, Moscow, Russia.

EGEMBERDIEV A.K. – Postgraduate student of the Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

GO SYUNHAO – Master's Student of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia.

KONKO S.G. – Postgraduate Student of Political Science and Regional Studies at the Siberian Institute of Management-Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

KUDASHEV R.Sh. – Post-graduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MAKAROV A.V. – Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

MAMATKOBILOV T. – Candidate of Political Science, Associate Professor, Academy of the Ministry of Defense of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

MEHMET EMIN IKBAL DURRE – Associate Professor in the Department of Regional Science of Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia.

MERKULOV A.L. – PhD of International Relations, Nord-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia.

MIKHAYLENKO A.N. – Doctor of Political Sciences, professor, chairman, international security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NARYSHKIN A.A. – Ph.D. Politics, Moscow, Russia.

NORMURATOVA M.K. – PhD in Philosophy, Associate Professor Department of Humanities of the Academy Ministry of Defense of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

OSIPOV A.V. – Candidate of Political Science, Judge of the Leninsky District Court of Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia.

PAVSHUKOVA A.YU. – PhD student at the Faculty of International relations and world politics St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

PLOTNIKOV V.S. – PhD in Social Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Customs Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia.

ROVCHAK P.U. – Postgraduate student, international security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

SHEN SHAN – Ph.D. student, Lomonosov Moscow State University School of world politics, Moscow, Russia.

SHEVELYOVA YU.R. – Trainee of National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russia.

SLAVIN B.S. – Student of the International Relations course of the Siberian Institute of Management of the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia.

SLIZOVSKIY D.Y. – PhD in History and Politics, Professor at the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

STATSENKO O.S. – Candidate of Political Sciences, Docent, Sevastopol State University, Law institute, Head of Faculty, “Theory and History of State and Law”, Sevastopol, Russia.

SUSLONOV P.E. – Consultant of the Department of Ethno-confessional Relations and organization of work on the prevention of extremism Department of Internal Policy of the Sverdlovsk Region, Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth of the Ural Federal University, Associate Professor of the Department of Theology Ural State Mining University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yekaterinburg, Russia.

TRETYAKOV A.V. – Director of the Department of Internal Policy Sverdlovsk Region, Deputy Chairman of the Interdepartmental Commission on the prevention of extremism in the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia.

TSVETKOVA O.V. – Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ZALYSIN I.Yu. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.

ZORIN V.Yu. – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Presidential Council on Interethnic Relations, member of the Public Chamber of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВЕДРИН Оливье – профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (*Revue Défense Nationale*), спикер европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДОНАЙ Лукаш – д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

ИРХИН Юрий Васильевич – д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 9 (73), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.09.2021

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006**

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802**

Интернет-ресурс: www.evrzsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											